

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2026 Том 30 № 3

DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Научный журнал

Издается с 1997 г.

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ No ФС 77-61218 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Ястребов Олег Александрович,

доктор юридических наук, профессор,
РУДН, г. Москва, Российская Федерация.
Руководство производством журнала,
техническое и организационное
обеспечение, формирование редакционной
политики, взаимодействие и контакты
с партнерами и официальными структурами.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Власенко Николай Александрович,

доктор юридических наук,
профессор, РУДН, г. Москва,
Российская Федерация.

Научная политика, организация
отбора статей, качество
публикуемых материалов,
формирование выпусков.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Ответственный секретарь

Никитина Валентина Сергеевна,

кандидат юридических наук, РУДН,
г. Москва, Российская Федерация.

Переписка с авторами,
документооборот журнала,
информационная инфраструктура
журнала, организация
рецензирования материалов.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Абашидзе Аслан Хусейнович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Андреева Полина Николаевна, кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Байдельдинов Даулет Лаикович, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Бекбаев Ерзат Зейнуллаевич, доктор юридических наук, профессор, Евразийская юридическая академия им. Д.А. Кунаева Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан

Варламова Наталия Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Васильева Татьяна Андреевна, доктор юридических наук, доцент, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Габов Андрей Владимирович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский университет, г. Ереван, Армения

Джансараева Рима Еренатовна, доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Еремян Виталий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Клишас Андрей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Либенберг Сандра, доктор права, профессор, Стелленбосский университет, г. Стелленбос, Южно-Африканская Республика

Нематов Акмал Рауфджонович, доктор юридических наук, доцент, Национальная академия наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Немытина Марина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Панагиотопулос Димитриос, доктор права, профессор, Афинский университет, г. Афины, Греция

Почакаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Пьетробон Алессандра, доктор юридических наук, профессор, Падуанский университет, г. Падуя, Италия

Робинсон Николас, доктор юридических наук, профессор, Университет Пейс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки

Тимошина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Периодичность: ежеквартально

Языки публикаций: русский, английский.

Журнал индексируется в *Единый государственный перечень научных изданий (Белый список), РИНЦ, Russian Science Citation Index (RSCI), перечень ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, DOAJ, Dimension*

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки» – периодическое научное издание, посвященное фундаментальным и отраслевым исследованиям в области права.

В журнале публикуются материалы, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности – научные статьи, рецензии на монографии и учебные издания, обзоры научных мероприятий и законодательства, анонсы новой научной литературы и другое.

Цели и задачи журнала:

- публиковать результаты оригинальных научных исследований по проблемам развития государства и права в современном мире;
- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными учеными-правоведами, специалистами, включая представителей смежных областей;
- знакомить читателей с новейшими направлениями исследований в области правовой науки как в России, так и за рубежом, их практической реализацией;
- публиковать результаты научных исследований по проблемам междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие права, экономики, политики, культуры, коммуникаций и др.;
- содействовать изучению особенностей правовых систем различными социокультурными общностями, включая студенческую молодежь.

В журнале публикуются результаты научных исследований по широкому спектру правовых проблем, в том числе по тематикам, соответствующим специальностям ВАК РФ: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки).

Материалы основаны на современной методологии юридической науки, содержат доктринальные подходы, отражают новейшие тенденции в законодательстве и правоприменительной практике России и зарубежных стран, международном правовом регулировании. Политика журнала базируется на соблюдении норм научной этики.

Материалы для опубликования принимаются через онлайн-систему: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>

Требования к публикуемым материалам, правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/law>

Редакторы *К.П. Перегудова, К.В. Зенкин, Д.Р. Фамилья Фриас*

Редактор-переводчик *В.В. Степанова*

Компьютерная верстка *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Подписано в печать 20.09.2026. Выход в свет 30.09.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,95. Тираж 500 экз. Заказ 1031. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Российская Федерация, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF LAW

2026 VOLUME 30 No. 3

DOI: 10.22363/2313-2337-2026-30-3

<http://journals.rudn.ru/law>

Founded in 1997

**Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA**

Editor-in-Chief

Oleg A. Yastrebov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal production management,
technical and organisational support,
formation of editorial policy,
engagement and communication with
partners and official structures.

E-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay A. Vlasenko,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Scientific policy, organisation
of articles selection,
quality of published materials,
formation of issues.

E-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Executive Secretary

Valentina S. Nikitina,

Candidate of Legal Sciences,
RUDN University, Moscow,
Russian Federation.

Journal records management,
document circulation, information
infrastructure of the journal,
organization of reviewing materials.

E-mail: nikitina-vs@rudn.ru

Editorial Board

Aslan Kh. Abashidze, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Polina N. Andreeva, Candidate of Legal Sciences, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Daulet L. Baideldinov, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Erzat Z. Bekbaev, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Eurasian Law Academy named after D.A. Kunayev, Almaty, Republic of Kazakhstan

Natalia V. Varlamova, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana A. Vasilyeva, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey V. Gabov, Doctor of Legal Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Artur S. Gambaryan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Rima Y. Dzhanarayeva, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vitaly V. Yeremyan, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Andrey A. Klishas, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Sandra Liebenberg, LL.D. (Witwatersrand), Professor, Stellenbosch University, Stellenbosch, South Africa

Akmal R. Nematov, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan

Marina V. Nemytina, Doctor of Legal Sciences, Full Professor, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Dimitrios Panagiotopoulos, Doctor of Law, Professor, University of Athens, Athens, Greece

Roman Yu. Pochekaev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

Alessandra Pietrobon, PhD in Law, Full Professor, University of Padova, Padova, Italy

Nicholas A. Robinson, S.J.D., Professor, Pace University, New York, USA

Elena V. Timoshina, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF LAW
Published by the RUDN University, Moscow, Russia

ISSN 2313-2337 (Print), ISSN 2408-9001 (Online)

Frequency: Quarterly

Publication languages: Russian, English

The Journal is indexed: *White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, RSCI, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, Dimensions*

Aims and Scope

RUDN Journal of Law is a scientific periodical devoted to fundamental and sectoral studies in the field of law.

RUDN Journal of Law publishes materials that meet the requirements of scientific novelty and relevance – scientific articles, reviews on monographs and educational publications, reviews on scientific events and legislation, announcements of new scientific literature, and others.

The goals and objectives of the journal are as follows:

- to publish the results of original scientific research on the development of state and law in the modern world,
- to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign legal scholars and specialists, including representatives of related fields,
- to acquaint readers with the latest areas of research in the field of legal science, including their practical implementation, both in Russia and abroad,
- to publish the results of scientific research on interdisciplinary issues that reveal the interaction of law, economics, politics, culture, communications, etc.,
- to promote the study of legal systems peculiarities by various socio-cultural communities, including student youth.

The materials shall be based on modern methodology of legal science, contain doctrinal approaches, reflect the latest trends in legislation and law enforcement practice in Russia and foreign countries, as well as international legal regulation. The policy of the journal is built upon compliance with the norms of scientific ethics.

The submission of the manuscripts is operated through an online system: <http://journals.rudn.ru/law/about/submissions#onlineSubmissions>.

The submission requirements, instructions regarding manuscripts, archive and additional information are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/law>.

Editors K.P. Peregodova, K.V. Zenkin, D.R. Familia Frias

Editor-translator V.V. Stepanova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-22-12; e-mail: lawj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Non-fixed price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation,

Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Сырых В.М. Соотношение внутренней и внешних форм права	457
Варламова Н.В. Право и мораль: проблемы разграничения и совмещения в современном обществе	471
Горбунов М.Д. Критический анализ философско-правовых взглядов Нейла МакКормика ...	491
Кабышев С.В. Биологические, биоресурсные коллекции как объект философско-правового анализа	505
Альбов А.П., Панченко В.Ю., Пузанкова Е.Н. Художественная литература и отражение политико-правовых закономерностей авторитаризма: повесть М.Д. Симашко «Емшан»	515

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Алексеева М.В., Подройкина И.А., Рыбак С.В. Процессы цифровизации государственного управления: анализ и формирование рекомендаций по повышению эффективности	528
Агамагомедова С.А. Экосистема в современном праве: варианты теоретического обоснования и правового регулирования	548

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Ромашов Р.А., Самусевич А.Г. Конституционное правоприменение: структурно-содержательный анализ	565
Довнар А.Н. Правовая регламентация искусственного прерывания беременности: от Русского царства до Российской Федерации	583

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

Гу В. Правовые аспекты реализации международных договоров в правовой системе Китая согласно Закону КНР о внешних сношениях 2023 года	599

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО

Гаврилюк М.Н. Совершенствование определения видов разрешенного использования земельных участков: гармонизация земельного и градостроительного законодательства	617

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ

Шкабин Г.С., Чистяков А.А., Клебанов Л.Р. Инспекторат внутренней безопасности как субъект реализации пенитенциарной политики Республики Польша: опыт правовой трансформации	631

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ. РЕЦЕНЗИИ

Власенко Н.А., Панченко В.Ю. Ведущему российскому теоретику права – 85 лет: к юбилею Владимира Михайловича Сырых	649
Ястребов О.А., Муратова Е.В., Макаrchук З.В. Актуальные проблемы и тенденции развития административного и административно-процессуального права в России и зарубежных странах: обзор Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктору юридических наук, профессора А.Б. Зеленцова, Москва, 11 февраля 2026 г.	665
Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., Сухоставская Ю.В. Судебная власть и судостроительство: обзор III Международной научно-практической конференции, Москва, 13 марта 2026 г.	673

CONTENTS

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

Vladimir M. Syrykh. The Relationship Between Internal and External Forms of Law	457
Nataliia V. Varlamova. Law and Morality: Problems of Distinction and Reconciliation in Modern Society	471
Maxim D. Gorbunov. Neil MacCormick’s Legal-Philosophical Theory: A Critical Analysis	491
Sergey V. Kabyshev. Biological (Bioresource) Collections as an Object Philosophical and Legal Analysis	505
Alexey P. Albov, Vladislav Yu. Panchenko, Elena N. Puzankova. Fiction and the Reflection of Political-Legal Patterns of Authoritarianism: M.D. Simashko’s Novella “Emshan”	515

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Marina V. Alexeeva, Inna A. Podroykina, Svetlana V. Rybak. Digitalization of Public Administration: Analysis and Recommendations for Improving Efficiency	528
Saniyat A. Agamagomedova. Ecosystem in Modern Law: Theoretical Approaches and Legal Regulation	548

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

Roman A. Romashov, Aleksey G. Samusevich. Constitutional Law Enforcement: Structural and Substantive Analysis	565
Alexey N. Dovnar. Legal Regulation of Artificial Termination of Pregnancy: From the Russian Tsardom to the Russian Federation	583

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

Wenshuo Gu. Legal Aspects of the Implementation of International Treaties in the Chinese Legal System under the 2023 Foreign Relations Law of the People’s Republic of China	599

LAND LAW, NATURAL RESOURCES LAW, ENVIRONMENTAL LAW, AGRARIAN LAW

Maria N. Gavriluk. Improving the Definition of Permitted Land Uses: Harmonization of Land and Urban Planning Legislation	617

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Gennadiy S. Shkabin, Alexey A. Chistyakov, Lev R. Klebanov. The Internal Security Inspectorate and Penitentiary Policy in Poland: Lessons from Legal Transformation	631

SCIENTIFIC FORUMS. REVIEWS

Nikolai A. Vlasenko, Vladislav Yu. Panchenko. A Leading Russian Legal Theorist Turns 85: On the Anniversary of Vladimir M. Syrykh	649
Oleg A. Yastrebov, Elena V. Muratova, Zlata V. Makarchuk. Current Issues and Trends in Administrative and Administrative-Procedural Law in Russia and Abroad: Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Legal Sciences, Professor A.B. Zelentsov, Moscow, February 11, 2026	665
Evgeny Y. Komlev, Denis A. Dobryakov, Yuliia V. Sukhostavskaya. Judicial Power and Judicial System: Review of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 13, 2026	673

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-457-470>
EDN: OGQLYO

Научная статья / Research Article

Соотношение внутренней и внешних форм права

В.М. Сырых✉

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва,
Российская Федерация
✉2707xyz@mail.ru

Аннотация. Дан анализ соотношения внутренней и внешних форм права. Отмечается, что применение ведущего принципа правового государства – приоритета права перед законом – заметно осложняется из-за отсутствия в российской юридической литературе обоснованных представлений о праве, способном выступать действенным критерием правовой природы закона. По мнению автора, в этом качестве способно выступать объективное право как внутренняя форма, состоящая из принципов права, а также всеобщих прав и свобод личности, закрепленных нормами международного и внутринационального права. Механизм перевода объективного права из возможности в действительность порождает четыре внешних формы: позитивное право, индивидуальное право, конкретное право и фактические отношения. Соответственно объективному праву должны соответствовать такие внешние формы права, как закон, индивидуальное право, конкретное право и фактические отношения.

Ключевые слова: объективное право, позитивное право, индивидуальное право, конкретное право, фактические отношения, принципы права, всеобщие права и свободы, механизм перевода объективного права из возможности в действительность

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 26 марта 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Сырых В.М. Соотношение внутренней и внешних форм права // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 457–470. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-457-470> EDN: OGQLYO

The Relationship Between Internal and External Forms of Law

Vladimir M. Syrykh✉

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russian Federation
✉2707xyz@mail.ru

Abstract. The article focuses on the relationship between internal and external forms of law. The author argues that implementing the leading principle of the rule of law – the priority of law over statute – is substantially complicated in Russia by the absence of a well-founded conceptualization of law in the legal literature that could serve as reliable criteria for assessing the legal nature of statutes. The paper argues that objective law, understood as an internal form composed of legal principles together with the universal rights and freedoms of individuals enshrined in international and domestic norms, can fulfill this role. The process through which objective law moves from potentiality to actuality generates four external forms: positive law, individual law, concrete law, and factual relations. Accordingly, external manifestations such as statutes, individual rights, and concrete legal entitlements should conform to objective law.

Keywords: objective law, positive law, individual law, concrete law, factual relations, legal principles, universal rights and freedoms, theoretical mechanism by which objective law becomes operative

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: March 26, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Syrykh, V.M. (2026) The Relationship Between Internal and External Forms of Law. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 457–470. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-457-470> EDN: OGQLYO

Действующая Конституция РФ определила Российскую Федерацию как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹. Главная черта правового государства, как справедливо полагает Н.А. Власенко, состоит в признании человека, его прав и свобод высшей ценностью, а их защита является важнейшей обязанностью государства². Перед российскими правоведами была поставлена почетная задача разработки теоретических основ правового государства и обоснования действенных механизмов, способных реально обеспечить

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/ (дата обращения: 04.02.2026).

² Власенко Н.А. Теория государства и права: учеб. пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. 478 с.

приоритет права перед законом и оперативную отмену нормативных предписаний, не соответствующих праву. Прежде всего, требовалось разработать критерии, позволяющие отличать действительное право от правотворческого произвола.

В 2007 г. М.Н. Марченко констатировал, что проблемы соотношения права и закона остаются нерешенными на теоретическом уровне, а в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов России сохраняется доминирование «идеи единства, неделимости права и закона; между правом и законом не проводится никакого различия»³. Недостатки, названные М.Н. Марченко, сохраняются по настоящее время.

Российские правоведы пока что не могут дать обоснованного ответа на вопрос, где находится и в чем выражается действительное право, которому должны соответствовать законы и иные правовые источники. По мнению одних авторов, правовое государство связывает себя законом, последовательно реализуя принцип верховенства (господства) закона⁴. Другие авторы полагают, что законы должны отражать естественно-правовые начала и соответствовать международно-правовым нормам о правах человека и гражданина⁵. По признанию третьих авторов, правовому государству присущи три главных принципа: 1) признания и обеспечения прав и свобод личности; 2) взаимной ответственности личности и государства; 3) основанное на принципах естественного права, отраженное в действующем законодательстве, ограничение сферы государственной власти⁶.

Согласно первому подходу, принцип верховенства закона позволяет успешно выявлять противоречащие ему нормативные предписания, исходящие от органов исполнительной власти. Но где гарантии, что сами законы не грешат законотворческими ошибками? Опыт работы Конституционного суда РФ свидетельствует о наличии в федеральных законах и законах субъектов РФ предписаний, не соответствующих Конституции РФ. Поэтому принцип верховенства закона не исключает необходимости выявления критериев, позволяющих отличать правовые законы от законов, содержащих субъективные предписания законодателя.

Во втором подходе тезис о соответствии законов естественно-правовым началам общеизвестен и не вызывает больших возражений, но беда в том, что отсутствует научно-обоснованный перечень естественно-правовых начал. Безусловно, правовое государство должно признавать и обеспечивать права и свободы личности, но этот принцип присущ не только правовому государству. Эту же обязанность несут страны-члены ООН, не претендующие на статус правового государства, но обязанные реализовывать подписанный ими Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Сообразно третьему подходу принципы взаимной ответственности личности и государства, а также ограничения сферы государственной власти могут быть

³ Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник : в 2 томах. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015.

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Москва : Юристъ, 2002. 414 с.

⁵ Перевалов В.Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров : для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»; Уральская гос. юридическая акад. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Юрайт, 2012. 415 с.

⁶ Рыбаков О.Ю. Правовое государство и гражданское общество // Теория государства и права / под ред. О.Ю. Рыбакова. Москва : Юстиция, 2016. С. 422–439.

реализованы соответствующими законами, которые, в свою очередь, нуждаются в оценке на соответствие действительному праву. Тем самым названными критериями не устраняется проблема поиска средств, отличающих право от законодательного произвола. Прежде всего, предстоит обосновать способность всеобщих прав и свобод человека выступать в качестве критериев правового закона. Почему именно права и свободы человека могут выступать действенными средствами отличия правовых законов от законов, закрепляющих субъективную волю законодателя? Какие еще компоненты права способны выступать в этом качестве? Ответ на поставленные вопросы дает анализ соотношения внутренней и внешней форм права.

«Форма, полагал Г. Гегель, в одно и то же время *и* содержится в самом содержании, и представляет собой нечто внешнее ему»⁷. Внешняя форма вещи предстает как ее облик, внешний вид. Внутренняя, содержательная форма вещи представляет собой ее внутреннее строение, структуру. Внутреннее и внешнее, будучи «различными определениями формы, совершенно противоположны, так как одно есть тождество с содержанием самой вещи, а другое – тождество с содержанием окружающего её мира. Но так как и внешнее, и внутреннее являются моментами единой вещи, то при всём своём различии они едины и выражают одно и то же содержание»⁸. Между внутренней и внешней формой имеется устойчивая связь, выражающаяся в том, что «только во внешнем проявлении вещь раскрывает свою внутреннюю суть и действует сообразно этой сути.»⁹

К сожалению, положения философии об удвоении формы российскими правоведами игнорируются. Форма права рассматривается односторонне, по преимуществу как соотношение объективного права с его внешней формой, с законодательством. При этом чаще всего право признают продуктом деятельности государства. Как отмечает М.Н. Марченко, «право всегда выражает государственную волю как его основу, которая в свою очередь, согласно различным существующим в отечественной и зарубежной науке концепциям, воплощает в себе волю класса, правящей группы, народа, общества или нации»¹⁰. В результате проблема соответствия внешней формы права внутренней российскими правоведами практически не исследуется. Нормативные предписания, принятые правотворческими органами, считаются действительным правом при условии их соответствия иерархической связи, предписывающей подчинение нижестоящих нормативных правовых актов вышестоящим.

Внутреннюю форму права составляют принципы права, а также всеобщие права и свободы человека. В философии под принципом понимается основное положение, исходный пункт, предпосылка какой-либо теории, концепции¹¹. В этом же значении в правоведении используются такие разновидности принципов, как принципы права, представляющие собой исходные начала правовой науки и законодательства. По степени общности правовые принципы подразделяются на всеобщие, общие и отраслевые.

Систему всеобщих принципов права раскрыл К. Маркс на примере исторически первого экономического отношения обмена. Он обоснованно показал, что внутренняя форма обмена как сделки двух частных лиц состоит из четырех

⁷ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М. : Мысль, 1974. 452 с.

⁸ Труфанов С.Н. «Наука логики» Гегеля в доступном изложении : учеб. пособие. Самара : Парус, 1999. 184 с.

⁹ Там же.

¹⁰ Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. Москва : Проспект, 2001. 755 с.

¹¹ Кондаков Н.И. Логический словарь / АН СССР. Ин-т философии. Москва : Наука, 1971. 658 с.

принципов: 1) взаимозависимости; 2) равенства собственников обмениваемых товаров; 3) эквивалентности; 4) свободы воли участников обмена, выраженной в договоре (Marks & Ehngel's, 1968:187–191).

Принцип взаимозависимости участников обмена характеризуется тем, что каждый участник должен совершить определенные действия в пользу другого, только при этом условии он может рассчитывать на реализацию своей цели обмена и получение вожделенного товара. Словом, завершение обмена позитивными результатами может состояться лишь тогда, когда его участники надлежащим образом выполняют свои обязательства в пользу другого. Каждый участник обмена получает в собственность товар постольку, поскольку он передал другому участнику равноценный товар.

Участники обмена обладают равными правами. Во-первых, они равны потому, что в основе их имущественных притязаний лежит один и тот же правовой принцип, требующий быть самостоятельным субъектом права, способным распоряжаться своими материальными благами, в том числе обладать правом их отчуждения. Во-вторых, каждый участник обмена видит в другом участнике собственника, уважает его право собственности и испытывает готовность вступить с ним в правоотношение обмена и не посягает на собственность другого участника насильственным путем.

Принцип эквивалентности обмениваемых товаров означает равноценность их потребительной стоимости. Участники обмена вступают в правоотношение, будучи уверенными в том, что в ходе подобной акции они не только ничего не потеряют, но и приобретут нечто. Конечно, понятие эквивалентности обмена носит налет субъективизма. При обмене надувательство одним индивидом другого может происходить «в силу природной хитрости, искусства убеждать и т.д., словом, в силу чисто индивидуального превосходства одного индивида над другим» (Marks & Ehngel's, 1968:187).

Принцип свободы воли, отраженный в договоре, позволяет закрепить согласие участников на совершение обмена. «Ни один из обменивающихся не захватывает чужой собственности насильно. Каждый передает ее добровольно» (Marks & Ehngel's, 1968:190).

Принципы обмена не утратили своего значения по настоящее время, действуют как всеобщие принципы внутренней формы современного права. Принципы равенства и свободы воли закреплены Всеобщей декларацией прав человека, а также Конституцией РФ. Принцип эквивалентности признается социальной закономерностью, охватывающей общественные отношения, входящие в предмет гражданского права (Romanenko, 2009:11). Принцип взаимозависимости действующим законодательством низведен на роль важнейших институтов гражданского и финансового права, что не лишает его статуса всеобщего принципа права. Ибо в современном праве найдется немного правоотношений, субъекты которых не находились бы в взаимозависимой связи.

Обширной представляется совокупность общих и отраслевых принципов современного права, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека и основанными на ней пактами о правах человека и конституциями современных государств. Это, например, принципы, конституирующие права человека на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на признание правосубъектности, равенства перед законом и др. В числе принципов, содержащихся в названных нормативных актах международного права и конкретизированных в отдельных отраслях права, можно

выделить такие принципы, как презумпция невиновности, право на защиту от предъявленного обвинения, на обжалование приговора, право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией, право на труд, свободу труда, справедливые и благоприятные условия труда и др.

Всеобщие права и свободы человека, закрепленные международным и внутринациональным правом, действуют в статусе принципов права и выступают внутренней формой права. Подобно принципам права всеобщие права и свободы, во-первых, выступают составной частью основы отраслей права, во-вторых, формулируются абстрактно, в общем виде, в-третьих, нуждаются в конкретизации отраслевыми нормами права, в-четвертых, могут использоваться напрямую, без детализации в отраслевых нормативных предписаниях.

Личные права и свободы (право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на свободу передвижения и др.) входят в основы всех отраслей права. Политические права и свободы составляют основу публичных отраслей права. Социальные, экономические и культурные права и свободы (право на землю, на свободный труд, на социальное обеспечение, на образование и др.) являются составной частью отраслей частного права и ряда отраслей публичного права.

В нормах международного и внутринационального права всеобщие права и свободы закрепляются в абстрактном виде, без детализации конкретными предписаниями. Формулируется лишь суть отдельного права или свободы. Например, все равны перед законом и судом, каждый имеет право на жизнь и т.д. Конкретные предписания формулируются отраслевыми нормами права. Соответственно, всеобщие права и свободы действуют реально в той мере и постольку, поскольку они закреплены конкретными нормами права. Однако при наличии коллизии между конкретными нормами права и всеобщими правами и свободами действуют последние, а субъект наделяется правом требования реализации своих прав. В случаях, когда соответствующее право или свобода не закреплены нормами внутринационального права, рекомендуется применять нормы международного права. Так, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» судам предписывается учитывать необходимость соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, предусмотренных статьями 2, 7, 9, 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹².

Таким образом, правовые принципы а также всеобщие права и свободы в системной целостности образуют объективное право, которое представляет собой основу позитивного права и подлежит воплощению в нем как своей внешней форме. Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ законы и иные нормативные правовые акты не могут противоречить конституции, обладающей высшей юридической силой и прямым действием, а также общепризнанным принципам и нормам международного права¹³. Соответственно, имеющиеся в юридической литературе ссылки на принципы права, всеобщие права и свободы как критерии действительности позитивного

¹² Международный пакт о гражданских и политических правах : [принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]. Нью-Йорк : ООН, 1967. С. 81–95. (Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на 21-й сессии, 20 сентября – 20 декабря 1966 года).

¹³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/ (дата обращения: 04.02.2026).

права правомерны, но не потому, что они образуют некие естественно-правовые начала позитивного права, а потому, что выступают его внутренней формой.

Механизм перевода объективного права из возможности в действительность состоит из четырех взаимосвязанных стадий: 1) позитивного права; 2) индивидуального права; 3) конкретного права; 4) фактических отношений.

Согласно философским положениям элементы внутренней формы, не реализованные во внешней форме, остаются бездействующими. Однако в правовой науке соотношение внутренней и внешней формы права имеет свою специфику. Во-первых, принципы и нормы Конституции РФ имеют прямое действие и реализуются в конкретных правоотношениях без воплощения во внешней форме права, законах и иных источниках права. Во-вторых, общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью российской правовой системы и имеют приоритет перед законами. В-третьих, внешняя форма права дифференцируется на четыре вида: позитивное право, индивидуальное право, конкретное право и фактические отношения.

Прямое действие принципов и норм Конституции РФ выражается в их способности непосредственно, без конкретизирующего законодательства, «воплощаться в правомерном поведении граждан и властных субъектов права, вызывая при этом вполне конкретные правовые последствия» (Chervonyuk & Kalininskiy, 2019). Подобная способность Конституции РФ обуславливается ее природой как источника права, выступающего основой правового регулирования внутринационального законодательства и воплощающегося в конкретных отношениях как через систему законов, иных источников права, так и напрямую, без опосредствования законами. Пленум Верховного Суда РФ Постановлением от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» признал необходимым применение Конституции РФ напрямую в случаях, когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации, а также в условиях пробельности законодательства¹⁴.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права признаются составной частью правовой системы Российской Федерации¹⁵. Однако механизм их взаимодействия с внутринациональным правом Конституцией не определен. По мнению Б.С. Эбзеева, «признание общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы Российской Федерации не превращает их в масштаб оценки законов и иных правовых актов, принимаемых в Российской Федерации. Таким масштабом всегда остается Конституция»¹⁶.

По нашему мнению, данное положение не соответствует смыслу ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 55 Конституции РФ и является дискуссионным. Признание общепризнанных принципов и норм международного права составной частью правовой системы

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

¹⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/ (дата обращения: 04.02.2026).

¹⁶ Эбзеев Б.С. Статья 15 // Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.В. Лазарева. М. : Спарк, 2004. С. 96–106.

России означает, что они органично взаимодействуют с законами и иными правовыми источниками в качестве их основы наряду с принципами и нормами Конституции РФ. Никаких ограничений на сей счет Основной закон России не содержит. Более того, ч. 1 ст. 55 Конституции РФ прямо признает, что перечисление в ней основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина¹⁷.

Согласно позитивистской теории права, внешняя форма права представлена законами и иными нормативными правовыми актами, принимаемыми органами государства, органами местного самоуправления и с санкции государства иными правотворческими органами. В идеале внешняя форма права должна соответствовать внутренней форме – объективному праву как своему основанию, полно и последовательно воплощать в себе принципы права, а также всеобщие права и свободы. Однако в действительности такого соответствия между внутренней и внешней формами права не достигает ни одна из ныне существующих внутринациональных правовых систем. Существует ряд объективных и субъективных факторов, препятствующих органичному соответствию внешней формы права своей объективной основе, внутренней форме права.

Проблема органичного согласования внешней формы права с его внутренней формой остается малоисследованной правовой наукой и соответственно не решенной практикой. Правовая наука по-прежнему не стремится познать объективные закономерности функционирования и развития права как действенного средства обеспечения в обществе законности и стабильного правопорядка. В этом повинен прежде всего юридический позитивизм, господствующий во многих странах мира, но изначально не способный «поднять фундаментальные проблемы правоведения, создать полную теорию права и правотворчества» (Mal'tsev, 1999:397). К сожалению, не на высоте оказались и советские правоведы, которые все претендовали на роль верных последователей марксистской теории права, а на деле с подачи А.Я. Вышинского свели марксизм к юридическому позитивизму, который поныне господствует у российских правоведов (Syrykh, 2022:10–23).

Современный уровень развития производительных сил даже в развитых капиталистических странах не способен производить материальные блага в объеме, позволяющем последовательно реализовать принцип равноправия в распределении материальных и духовных благ между членами общества. Пока что действует принцип распределения материальных благ по труду. Большую часть населения составляют лица, работающие по найму и получающие за свой труд заработную плату. При этом значительная часть населения земного шара живет у черты или за чертой бедности. В 2025 г., по данным Всемирного Банка, 9,9 % населения мира, или каждый десятый человек, живет в условиях нищеты¹⁸. Особенно неблагоприятное положение с бедностью наблюдается в странах Южный Судан (82,3 % населения), Экваториальная Гвинея (76,8 % населения), Мадагаскар (70,7 % населения)¹⁹.

¹⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2875/ (дата обращения: 04.02.2026).

¹⁸ Поздеева Д. За порогом. Сколько бедных живет в России и в мире в 2025 году. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/za-porogom-skolko-bednykh-zhivet-v-rossii-i-v-mire-v-2025-godu-20250920-1200/> (дата обращения: 25.03.2026).

¹⁹ Уровень бедности в разных странах в 2025 году. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.88f8646f-695557bd-253c8912-74722d776562/https/worldpopulationreview.com/country-rankings/poverty-rate-by-country (дата обращения: 25.03.2026).

Законодатель, лишенный научно обоснованных знаний о механизме перевода объективного права во внешнюю форму в условиях недостаточности материальных и духовных благ, вынужден творить право традиционным методом проб и ошибок и принимать законы по своему усмотрению, руководствуясь в первую очередь интересами экономически и политически господствующего класса. Можно сколько угодно восхищаться справедливостью современного позитивного права, его заботой о малоимущих и иными достоинствами, но статистические факты свидетельствуют об обратном. Законодательство по-прежнему содержит достаточные условия для дальнейшего процветания и развития имущих классов.

Затруднения, которые испытывает мировая экономика в настоящее время, увеличивают число лиц, живущих в условиях бедности, но не устраняют тенденции роста числа миллионеров. Согласно ежегодному исследованию *Global Wealth Report 2025* швейцарского банка UBS общий объем частных активов в мире в 2024 г. достиг \$226,5 трлн, увеличившись на 4,6 %. Число долларовых миллионеров за год выросло на 1,2 % (680 тыс. человек), достигнув почти 60 млн. При этом в докладе отмечается, что рост числа долларовых миллионеров обычно имеет собственную логику: у него нет строгой привязки к общему экономическому росту, и иногда он сильно отклоняется от последнего. Предполагается, что к 2029 г. количество миллионеров увеличится еще на 5 млн²⁰.

Неспособность объективного права воплощаться в позитивном праве в какой-то мере восполняется индивидуальным правом, представляющим собой совокупность нормативных предписаний, которую человек оценивает положительно и мыслит в качестве своего права. Граждане не испытывают большого желания следовать нормам права, которым они дают негативную оценку, и настоятельно ищут путей, позволяющих обойти неудобный, не соответствующий их интересам и воле закон. Не поддерживаемый гражданами закон остается чуждым для них, даже если он реализуется в конкретных правоотношениях под угрозой или в результате применения государственного принуждения. Поэтому нормы права, к которым индивид относится негативно и не испытывает готовности их добровольно реализовать в конкретных правоотношениях, остаются за пределами его собственного права, продолжают действовать только как нормы позитивного права.

Каждый индивид так или иначе вынужден определять меру своей свободы посредством определения совокупности нормативных предписаний, закрепляющих эту меру и способных обеспечить ее воплощение в непосредственной действительности. Индивидуальное право во многом зависит от творческих возможностей субъекта мыслительной деятельности, конкретно-исторических условий его бытия, правовых чувств, эмоций, разделяемых социально-правовых ценностей. Например, индивидуальное право человека, который не принимает активного участия в экономической и политической сфере, значительно отличается от индивидуального права предпринимателя, деятельность которого невозможна без знаний действующего частного и публичного права. В свою очередь индивидуальное право политика, ориентированного на знание норм публичного права, отличается от индивидуального права предпринимателя.

Индивидуальное право имеет двухуровневую систему. Его первый уровень – основу – образуют правовые и моральные принципы, всеобщие права и свободы,

²⁰ В России стало еще больше долларовых миллионеров. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7801350> (дата обращения: 25.03.2026).

знаемые и одобряемые индивидом. Второй уровень представляет собой конгломерат, состоящий из трех видов норм: 1) конкретных норм позитивного права, известных и одобряемых индивидом; 2) морали и иных социальных норм, которые индивид использует в целях восполнения критически оцениваемых им норм позитивного права; 3) правила, формулируемые индивидом в целях определения последовательности и порядка осуществления своих юридически значимых действий в конкретном правоотношении.

Индивидуальное право представляет собой необходимую и самостоятельную форму реализации объективного права. По признанию В.Ю. Панченко, «позитивное частное право нуждается в индивидуальном праве и предполагает его, поскольку не знает иных путей воплощения в действительность, в конкретные правоотношения» (Panchenko, 2023:8) Индивидуальное право остается единственной формой воплощения объективного права в жизнь в случаях, когда законодатель по тем или иным причинам не санкционировал его в конституции и законах. Поскольку объективное право, не получившее закрепления в легальных источниках внутринационального законодательства, представляет значительный интерес для широких народных масс, то общественные организации ведут борьбу за его воплощение во внутринациональном законодательстве.

Индивидуальное право, таким образом, выступает одним из действенных источников прогрессивного развития внутринационального законодательства. Как отмечал Г. Гегель, «лишь в субъекте может реализоваться свобода, ибо он представляет подлинный материал для этой реализации» (Hegel, 1990:155).

Конституции современных государств закрепляют права и свободы человека не в полном соответствии со Всеобщей Декларацией прав человека, а, как правило, с отдельными купюрами и редакционными правками. В частности, такое особо ценное для трудящихся масс право на труд отсутствует в ряде конституций современных государств, в том числе Германии, Австрии, Италии, Польши, России, Финляндии. Сокращая перечень прав и свобод, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека, государство облегчает себе задачу обеспечения граждан необходимыми материальными и духовными благами. Однако трудящиеся массы не могут согласиться с такой практикой государств и охотно включают права и свободы, отсутствующие в конституции, в состав индивидуального права и в программные документы общественных организаций, ведущих борьбу за реальное действие прав и свобод, установленных международным правом. Борьба трудящихся за свои права и свободы является локомотивом прогрессивного развития общества и государства.

Общество остается единственной силой, способной отстаивать прогрессивные права и свободы личности, используя в этих целях все легальные средства борьбы: пропаганду, агитацию, подготовку проектов законов и направление их в компетентные органы государства, митинги, демонстрации, референдумы и забастовки. С учетом этой исторической миссии общества индивидуальное право является самостоятельной внешней формой объективного права, существующей наряду с позитивным правом и правосознанием, которое выступает средством формирования индивидуального права, но не совпадает с ним содержательно.

Отдельной внешней формой объективного права выступает конкретное право, формируемое частноправовыми договорами и правоприменительными актами.

Благодаря договору в обществе образуется качественно новая устойчивая социальная связь, – конкретное отношение, – состоящее из двух и более независимых

друг от друга лиц, согласившихся на условиях, закрепленных договором, ликвидировать свою отчужденность друг от друга. Каждый стремится помочь другому обрести нечто новое, в чем он испытывает потребность, получив в ответ значимое для него материальное или духовное благо. Суть подобной социально-правовой связи была определена еще римским правом следующим образом: «даю, чтобы ты дал, даю, чтобы ты сделал, делаю, чтобы ты дал, делаю, чтобы ты сделал». Однако действительное значение договора не ограничивается одной юридической сферой, оно имеет своей конечной целью сферу экономики, поскольку дает старт определенному экономическому отношению, переводит потенциальные материальные и иные возможности индивидов в сферу практической деятельности, в действительность.

Конкретные предписания договора или правоприменительного акта снимают неопределенность относительно путей и способов удовлетворения участниками правоотношения их потребностей. Если на стадии позитивного права правомочия индивида существуют абстрактно в виде возможности совершить определенные действия, а на стадии индивидуального права в виде субъективных представлений о качестве объекта и избранном варианте действий по овладению этим объектом, то на стадии конкретного права все становится на свои места. Индивид знает не только качественные параметры объекта правоотношения, но и имя субъекта, способного его предоставить, а также дату и порядок передачи объекта. Кроме того, он знает, в какую цену обойдется возделанный объект, какие обязанности требуется исполнить в этом правоотношении и даже санкции, которые могут быть возложены на каждого из участников правоотношения за неисполнение взятых на себя обязательств.

Общая воля индивидов представляет собой результат согласования, сочетания их отдельных волей относительно какого-либо общего для них предмета деятельности и желания действовать единообразно для достижения общего результата. В индивидуальном договоре общая воля выражается, *во-первых*, в согласованном решении сторон вступить в конкретное правоотношение («заключили в соответствии с конкретными статьями ГК РФ настоящий договор о нижеследующем») и, *во-вторых*, в единообразном решении общих условий договора относительно объекта правоотношения, его цены, срока и порядка исполнения договора, условий и оснований ответственности за неисполнение и ненадлежащее исполнение договора и др.

В договоре помимо общих условий могут устанавливаться предписания, адресованные одной из сторон договора. Например, стороны не могут иметь одинаковых прав и обязанностей, поскольку праву одной стороны корреспондирует обязанность другой, и наоборот. Если бы стороны обладали одинаковыми правами и обязанностями, то между ними не могло бы возникнуть никакого отношения. Как отмечал К. Маркс, стороны обмена не были бы различными субъектами, если бы имели одинаковые потребности и овеществляли труд в одном и том же предмете, рассматриваемые с точки зрения осуществляемого ими производства (Marks & Ehngel's, 1968:189).

Воля сторон относительно их индивидуальных прав и обязанностей не может быть общей, ибо здесь имеется единство в понимании необходимости этих прав и обязанностей, но отсутствует единый предмет воли. То, что принадлежит одному, отсутствует у другого. В этой ситуации одна сторона может выражать свою волю лишь относительно закрепленных за ней договором прав и юридических обязанностей, она исполнена решимости надлежащим образом выполнить свои обязательства и получить то, что предусмотрено ее субъективными правами. В отношении прав и

обязанностей другой стороны она может выразить лишь согласие, поскольку волю относительно этих прав и обязанностей может формировать и иметь тот, кому они принадлежат.

Таким образом, воля сторон договора относительно принадлежащих им прав и обязанностей является согласованной, но не общей. Предписания договора хотя и основываются на нормах позитивного права, конкретизируют их применительно к условиям проектируемого отношения, тем не менее составляют самостоятельную нормативную систему. На уровне договора абстрактные и всеобщие нормы позитивного права низводятся на уровень единичного, предстают в качестве определителя прав и обязанностей поименно определенных участников конкретного отношения.

В отраслях публичного права ведущей, если не единственной формой конкретного права выступает правоприменительный акт. Правоприменение завершает реализацию целей правотворчества и переводит абстрактные и общие нормы публичного права на уровень конкретных отношений.

Конкретное право завершает процесс перевода объективного права в действительность и потому стоит выше позитивного права, закрепляющего лишь волю законодателя. В частноправовом договоре, равно как и в правоприменительном акте, сообразно общим нормативным предписаниям определены поименно субъекты права, индивидуализированы объекты правоотношения, закреплены субъективные права и юридические обязанности. В то же время конкретное право обладает статусом всеобщности, имеет общеобязательный характер и охраняется государственным принуждением от правонарушений. Государство обязуется защитить права участника конкретных правоотношений от незаконных посягательств со стороны другого участника, равно как и третьих лиц.

В результате договор и правоприменительный акт реализуют финальную цель правового регулирования – определяют всеобщее объективное право на уровне конкретных отношений. Объективное право становится знаемым государством и обществом на уровне субъективных прав и юридических обязанностей участников конкретных правоотношений, в которых ничего не утрачено от всеобщего характера позитивного права. В то же время имеется существенное дополнение – общее право обретает свою конечную индивидуальную форму, способную обеспечить ему реальное действие и бессмертие в конкретных отношениях и их результатах. Договор и правоприменительный акт, гарантирующие общему праву бессмертие, следовательно, имеют приоритет перед ним как источники, реализующие финальную цель и суть объективного права.

Конкретным правом завершается процесс перевода объективного права в непосредственную действительность, где принципы права либо всеобщие права и свободы человека обрели свою конечность в виде конкретных предписаний и осталось дело за малым – превратить правовую формальность в реально сущее бытие.

На стадии фактических отношений, представляющих собой предметно-практическую деятельность субъектов права, одновременно реализуются конкретное право, индивидуальное и позитивное право. Частноправовой договор воплощается в жизнь действиями сторон, непосредственно заинтересованных в его своевременном и реальном исполнении. Аналогично действует и правоприменительный акт, которым определяется содержательная сторона фактического отношения. Данный акт побуждает обязанную сторону надлежащим образом исполнять предписанные

действия, а управомоченную сторону наделяет правом владения, пользования и распоряжения предоставленным ей благом.

Соответственно, фактические отношения – это итоговый результат движения, развития всех предшествующих стадий механизма перехода объективного права в действительность, поэтому он не может и не должен совпадать со стадией конкретного права, поскольку протекает в иной сфере предметно-практической деятельности: из сферы юридической перемещается в сферу экономики либо государственного управления.

Если право есть форма экономических отношений, то эта форма не может все время оставаться в своей собственной мыслительной сфере, рано или поздно неизбежно она должна соединиться со своим экономическим содержанием. Посредством рациональной мыслительной деятельности сторон конкретного отношения условия договора воплощаются в конкретных действиях и переходят в область истории. В непосредственной действительности их достойно представляют результаты деятельности, на которые ориентировались стороны договора. Результаты деятельности, составляющие содержание фактических отношений, определяют их социальную природу, тогда как правовая форма, обеспечившая подобный результат, растворяется в этом содержании без какого-либо остатка и самостоятельного фактического правоотношения не образует.

Расхождение в юридической литературе высказывания о фактических правоотношениях в сфере экономики или государственного управления представляют собой результат творческой фантазии их авторов, не имеющие своим аналогом реально сущего феномена. Существуют конкретное право, воплощенное в договорах или правоприменительных актах, и фактические экономические, политические и тому подобные отношения, формой которых выступает конкретное право. Фактическим правоотношениям в системе этих отношений места не находится. Они выступают самостоятельным видом лишь в сфере юридической ответственности.

Благодаря фактическим отношениям представляется возможным определять результативности конкретного и позитивного права, их способность обеспечивать достижение социально-правовых результатов, которые преследовал законодатель. В отличие от позитивистской доктрины материалистическая теория права не ограничивается формально-логическим толкованием законов и иных источников права. Она требует доводить научный анализ, во-первых, до раскрытия закономерностей, определяющих диалектически противоречивый переход объективного права из возможности в действительность, в систему фактических отношений, во-вторых, непременно изучать эффективность действия позитивного права и, в-третьих, готовить обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Таким образом, ведущий принцип правового государства о приоритете права перед законом реализуется внутренней и внешней формами права, где объективное право как закономерное определяет внешние формы права и выступает их основой. Внешние формы права являются действительными постольку, поскольку соответствуют объективному праву, основываются на той или иной совокупности принципов права либо всеобщих прав и свобод человека. В то же время объективное право наделяется способностью в рамках, установленных законодательством, реализовываться в правоотношениях напрямую, без конкретизации в нормах права.

Благодаря объективному праву снимается неясность относительно «права, имеющего приоритет перед законом». Если с позитивистских позиций такого права отыскать невозможно, то материалистическая теория права обоснованно полагает, что правовой закон должен соответствовать объективному праву как системе принципов права, всеобщих прав и свобод личности, закрепленных нормами международного и внутринационального права.

References / Список литературы

- Chervonyuk, V.I. & Kalininskiy, I.V. (2019) Direct effect of the constitution. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. (2), 95–100. (In Russian).
Червонюк В.И., Калининский И.В. Прямое действие Конституции // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 95–100.
- Hegel, G.V.F. (1990) *Philosophy of law*. Moscow, Mysl' Publ. (In Russian).
Гегель Г.В.Ф. Философия права : пер. с нем. М. : Мысль, 1990. 524 с.
- Mal'tsev, G.V. (1999) *Understanding law. Approaches and challenges*. Moscow, Prometheus Publ. (In Russian).
Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.
- Marks, K. & Ehngel's, F. (1968) *Writings*. 46 (1). Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. М. : Политиздат, 1968. 559 с.
- Panchenko, V.Yu. (2023) Polymorphia of law and the structure of legal life. *Legal culture*. (4 (55)), 5–14. (In Russian). EDN: SEFLTZ.
Панченко В.Ю. Полиморфия права и структура правовой жизни // Правовая культура. 2023. № 4 (55). С. 5–14. EDN: SEFLTZ.
- Romanenko, N.S. (2009) *Equivalence in Russian civil law*. Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Rostov-on-Don, Southern Federal University. (In Russian). EDN: NLFHJT.
Романенко Н.С. Эквивалентность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: Юж. федер. ун-т, 2009. 242 с. EDN: NLFHJT.
- Syrykh, V.M. (2022) *Fundamentals of materialistic theory of law. Vol. 1*. Moscow, Yurlitinform Publ. (In Russian). EDN: QOMSAM.
Сырых В.М. Основы материалистической теории права : монография : в 4 томах. М. : Юрлитинформ, 2022. EDN: QOMSAM.

Сведения об авторе:

Сырых Владимир Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева; 117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

SPIN-код: 2073-4106

e-mail: 2707xyz@mail.ru

About the author:

Vladimir M. Syrykh – Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Theory of State, Law, and Judicial Power, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev; 69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation

SPIN-code: 2073-4106

e-mail: 2707xyz@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-471-490>
EDN: OHREIH

Научная статья / Research Article

Право и мораль: проблемы разграничения и совмещения в современном обществе

Н.В. Варламова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация
 varlam_n@list.ru

Аннотация. Цель исследования – обоснование значимости разграничения права и морали как для концептуализации права, так и для практики правового регулирования. Показано, что традиционно право и мораль различаются по сугубо формальным критериям – по сфере регулирования, источнику происхождения и особенностям санкций. Между тем наиболее важным является их содержательное различие. В основе морали лежит идея солидарности, она делает упор на включенности человека в определенное сообщество, взаимопомощь, ответственность, приоритет общих интересов. При этом моральные требования неоперациональны и ситуативны. Право в отличие от морали призвано обеспечивать свободу и автономию членов общества, оно упорядочивает социальное взаимодействие на основе принципа формального равенства, регулирует не межличностные, а формальные, социально-ролевые отношения и предоставляет людям возможность морального самоопределения. Формальность и операциональность правовых требований обуславливают то, что именно они могут и должны поддерживаться с помощью публично-властного принуждения. Вместе с тем моральные соображения всегда в той или иной мере включаются в правовое регулирование, но они не должны блокировать действие его принципов. Однако современный неоконституционализм исходит из необходимости глубокой и существенной связи права с моралью и стремится определять и обосновывать право в моральных терминах. В работе анализируются порождаемые этим проблемы, связанные с толкованием конституционных текстов, формулированием новых прав человека, переосмыслением юридической ответственности, и утверждается, что только достаточный имморализм права обеспечивает надлежащее функционирование и развитие как самого права, так и морали.

Ключевые слова: правовое регулирование, нравственность, формальное равенство, неоконституционализм, права человека

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Варламова Н.В. Право и мораль: проблемы разграничения и совмещения в современном обществе // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 471–490. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-471-490> EDN: OHREIH

Law and Morality: Problems of Distinction and Reconciliation in Modern Society

Nataliia V. Varlamova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

varlam_n@list.ru

Abstract. The article argues that a clear distinction between law and morality is crucial both for understanding the nature of law and for the practice of legal regulation. It is shown that law and morality are usually distinguished by purely formal criteria: the scope of regulation, the source of normativity, and the type of sanctions attached to violations. However, their substantive differences are more important. Morality is grounded in the idea of solidarity; it emphasizes a person's membership in a community, mutual assistance, responsibility, and the priority of common interests. At the same time, moral requirements are non-operational and situational. By contrast, law is designed to secure individual freedom and autonomy. It structures social interaction on the basis of formal equality, governs formal, role-based relations rather than interpersonal ones, and provides individuals with the possibility of moral self-determination. Because legal requirements are formal and operational, they can and should be enforced by public authorities. Moral considerations are nonetheless always present in legal regulation to some extent, but they must not obstruct the application of legal principles. Contemporary neo-constitutionalism, however, proceeds from the assumption of a deep, essential connection between law and morality and seeks to define and justify law in moral terms. The article analyzes the problems that arise in the interpretation of constitutional texts, the formulation of new human rights, and the rethinking of legal responsibility and argues that only a sufficient degree of law's independence from morality ensures the proper functioning and development of both law and morality.

Keywords: legal regulation, ethics, formal equality, neo-constitutionalism, human rights

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: April 13, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Varlamova, N.V. (2026) Law and Morality: Problems of Distinction and Reconciliation in Modern Society. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 471–490. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-471-490> EDN: OHREIH

Введение

Соотношения права и морали – фундаментальный вопрос теории и философии права, который так или иначе оказывается вовлечен в решение едва ли не всех концептуальных и практических проблем правового регулирования. Есть ли у правовой нормативности свои собственные основания, или она производна от моральных императивов? Выполняет ли право по отношению к морали сугубо инструментальную

функцию или образует особую соционормативную систему, базирующуюся на своих специфических принципах? В зависимости от ответа на эти и аналогичные им вопросы определяется само понятие права и формируются различные типы правопонимания, устанавливаются цели юридической ответственности и пределы правотворческой деятельности, разрабатываются методики судебной аргументации и т.п. Вместе с тем ни один из этих вопросов на протяжении всей истории правовой мысли так и не получил окончательного разрешения¹.

Сложность определения взаимосвязи и/или разграничения права и морали обусловливается целым рядом причин. Будучи системами социального регулирования, право и мораль в конечном счете преследуют общую цель – упорядочение общественных отношений – и пользуются одним лексиконом – права, обязанности, ответственность и т.п., часто выражают посредством него отношение к одним и тем же деяниям (социальным практикам), запрещая, разрешая, предписывая, поощряя их и в случае необходимости обращаясь к тем или иным способам принуждения (Pino, 2016:4).

Право неизменно выступает объектом моральной оценки, которая рассматривается как вполне уместная, в отличие от, например, эстетической. Особенно актуальными такие оценки и их допустимость (а отсюда и вся проблема соотношения права и морали) становятся в ситуации конфликта правовых и моральных требований (Pino, 2016:4–5). Если обязательность моральных требований проистекает из их содержания, то право в его позитивистской интерпретации (позитивное право) обязывает в силу своего происхождения – юридическая сила (действительность) правовых предписаний обусловливается тем, что они исходят от надлежащей инстанции, уполномоченной их устанавливать (Pino, 2016:6–7). Тест на происхождение, впервые обоснованный Дж. Остиным (Austin, 1832:11), считается самым важным в юридическом позитивизме, позволяющим отличать правовые предписания от иных требований, подкрепленных возможностью применения санкции (Murphy & Coleman, 1990:22). В контексте позитивизма в противном случае право было бы неотличимо от морали, и любой конфликт между ними был бы немыслим. Вместе с тем это придает праву «тревожный и морально сомнительный оттенок», поскольку иногда оно может требовать от людей «хотя бы частично отказаться от автономии морального суждения» и подчиниться решению исключительно на основании того, что оно исходит от органа власти (Pino, 2016:7).

Характер связи между правом и моралью традиционно рассматривается как маркер, позволяющий различать два базовых типа правопонимания – юридический позитивизм и естественно-правовую школу. Если позитивисты считают, что такая связь является случайной, то сторонники юснатурализма настаивают на ее необходимости (Hart, 2005; Fuller, 2005; Alexy, 2011a; Barberis, 2011:58–59, 63–66, 69–71, 76; Pino, 2016:14–17). Мораль в данном случае выступает как идентификатор права и в концептуальном, и в практическом смысле.

Сторонники естественно-правовой школы (при всем разнообразии ее направлений) неизменно включают в понятие права требование его справедливости, которая, в свою очередь, трактуется как моральная категория. Позитивисты определяют право на основании сугубо формальных критериев, без отсылок к моральным

¹ Показательно, что даже исследователи философского наследия И. Канта, внесшего неопределимый вклад в разработку данной проблематики, не могут прийти к единому мнению относительно того, как он интерпретировал соотношение права и морали (Brecher & Hirsch, 2026).

ценностям, как, впрочем, и вообще к каким-либо содержательным характеристикам. Аналогичным образом действительность правовых норм юснатуралисты, помимо формальных оснований, увязывают с их справедливостью (так называемое материальное основание действительности), а позитивисты ограничиваются исключительно формальными основаниями и выводят действительность нормы из социальных фактов (приказа суверена (публично-властного установления) или сложившихся практик) либо других норм (вышестоящего иерархического уровня у Г. Кельзена, вторичных правил у Г. Харта), не считая необходимым вовлечение моральных рассуждений и в их интерпретацию.

Несмотря на то, что на протяжении многих десятилетий «разделение права и морали» представляло собой своего рода лозунг, вокруг которого развивалась значительная часть фундаментальных философско-правовых дебатов – между теми, кто использовал этот лозунг как оружие, и теми, кто рассматривал его как устаревший фетиш, подлежащий искоренению любой ценой (Pino, 2016:11), дискуссии эти редко были направлены на выяснение наличия или отсутствия у права и морали содержательной, а отсюда и функциональной специфики. Как будто по умолчанию предполагалось, что любые содержательные требования к праву могут носить исключительно моральный характер. Таким образом, отказ праву в собственном содержании в равной мере присущ и позитивизму, и юснатурализму. При этом в рамках позитивизма не отрицается фактическая возможность и даже желательность (целесообразность) моральной оправданности правовых норм и допустимость их критики в противном случае², а в контексте юснатурализма признается невозможность полного совпадения этих систем социального регулирования (что обусловило появление различных концепций права как минимума нравственности (Solov'ev, 1999), инклюзивного позитивизма и инклюзивного непозитивизма (Alexy, 2011b: 28–30)).

Разграничение права и морали

Традиционно право и мораль различаются по сугубо формальным критериям – по сфере регулирования³, источнику происхождения и особенностям санкций⁴. Однако в отдельных трактовках права, развиваемых в рамках как позитивизма, так и непозитивизма, мы можем найти указания не только на формальные, но и на

² Так, один из основоположников юридического позитивизма И. Бентам предлагал следующий «рецепт жизни под властью закона»: *«соблюдать пунктуально, критиковать свободно»* (Bentham, 1843:287–288).

³ Принято считать, что мораль направлена на регулирование внутренней жизни человека (его помыслов, желаний, устремлений), а права – его внешне выраженного поведения. Однако и праву, и морали безразличны обе эти сферы человеческой активности (Solov'ev, 1999:157–158; Korkunov, 2003:66–67; Kelsen, 2015:80–82). При этом право, прежде всего, регламентирует внешне выраженное поведение, а его мотивы и сопутствующие внутренние духовные переживания значимы (и то далеко не всегда) лишь в той мере, в какой они выразились в этом поведении: мотивы убийства, завладения чужим имуществом и т.п. (Trubetskoy, 2001:306). Моральные требования, напротив, прежде всего, относятся «непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческого» (Solov'ev, 1999:158). Они могут предполагать самые разнообразные заранее не предписанные внешние действия, которые сами по себе (без их мотивов) нравственной ценности не имеют и моральной обязанности не исчерпывают (Solov'ev, 1999:157).

⁴ Правовые санкции в отличие от моральных не трансцендентны, а социально имманентны и социально организованы (в той или иной мере институционализированы) и могут предполагать физическое принуждение (Kelsen, 2015:43–45, 50–53, 83–84).

содержательные признаки правовых и моральных требований, обобщение которых позволяет выявить базовые различия данных социальных регуляторов.

Обоснованию содержательного различия правовой и моральной регуляции необходимо предпослать уточнение самого понимания морали.

Под моралью позитивисты часто имеют в виду любые стандарты оценки человеческого поведения, не признаваемые правом, т.е. не получившие тем или иным образом (обычно официально-властным) статус обязательных и принудительно поддерживаемых правил поведения (Fuller, 2005:128). В таком случае говорить о каком-либо содержательном отличии права от морали не приходится (что вполне коррелирует формальным определениям права, предлагаемым в рамках юспозитивизма). Выявление таких различий с необходимостью предполагает признание наличия у каждого из данных регуляторов своей специфики.

Далее, мораль принято отличать от нравственности (социальной или позитивной морали), причем данное различие проводится по аналогичным формальным критериям, используемым для обособления права и морали, – происхождение соответствующих требований и способы их обеспечения⁵ (Hegel, 1994:194; Pino, 2016:8). Мораль является системой сугубо личностных, индивидуальных, автономных (интимных) представлений человека о должном поведении. Она имеет свое основание в совести и обеспечивается ею⁶. Нравственность в отличие от морали – это правила должного поведения, сложившиеся в рамках определенной общности и поддерживаемые главным образом силой общественного мнения (в качестве санкции здесь выступает общественное осуждение и в предельном случае – социальное отторжение нарушителя нормы)⁷.

Разграничение морали и нравственности акцентирует проблему их объективности как одного из оснований для правового обеспечения их требований или иначе – обусловленности действительности правовых предписаний их соответствием морали (нравственности).

Постулируемая юснатурализмом объективность моральных ценностей, протекающих из самой природы вещей, изначально (в древности и Средние века) базировалась на неразличении фактических и оценочных суждений (суждений о фактах и суждений о должном). Позднее (в Новое время) этические оценки (правильное, справедливое, доброе и т.п., а также противоположные им) стали рассматриваться как качества, не присущие самими вещам в силу их природы, а приписываемые им человеческим разумом, который, в свою очередь, считался общим для всех людей, соответственно и даваемые им оценки продолжали трактоваться как объективные

⁵ Нерсесянц В.С. *Философия права* : учебник для вузов. 2-е изд. М. : Норма, 2006. 848 с.; Поляков А.В. *Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода* : курс лекций. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 864 с.

⁶ «... Истоки совести восходят к бессознательному», поскольку «подлинно экзистенциальные решения в жизни человека всегда нерелексируемы и тем самым неосознанны... В этом смысле совесть можно назвать иррациональной» (Frankl, 1990:97).

⁷ Нравственность (в широком смысле) включает в себя нравы, которые отличаются от нравственности в узком смысле (групповой или общественной морали) формализмом своих требований. По сути, нравы – это правила этикета (правила вежливости, взаимоотношений между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, поведения за столом, стиль одежды и т.п.). См.: Поляков А.В. *Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода* : курс лекций. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 376–378.

истины. Однако такой рациональный этический объективизм открывал путь к субъективизму: от признания субъективности разума всего один шаг до допустимости множества оценочных суждений, выносимых различными субъектами (Barberis, 2011:64–68). Отсюда на объективность не может претендовать и нравственность, будучи лишь совокупностью доминирующих в том или ином сообществе субъективных моральных представлений.

Наконец, этический объективизм (возможность рационального обоснования моральных ценностей) был поставлен под сомнение принципом (или «гильотиной») Д. Юма, утверждающим принципиальное различие суждений о сущем и суждениям о должном и логическую недопустимость перехода от одних к другим (выведения должного из сущего, прескриптивных суждений из дескриптивных) (Hume, 1996:510–511), который в ходе дальнейшего развития этики так и не был опровергнут (Maksimov, 2012)⁸. Поскольку методологически «гильотина Юма» влечет за собой отрицание возможности рационального обоснования моральных норм, т.е. логического вывода их из знания о сущем, она «часто рассматривается как одна из теоретических опор имморализма» (Maksimov, 2012:132). Согласно Д. Юму «мораль (морально должное) имеет своим источником не „разум“ (как чисто познавательную способность), а „чувства“, „эмоции“» (Maksimov, 2012:129).

Между тем теоретики естественного права, пусть и не всегда явно, считают разрыв между знанием и оценкой, утверждением о фактах и нормой несущественным и полагают, что в обоих случаях соответствующие суждения могут быть объективными, истинными или ложными (Barberis, 2011:67). В рамках юснатурализма преобладают объективистские концепции морали, причем на протяжении веков в качестве таковых выдвигались самые разнообразные моральные аксиологии и коррелирующие с ними контрастные политические философии: религиозные или светские, либеральные или тоталитарные. В большинстве случаев, по крайней мере со Средних веков, они исходят из презумпции справедливости закона и морального обязательства подчиняться ему (Barberis, 2011:64, 68), допуская неповиновение закону, согласно знаменитой формуле Г. Радбруха, лишь когда действующее позитивное право оказывается столь вопиющим образом несовместимо со справедливостью, что полностью отрицает ее (Radbruch, 2004:234).

Следует заметить, что признание объективного характера морали нивелирует ее отличие от нравственности, поскольку любое «отклонение» от «объективной системы ценностей» (и на индивидуальном, и на групповом уровне) будет считаться аморальным (безнравственным).

При этом все попытки выстраивания объективной и универсальной морали, предпринимавшиеся на протяжении истории естественно-правовой и этической мысли, в конечном счете приводили к редуцированию ее к той или иной исторически и социально конкретной (партикулярной) нравственной системе.

Так, например, Дж. Финнис (Finnis, 2012) обосновал универсальные принципы (ценности), образующие аспекты благой жизни («основные формы человеческого

⁸ Необходимо подчеркнуть, что в «гильотине Юма» «сущее и должное соотносятся ... не как объективные реалии, и не как два вида „знания“ — „знание о сущем“ и „знание о должном“ (ибо в такой постановке „должное“ мыслится опять-таки как нечто сущее, о котором имеется знание, и в то же время как нечто отличное от сущего); юмовская „гильотина“ — это антитеза знания вообще (которое всегда есть знание о чем-то сущем) и морального императива (который не является *знанием* о должном, а представляет собой вербальное *выражение* некоторой нравственной позиции)» (Maksimov, 2012:141).

процветания»)⁹ и «методологические требования практической разумности»¹⁰, представляющие собой критерии, позволяющие проводить различие между разумными и неразумными действиями, «т.е. между морально правильными и морально ошибочными способами поведения, – и, таким образом, сформулировать некоторое множество моральных стандартов» (Finnis, 2012:43). Однако они оказались столь абстрактными и неоперациональными, что он был вынужден допустить большую вариативность их практической реализации в жизни конкретных людей и сообществ (Finnis, 2012:117–118).

По мнению Р. Алекси, «единственно правильная или справедливая», «необходимая для всех разумных существ» мораль определяется основными правами человека (Alexy, 2016:426), которые, в свою очередь, устанавливаются дискурсивно (Alexy, 1996), и «правилами или формами рациональной практической аргументации или дискурса» (Alexy, 2016:426). Другими словами, объективная мораль в содержательном смысле – это то, что люди договорились признать в качестве прав человека. При этом такая мораль определяет лишь «регулятивную идею» (Alexy, 2016:426), которая может получать различные воплощения.

Р. Дворкин прямо строит свою концепцию права на требования партикулярной морали, присущей конкретному обществу и отражающей нечто общее, проистекающее из конкурирующих убеждений его членов, которая включает в себя и «политическую мораль», находящую выражение в том числе в законах и иных правовых установлениях (Dworkin, 2004:128, 179–182, 187–193, 205–207, 366; Dworkin, 2020:305–322, 546–550). В связи с этим высказываются вполне обоснованные сомнения в принадлежности его концепции к естественно-правовой школе (Finnis, 2012:41; Zagrebelsky, 2003:639–640).

Позитивисты же, напротив, придерживаются этического субъективизма или нонкогнитивизма, согласно которому моральные ценности не существуют в мире фактов, а являются частью субъективных предпочтений человека, выступают объектами не знания, а приверженности, либо полагают, что выбор между когнитивизмом и нонкогнитивизмом (признанием объективной или субъективной природы моральных ценностей) не имеет никакого значения (Barberis, 2011:69–71, 76; Pino, 2016:10), поскольку не влияет на понимание права и признание действительности его норм. Позитивизму присущ этический скептицизм (или моральный релятивизм), отрицающий возможность существования или, по меньшей мере, рационального познания «универсально значимой и справедливой системы норм (будь это естественное право или идеальная мораль)» (Bulygin, 2016:71). При этом с позиций позитивизма, поскольку право концептуально отличается от морали, то отсутствует и безусловная моральная обязанность подчиняться праву (Barberis, 2011:59; Pino, 2016:11). Более того, позитивизм «предрасполагает к моральной критике закона» (Pino, 2016:30), признавая, что правовая система в целом и отдельные правовые нормы могут по-разному оцениваться с точки зрения различных этико-политических идеологий

⁹ К ним Дж. Финнис относит жизнь, знание, игру, эстетический опыт, общительность, практическую разумность и религию (Finnis, 2012:87–134).

¹⁰ Наличие ясного плана жизни, отсутствие произвольных предпочтений между ценностями и между людьми, беспристрастность и приверженность своим убеждениям, учет последствий своих действий, внимание к каждой из основных ценностей в каждом поступке и отказ от действий, наносящих вред какому-либо основному благу, необходимость способствовать достижению общего блага своего сообщества, следование голосу своей совести (Finnis, 2012:135–174).

(нравственных систем), не говоря уже об индивидуальных моральных установках (Pino, 2016:25).

Таким образом, мораль и нравственность представляют собой совокупность в конечном счете субъективных представлений о добре и зле, побуждают стремиться к первому и избегать второго. Конкретизация моральных требований бывает самой разной, порой весьма противоречивой. Но в самом общем виде можно сказать, что в их основе лежит идея и принцип солидарности. Мораль «стремится обнаруживать как в действительности, так и в умозрительной жизни связь каждого со всеми, проявляющуюся в массе различных видов, дабы сделать невольно обычным чувство тесной социальной солидарности, надлежащим образом распространенной на все времена и на все места» (Comte, 2001:99).

Любые моральные и нравственные системы делают упор на включенности человека в определенное сообщество, исходят из взаимозависимости всех его членов. Поэтому содержанием и целями нравственных требований выступают взаимопомощь, любовь, дружба, сострадание, забота, ответственность. Нравственность предписывает соизмерять свои желания и интересы с интересами других людей (Trubetskoy, 2001:311–312; Korkunov, 2003:67; Leist, 2002:173).

Мораль и нравственность – это система ценностей и принципов, а не правил. В разных сообществах, в различных ситуациях, от разных лиц они требуют разного поведения, в котором, однако, никогда не могут найти своего полного воплощения¹¹. Причем конкретное поведение, требуемое тем или иным моральным принципом, может находиться в конфликте с требованием, вытекающим из другого морального принципа, и выбор между ними – автономное решение человека. Мораль и нравственность предполагают свободное самоопределение личности и общности в рамках той или иной системы ценностей.

Такое содержательное понимание морали предопределяет и формальные критерии, отличающие ее от права: множественность и неопределенность источников происхождения; односторонне-императивный характер обязывания, не предполагающий корреспондирующего ему права требования должного поведения со стороны конкретного лица (Petrażycki, 2000:57–67); социальная неорганизованность и децентрализация санкций (неопределенность их характера, порядка применения, и уполномоченных на то лиц), их несопряженность с физическим принуждением (Kelsen, 2015:43–45, 50–53, 83–84); превалирование значимости внутренних мотивов над внешними действиями (Solov'ev, 1999:157–158); неисчерпаемость, окончательная невыполнимость требований¹².

¹¹ «То, что мы говорим о вечности закона добра, само собой разумеется, не означает вечности отдельных конкретных требований нравственности. Так, требование любви ко всякому человеку как таковому есть вечный закон, вечное требование добра, но способы осуществления любви, а, следовательно, и конкретные требования, вытекающие из этой заповеди любви к ближнему, бесконечно разнообразны в зависимости от бесконечно разнообразных условий места и времени. Единая неподвижная цель безусловного добра не исключает существования множества конкретных нравственных целей подвижных и изменчивых – таких нравственных задач, которые не могут быть разрешены всегда одинаковым образом. Вечный закон добра выражает собой ту цель, которой должна быть подчинена вся наша деятельность, он не включает в себе никаких указаний относительно того, как мы должны осуществлять добро в каждом отдельном случае» (Trubetskoy, 2001:316).

¹² «Стремление к общепризнанно невозможному является неотъемлемой чертой морального сознания» (Prokof'ev, 2003:74).

Право в отличие от морали призвано обеспечивать свободу и автономию членов общества. Оно абстрагируется от исходных различий, присущих людям, и рассматривает их как формально равных и свободных субъектов. Формальное равенство как равенство в свободе, равная мера свободы всех участников социального взаимодействия и является специфическим принципом правовой регуляции, определяющим ее сущность и содержание. Наиболее отчетливо эта идея выражена в философии права И. Канта и либертарной концепции права В.С. Нерсисянца. Причем принцип формального равенства – это не чисто умозрительная (формально-логическая) конструкция, а абстракция реальных социальных порядков, где личная свобода признается базовой ценностью. В той или иной мере такой тип социальной регуляции известен всем культурам и цивилизациям. Право, в отличие от морали, регулирующей межличностные отношения, опосредует формальный момент социального взаимодействия; оно «видит» людей не во всем многообразии их личных качеств и проявлений, а лишь как носителей определенных социально-правовых ролей – покупателя и продавца, кредитора и должника, следователя и подозреваемого, правонарушителя и потерпевшего, нанимателя и работника и т.п.

При этом общие принципы правовой регуляции (свобода и формальное равенство) применительно к той или иной ситуации (отношению) могут быть конкретизированы и «развернуты» в непротиворечивую систему формально определенных правил поведения – правовых норм (позитивного права).

Содержательная специфика права объясняет формальные критерии его отличия от морали: единство и определенность источника происхождения; двухсторонний императивно-атрибутивный (обязательно-притязательный) характер связи между субъектами социального общения (Petrażycki, 2000:57–67); формальная определенность требований должного поведения, их сводимость к внешне выраженному поведению (деяниям); социальная организованность санкций (Kelsen, 2015:43–45, 50–53, 83–84).

В большинстве непозитивистских трактовок права игнорирование принципиального различия права и морали вело к включению в право нравственного содержания, но истории правовой мысли известны и концепции юридизации морали. Так, Л. Фуллер сформулировал требования «внутренней моральности права», которые сводятся к восьми критериям (*desiderata*), выражающим формальные требования к качеству правовых норм: они должны носить общий (всеобщий) характер; быть обнародованы; не иметь обратной силы (за исключением особых случаев); быть ясно сформулированы (понятны адресату); не противоречить друг другу; быть объективно выполнимыми (не предписывать невозможного); быть стабильными (не подвергаться слишком частым и необоснованным изменениям) и, наконец, быть реально действующими, т.е. правоприменительная практика (официальные действия властей) должны соответствовать принятым и обнародованным правовым нормам. Данные требования, по Л. Фуллеру, делают возможным само существование права и обуславливают моральную обязанность граждан подчиняться установленным требованиям (Fuller, 2007:47–119). Однако ничего собственно морального такие требования не содержат; они представляют собой юридико-технические правила, обеспечивающие правовую определенность, и, в конечном счете, производны от принципа формального равенства. Неслучайно Дж. Пино называет обоснованные Л. Фуллером требования внутренней моральности права «юридическими добродетелями» (Pino, 2016:26).

Для И. Канта содержательной основой и морали, и права выступает свобода человека, автономия его воли (Kant, 1965). В результате, по мнению В.С. Нерсесянца, у И. Канта происходит юридизация морали, категорический императив которой, по сути, является модификацией правового принципа формального равенства. Специфика морали заключается лишь в том, что ее требования должного устанавливаются и исполняются лицом самостоятельно, без какого-либо внешнего вмешательства и понуждения, ради самого этого долга¹³.

Между тем право и мораль воплощают в себе два базовых и содержательно различных принципа упорядочения общественных отношений, которые тем или иным образом в той или иной мере реализуются всеми другими социальными регуляторами (религией, обычаями, политическими и корпоративными нормами). Оба эти принципа необходимы для нормального функционирования общества и комфортной жизни человека в нем. Без морали с ее упором на любовь, солидарность и взаимопомощь любое сообщество утратит свое единство. Вместе с тем право, гарантируя свободу, обеспечивает динамичное развитие всего общества и каждого человека, освобождая от излишних зависимостей.

Формальность и операциональность правовых требований обуславливает, что именно они могут и должны поддерживаться с помощью публично-властного принуждения, поскольку только право (официально-властное регулирование, основанное на правовом принципе формального равенства) обеспечивает свободное и надлежащее функционирование всех иных видов социальных норм. Право, гарантируя свободу и формальное равенство участников социального общения, предоставляет им и свободу морального самоопределения. Причем право отнюдь не освобождает человека от любых моральных обязательств, а просто дает ему возможность самостоятельно решать, во что верить, каких убеждений и ценностей придерживаться, кого любить, с кем дружить, кому помогать, о ком заботиться и требует никому не причинять вреда (уважать свободу каждого). Правовой принцип формального равенства распространяется и на партикулярные системы морали (нравственности). Право признает и защищает в равной мере различные нравственные порядки, одновременно определяя пределы их действия: уважение свободы и формального равенства всех членов правового сообщества, в том числе и придерживающихся иных моральных убеждений.

Инкорпорация морали в правовое регулирование

Несмотря на принципиальное отличие права от морали правовое (публично-властное) регулирование никогда не бывает полностью свободно от моральных соображений.

Позитивное право может допускать, а иногда и требовать обращаться к моральным оценкам при разрешении юридических дел (Pino, 2016:26–27). Используемые в таких случаях понятия (справедливость, добросовестность, гуманность и т.п.) могут получать как собственно правовую, так и морально-нравственную трактовку. Правовая интерпретация справедливости сводится к формальному равенству и соразмерности, добросовестности – к действию в соответствии с реализуемой в правоотношении социально-правовой ролью, гуманности – к запрету бесчеловечного и унижающего достоинства обращения и наказания; моральное наполнение данных

¹³ Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. 2-е изд. М. : Норма, 2006. С. 622–627.

понятий может быть самым разным, и оно часто вовлекается в юридическую аргументацию и толкование соответствующих нормативных предписаний.

Практически все правовые системы предусматривают возможность смягчения наказания или даже освобождения от юридической ответственности по тем или иным основаниям морально-нравственного характера, равно как и признают отягчающими обстоятельствами совершение правонарушений по морально порицаемым мотивам, а также устанавливают институты помилования и амнистии. В большинстве стран допускается отказ от военной службы по соображениям совести, которыми могут быть не только религиозные, но и собственно моральные убеждения (пацифизм).

Среди признаваемых международными актами и национальным законодательством оснований для ограничения прав человека неизменно присутствует защита общечеловеческой нравственности.

Для представителей целого ряда профессий действуют этические кодексы, включающие требования как правового, так и нравственного характера, нарушение которых может повлечь за собой увольнение (отставку, лишение полномочий).

Моральные соображения всегда в той или иной мере включаются в правовое регулирование, но они не должны доминировать в нем и блокировать действие собственно правовых принципов. Однако сегодня в рамках утверждающегося неоконституционализма просматривается иная тенденция.

Исследователи (Barberis, 2011:61–62, 84–85) атрибутируют неоконституционализму концепцию права Р. Дворкина, с именем которого связана весьма популярная сегодня идея необходимости соединения конституционного права с теорией морали (Dworkin, 2004:209); теорию аргументации Р. Алекси, в рамках которой правовая аргументация рассматривается как частный случай моральной аргументации (Alexy, 1978); концепцию аргентинского юриста К. Нино, который доказывает необходимость тройственной связи между правом и моралью – определяющей, обосновывающей и интерпретирующей (Nino, 1994). Одним из наиболее радикальных вариантов неоконституционализма является конституционализм общего блага А. Вермеля, отказывающийся от либеральных установок на защиту индивидуальных прав и утверждающий «подлинный моральный конституционализм», базирующийся на христианских ценностях и чувстве солидарности (Vermeule, 2022)¹⁴.

Неоконституционализм предполагает закрепление в учредительных актах этических ценностей в виде конституционных принципов (наряду с собственно правовыми принципами и политическими установками) (Barberis, 2011:61–62, 68–69). Позитивированные в конституциях этико-политические принципы нуждаются в интерпретации и конкретизации прежде всего в рамках конституционного контроля, и проверка законодательства на соответствие таким принципам неизбежно предполагает обращение к моральным соображениям, выступающим в качестве материальных оснований действительности нижестоящих норм (Pino, 2016:19, 27). Конституционные принципы, такие как человеческое достоинство, равенство, социальная солидарность и т.п. с позиций неоконституционалистов представляют собой «юридические формулировки моральных ценностей», и все новое законодательство должно создаваться на основе этих принципов-ценностей, а действующее

¹⁴ Детальный анализ и критику данной концепции см.: (Timoshina, 2025).

законодательство переосмысливаться и адаптироваться к ним, в противном случае оно рискует быть признано неконституционным (Barberis, 2011:90).

Ориентация (в той или иной мере) на моральные установки характерна и для толкования текущего законодательства, явно или имплицитно они оказываются вовлечены в процесс использования различных традиционных юридико-догматических способов толкования, выбор наиболее адекватных из них, определение направленности и пределов интерпретационной деятельности (Pino, 2016:18, 21–23). При таком подходе «правовая интерпретация всегда рискует превратиться в моральное обоснование» (Barberis, 2011:83) со всеми присущими ему проблемами. Дело в том, что «ценностные позиции фактически складываются, принимаются людьми и проповедаются до и независимо от какого бы то ни было их обоснования, рациональная аргументация появляется позже, она играет здесь лишь подсобную роль, будучи выстраиваема таким образом, чтобы задним числом подтвердить „незыблемую правоту“ этических (и иных ценностно-нормативных) учений» (Maksimov, 2012:126–127).

Неоконституционализм позиционирует себя как теория, способная наилучшим образом объяснить и обосновать современное конституционное право (Zagrebselsky, 2009:117–146). Его сторонники признают необходимую, глубокую и существенную связь права с моралью; право может быть определено и обосновано только в моральных терминах как совокупность норм, которые являются справедливыми или, по меньшей мере, не являются невыносимо несправедливыми (Barberis, 2011:81–82). В отличие от теоретиков естественного права, считающих, что моральные ценности даны в природе или в человеческом разуме, неоконституционалисты утверждают, что они конструируются посредством рационального дискурса (Barberis, 2011:82) в рамках процедур, предложенных Дж. Ролзом (Rawls, 1995) или Ю. Хабермасом (Habermas, 1981; Habermas, 2001). При этом упускается из вида, что хотя в современном плюралистическом обществе действительно вполне можно достичь согласия в отношении ряда абстрактных оценочных суждений, таких как, например, «жизнь священна», это не исключает серьезных разногласий по поводу, казалось бы, вытекающих из них менее абстрактных утверждений, таких как «аборты неправомерны», «эвтаназия недопустима», «смертная казнь негуманна» и т.п. Абстрактные моральные ценности нуждаются в конкретизации, и эта деятельность неизбежно будет носить дискреционный и субъективный характер (Barberis, 2011:83). Таким образом, неоконституционализм допускает весьма опасное слияние права с моралью, а именно с «позитивной моралью, произвольно созданной судьями», и, по сути, сводит право к «морали, применяемой в судебном порядке» (Barberis, 2011:88).

Даже если признать, что в конституциях закрепляются моральные ценности, в практике органов конституционного контроля и юридической доктрине они должны преобразовываться в правовые принципы (юридизироваться) и уже именно в таком качестве конкретизироваться в законодательстве и правоприменительной практике (Barberis, 2011:90, 92).

В контексте неоконституционализма доминирует моральная интерпретация прав и свобод человека (Pino, 2016:27). Р. Алексис считает, что права человека имеют исключительно моральную действительность, т.е. должны быть морально обоснованы (Alexy, 2011с: 23–24). «Права человека, – по мнению Е.В. Булыгина, – по меньшей мере, в их исходном смысле, являются моральными правами» (Bulygin, 2016:69). «Требование права предполагает морально-этическую аргументацию и не может

быть установлено никаким иным образом», – утверждает Р. Дворкин (Dworkin, 2004:206).

Постулирование исходной моральной природы прав человека ведет, среди прочего, к попыткам доктринального обоснования в качестве таковых притязаний на глубоко межличностные отношения, в частности, права на дружбу и права на любовь.

Право на дружбу, по мнению исследователей, призвано противостоять современной «эпидемии одиночества» и социальной депривации, которая понимается как постоянное отсутствие минимально адекватного доступа к достойному человеческому общению (Brownlee, 2020; Wittrock, 2022). К. Браунли утверждает, что человек – глубоко социальное существо, и его потребность в полноценной социальной интеграции важнее гражданских и политических потребностей, а также потребности в экономическом благополучии и во многом выступает условием их удовлетворения. Поэтому право на дружбу представляет собой фундаментальное право человека, которое пока в значительной степени игнорируется. Отсюда следует моральная обязанность «быть рядом с другими» (Brownlee, 2020). Таким образом, право на дружбу вступает в противоречие с правовым пониманием личной свободы и автономии, поскольку предполагает, что у человека отсутствует «безусловное право взаимодействовать или не взаимодействовать с незнакомыми людьми по своему усмотрению». Это не отрицает возможности определять, каким образом взаимодействовать с людьми, но предполагает необходимость адекватно реагировать на просьбы о взаимодействии, особенно если они исходят от уязвимых лиц и лиц, подверженных социальному отторжению, поскольку в противном случае их право на свободу от социальной депривации не будет защищено (Biale, 2021:864).

По мнению критиков, такой подход означает существенное изменение наших представлений об объеме и содержании личных свобод, но представляет собой мощный инструмент для противостояния практикам социального исключения. Дружба предполагает взаимную поддержку, которая базируется на хорошем знании личных качеств друг друга и обоюдной симпатии. Требование проявлять такое отношение к незнакомым людям кажется чрезмерным, поэтому необходимо уточнение, какие конкретно социальные связи должно включать в себя понятие «право на дружбу» (Biale, 2021:864).

Дж. Виттрок уточняет, что термин «дружба» здесь довольно условен и «был выбран из-за его потенциальной символической и вдохновляющей силы» (Wittrock, 2022:1591) и «позитивной коннотации» (Wittrock, 2022:1595). В отличие от К. Браунли, акцентирующего большей частью моральную составляющую данного права, он пытается его юридизировать и определить государственные обязательства по предотвращению социальной депривации, в том числе необходимые принудительные меры, применяемые к населению в целях обеспечения «всеобщего права на дружбу». Право на дружбу, по его мнению, в негативном смысле предполагает защиту от принудительной изоляции, а в позитивном – помощь государства в поддержании значимых социальных связей, способностей и возможностей людей для общения (Wittrock, 2022:1593), «поощрение стремления людей к дружбе» (Wittrock, 2022:1595).

При этом Дж. Виттрок осознает, что вряд ли можно «приказать людям дружить друг с другом» (Wittrock, 2022:1595), в связи с чем право на дружбу «не может быть абсолютным» (Wittrock, 2022:1603) и не подразумевает «права иметь друзей» (Wittrock, 2022:1604), оно может пониматься в сильном и слабом смысле и должно

осуществляться постепенно. Оно не обязательно предполагает принуждение людей вступать в межличностные отношения и дружить друг с другом и может быть реализовано за счет других мер, предпринимаемых государством (Wittrock, 2022:1596–1597), таких как обеспечение людей необходимыми средствами передвижения для общения с друзьями; разработка мобильных приложений для дружбы и поддержка виртуальных сообществ; развитие образования и социального воспитания; борьба со стереотипами, стигматизацией, различными формами социальной изоляции, буллингом; проведение тренингов, помогающих одиноким людям обрести уверенность в себе; организация публичных празднований и общественных собраний и т.п. Вместе с тем не исключается и использование государственного принуждения, не для того чтобы заставить одиноких людей взаимодействовать, а для того чтобы заставить или, по крайней мере, поощрить других людей к контактам с ними, в том числе возможно в форме исполнения гражданского долга или, например, обязанности молодых людей, проходящих гражданскую службу, общаться с одинокими пожилыми людьми (Wittrock, 2022:1596–1597, 1602–1604). Безусловно, государство не может заставить людей нравиться друг другу и не должно заставлять их притворяться, но оно должно стремиться создавать условия, которые помогают людям избежать социальной изоляции и маргинализации (Wittrock, 2022:1596–1597, 1604–1605).

Таким образом, «право на дружбу» фактически сводится к желательности государственной политики и общественной активности, направленных на борьбу с социальным отторжением определенных лиц или групп и заботу об одиноких людях, как правило, принадлежащих к уязвимым слоям населения. Нравственная составляющая такой деятельности очевидна, некоторые ее виды могут и должны регулироваться законодательством, но ее трансформация в «право человека на дружбу» вряд ли способна придать ей большую привлекательность и эффективность.

С.М. Ляо утверждает, что люди обладают правами в силу того, что «у всех у них есть генетическая основа для моральной субъектности», т.е. «способности действовать, руководствуясь своими моральными соображениями» (Liao, 2015:17). Сами права человека он трактует как притязания на «фундаментальные условия для благополучной жизни» (Liao, 2015:45), которая в свою очередь, понимается как жизнь, «посвященная основным видам деятельности», «важным для жизни человека в целом» (Liao, 2015:41). При этом его пояснения относительно того, какая жизнь является «благополучной» (она не тождественна «очень хорошей» жизни) и с какими видами деятельности она для этого должна быть сопряжена, крайне неопределенны (Liao, 2015:41–42). Тем не менее из этих основных видов деятельности выводятся фундаментальные условия для стремления к благополучной жизни – различные блага (ресурсы), возможности и альтернативы, необходимые человеку для их осуществления, включающие в том числе и возможность социального взаимодействия (Liao, 2015:43–73). Далее утверждается, что одним из фундаментальных условий благополучной жизни детей является то, чтобы их любили, и отсюда выводится право каждого ребенка быть любимым.

Все рассуждения автора относительно значимости любви для нормального развития и дальнейшего благополучия ребенка (Liao, 2015:74–100) не вызывают сомнения. Но право быть любимым предполагает корреспондирующую ему обязанность, которую человек должен быть в состоянии исполнить. Возлагать же обязанность любить кажется, по меньшей мере, странным, ведь это чувство и сопряженные с ним эмоции не поддаются нашему контролю. Однако С.М. Ляо полагает, что люди могут

контролировать свои эмоции, изменять и формировать их (Liao, 2015:101–130). Отсюда он выводит обязанность каждого дееспособного человека любить каждого ребенка. Правда, уточняется, что исходно такая обязанность лежит на биологических родителях ребенка, а остальные лица должны лишь помогать им выполнять эту обязанность; у них обязанность любить чужого ребенка возникает, когда ему недоступна родительская любовь (Liao, 2015:131–150), что предполагает право такого ребенка на усыновление и обязанность усыновлять детей, не имеющих адекватных родителей (Liao, 2015:189–192).

Возможно, некоторые эмоции и находятся под контролем человека, но вряд ли люди способны рационально формировать у себя именно любовь, в том числе и по отношению к детям, причем не только чужим, но и своим. Кроме того, само понятие любви не поддается рациональной операционализации. Наконец, потребность в любви как в «фундаментальном условии благополучной жизни» испытывают не только дети, но и вообще все люди, и К. Дузинас доводит эту идею до абсурда, утверждая, что права человека должны основываться на индивидуальных нуждах конкретного лица (Douzinas, 2000:369) и охватывать самые разные притязания, вплоть до «требования отвергнутого любовника своего „права на любовь“» (Douzinas, 2000:344).

Необходимость противодействия социальной изоляции отдельных людей или групп, а также организации надлежащего семейного воспитания детей безусловна и очевидна. Однако формулирование этих направлений государственной деятельности и общественной заботы в качестве прав человека на сугубо личностное отношение к себе (дружбу или любовь) только запутывает дело, поскольку высоконравственная риторика не позволяет установить, на какие формы помощи в социальной адаптации люди действительно имеют право рассчитывать.

Моральными соображениями мотивируется отказ от карательной интерпретации уголовной ответственности и принципа соразмерности как основы для определения мер наказания и замена их ориентацией на прощение и примирение (Lacey & Pickard, 2015a). При этом речь не идет о практиках восстановительного правосудия, предполагающего взаимодействие преступника и жертвы в целях возмещения ущерба, искупления вины и прощения. Вместо этого предлагается «институционализированная форма прощения», реализуемая государством, при которой, однако, наказание не отвергается полностью, но оно не должно предполагать порицание личности преступника и его социальное отторжение, а, напротив, включает в себя заботу о нем и помощь в изменении поведения. В ряде случаев в рамках «институционализированного прощения» от наказания можно и вообще отказаться. Но даже если правонарушитель и подвергся наказанию, он в конечном счете должен быть прощен, поскольку в любом случае заслуживает не только осуждения, но и сострадания и сопереживания (Lacey & Pickard, 2015b).

Представляется, что в данном случае смешиваются собственно юридическая ответственность за преступление и эмоциональное отношение к личности преступника и его деянию. Вряд ли последнее может быть предметом правовой регламентации. Пренебрежение же принципом соразмерности ведет либо к полной безнаказанности правонарушителя, либо к сугубо произвольному определению наказания (исходя из представлений о его целесообразности в зависимости от характера конкретного преступления и совершившего его лица). При этом неоспорима необходимость гуманизации системы исполнения наказаний и эффективных мер по ресоциализации правонарушителей.

Заключение

Отказ праву в наличии у него своего собственного специфического содержания низводит его до инструмента конкретизации и принудительного осуществления определенных моральных требований, что придает им дополнительную легитимность, одновременно стигматизируя иные убеждения и создавая проблемы для их приверженцев. «Правовой морализм» или правовое (точнее – публично-властное) обеспечение тех или иных моральных ценностей в некотором смысле наносит ущерб и самой морали. Когда позитивное право утверждает определенные нравственные стандарты, являющиеся предпочтениями отдельных групп и слоев населения (при демократическом правлении – представлениями большинства или компромиссными установками), это всегда предполагает принудительное навязывание их другим группам населения, что нивелирует их собственно моральную ценность.

Разграничение права и морали, как с формальных (позитивистских) позиций, так и в содержательном плане, демистифицирует право, лишает его ореола моральной святости, открывает возможности для его критики и развития. Одновременно имморализм права выступает гарантией самого существования морали и нравственности как автономного свободного выбора в пользу добра; и только возможность конкуренции таких выборов (в правовых рамках) обеспечивает нравственный прогресс человечества.

References / Список литературы

- Alexy, R. (1978) *Theory of legal reasoning. The Theory of rational discourse as a theory of legal justification. [Theorie der juristischen Argumentation. Die Theorie des rationale Diskurses als Theorie der juristischen Begründung]*. Frankfurt am Main, Suhrkamp. (In German).
- Alexy, R. (1996) Discourse Theory and Human Rights. *Ratio Juris*. 9 (3), 209–235. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.1996.tb00241.x>
- Alexy, R. (2011a) *The concept and validity of law (A response to legal positivism)*. In: Yakovleva, T.F. (ed.) Trans. Laptev, A.N. & Kalscheuer, F. Moscow, Infotropic Media Publ. (In Russian). EDN: SDTXND.
- Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера ; под науч. ред. Т.Ф. Яковлевой. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 192 с. EDN: SDTXND.
- Alexy, R. (2011b) The dual nature of law. In: Polyakov, A.V. (ed.) *Russian Yearbook of Legal Theory. No. 2. 2009*. St. Petersburg, Izdatel'skij dom SPbGU Publ., pp. 19–33. (In Russian).
- Алекси Р. Дуальная природа права // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009 / под ред. А.В. Полякова. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 19–33.
- Alexy, R. (2011c) The existence of human rights. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. (4 (297)), 21–31. (In Russian). EDN: OOOXXL.
- Алекси Р. Существование прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4 (297). С. 21–31. EDN: OOOXXL.
- Alexy, R. (2016) Between positivism and non-positivism? A third response to Evgeny Bulygin. In: Antonov, M.V., Lisanyuk, E.N. & Maksimov, S.I. (eds.) *Selected works on the theory and philosophy of law*. St. Petersburg, Alef-Press Publ., pp. 412–428. (In Russian).
- Алекси Р. Между позитивизмом и непозитивизмом? Третий ответ Евгению Булыгину // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / пер. с англ., нем., исп. ; под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 412–428.
- Austin, J. (1832) *The province of jurisprudence determined*. London, John Murray.

- Barberis, M. (2011) Law and morality: today's discussion [Diritto e morale: la discussione odierna]. *Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law [Revus. Revija za ustavno teorijo in filozofijo prava]*. (16), 55–93. (In Italian). <https://doi.org/10.4000/revus.2108>
- Bentham, J. (1843) A Fragment of Government. In: Bowring, J. (ed.) *The Works of Jeremy Bentham*. Vol. I. Edinburg, William Tait, pp. 221–297.
- Biale, E. (2021) 'Kimberley Brownlee: Being sure of each other. An essay on social rights and freedoms.' Oxford: Oxford University Press, 2020. *Ethical Theory and Moral Practice*. 24, 863–865. <https://doi.org/10.1007/s10677-021-10204-5>
- Brecher, M. & Hirsch, P.-A. (eds.) (2026) *Law and Morality in Kant*. Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009292030>
- Brownlee, K. (2020) *Being sure of each other: An essay on social rights and freedoms*. Oxford, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198714064.001.0001>
- Bulygin, E.V. (2016) On the problem of justifying human rights. In: Bulygin, E.V. *Selected works on the theory and philosophy of law*. St. Petersburg, Alef-Press Publ., pp. 66–72. (In Russian). Булыгин Е.В. К проблеме обоснования прав человека // Булыгин Е.В. Избранные работы по теории и философии права / пер. с англ., нем., исп. ; под ред. М.В. Антонова, Е.Н. Лисанюк, С.И. Максимова. СПб. : Алеф-Пресс, 2016. С. 66–72.
- Comte, A. (2001) *The spirit of positive philosophy*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ. (In Russian). Конт О. Дух позитивной философии. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 162 с.
- Douzinas, C. (2000) *The end of human rights: Critical legal thought at the turn of the century*. Oxford, Hart Publishing.
- Dworkin, R. (2004) *Taking rights seriously*. In: Makeeva, L.P. (ed.) Trans. Lakhuti, M.L. & Makeeva, L.B. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian). EDN: QVXKZT.
Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Л. Лахути, Л.Б. Макеевой ; ред. Л.Б. Макеева. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с. EDN: QVXKZT.
- Dworkin, R. (2020) *Law's Empire*. Trans. Moiseev, S. Moscow, Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева ; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М. : Издательство Института Гайдара, 2020. 592 с.
- Finnis, J. (2012) *Natural law and natural rights*. Trans. Gaidamak, V.P. & Panikhina, A.V. Moscow, IRISEN Publ., Mysl Publ. (In Russian).
Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака, А.В. Панихиной. М. : ИРИСЭН; Мысль, 2012. 554 с.
- Frankl, V.E. (1990) *Man's search for meaning*. In: Gozman, L.Ya. & Leontiev, D.A. (eds.) Moscow, Progress Publ. (In Russian).
Франкл В.Э. Человек в поисках смысла / пер. с англ. и нем. ; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева ; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. 366 с.
- Fuller, L.L. (2005) Positivism and fidelity to law: A reply to professor Hart. *Proceedings of higher educational institutions. Pravovedenie*. (6 (263)), 124–159. (In Russian). EDN: JZAUDR.
Фуллер Л.Л. Позитивизм и верность праву. Ответ профессору Харту // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 6 (263). С. 124–159. EDN: JZAUDR.
- Fuller, L.L. (2007) *The morality of law*. Trans. Danilova, T. Moscow, IRISEN Publ. (In Russian). EDN: QWPKHJ.
Фуллер Л.Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой под ред. А. Куряева. М. : ИРИСЭН, 2007. 308 с. EDN: QWPKHJ.
- Habermas, J. (1981) *Theory of communicative action. Bd. 1: Rationality of action and social rationalization; Bd. 2: On the critique of functionalist reason. [Theorie des kommunikativen*

- Handelns. Bd. 1: Handlungs rationalität und gesellschaftliche Rationalisierung; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft].* Frankfurt, Suhrkamp Publ. (In German).
- Habermas, J. (2001) *Moral consciousness and communicative action*. Trans. Shachin, S.V. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russian).
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем С.В. Шачина ; под ред. Д.В. Складнева. СПб. : Наука, 2001. 377 с.
- Hart, H.L.A. (2005) Positivism and the separation of law and morals. *Proceedings of higher educational institutions. Pravovedenie*. (5 (262)), 102–136. (In Russian). EDN: JZATSN.
- Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 5 (262). С. 102–136. EDN: JZATSN.
- Hegel, G.V.F. (1994) *Lectures on the History of Philosophy*. Book 2. St. Petersburg, Nauka Publ.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 2 / пер. с нем. СПб. : Наука, 1994. 423 с.
- Hume, D. (1996) A Treatise of Human Nature: Being an attempt to introduce the experimental method of reasoning into Moral Subjects. In: *Works in 2 vols. Vol. 1*. Trans. Tsereteli, S.I., Vasiliev, V.V. & Shvyrev, V.S. 2nd ed. Moscow, Mysl' Publ., pp. 53–656. (In Russian).
- Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Сочинения : в 2 томах. Т. 1 / пер. с англ. С.И. Церетели, В.В. Васильева, В.С. Швырева ; вступ. ст. А.Ф. Грязнова, прим. И.С. Нарского. 2-е изд. М. : Мысль, 1996. С. 53–656.
- Kant, I. (1965) The Metaphysics of Morals. In Two Parts. In: Kant, I. *Collected Works in six volumes. 4 (2)*. Moscow, Mysl' Publ., pp. 106–430. (In Russian).
- Кант И. Метафизика нравов : в двух частях // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М. : Мысль, 1965. С. 106–430.
- Kelsen, H. (2015) *The pure theory of law*. Trans. Antonov, M.V. & Lezov, S.V. 2nd ed. St. Petersburg, Alef-Press Publ. (In Russian).
- Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова, С.В. Лезова. 2-е изд. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 540 с.
- Korkunov, N.M. (2003) *Lectures on the general theory of law*. St. Petersburg, Yuridicheskij Centr Press Publ. (In Russian).
- Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
- Lacey, N. & Pickard, H. (2015a) The Chimera of Proportionality: Institutionalising limits on Punishment in Contemporary Social and Political Systems. *Modern Law Review*. 78 (2), 216–240. <https://doi.org/10.1111/1468-2230.12114>
- Lacey, N. & Pickard, H. (2015b) To Blame or to Forgive? Reconciling Punishment and Forgiveness in Criminal Justice. *Oxford Journal of Legal Studies*. 35 (4), 665–696. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqv012>
- Leist, O.E. (2002) *The essence of law: Problems of theory and philosophy of law*. Moscow, Zertsalo-M Publ. (In Russian).
- Лейст О.Э. Сущность права: Проблемы теории и философии права. М. : Зерцало-М, 2002. 279 с.
- Liao, S.M. (2015) *The right to be loved*. New York, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780190234836.001.0001>
- Maksimov, L.V. (2012) “Hume’s Guillotine”: pro et contra. *Ethical Thought*. (12), 124–142. (In Russian). EDN: PUZTDH.
- Максимов Л.В. «Гильотина Юма»: pro et contra // Этическая мысль. 2012. № 12. С. 124–142. EDN: PUZTDH.
- Murphy, J.G. & Coleman, J. (1990) *Philosophy of law: An introduction to jurisprudence*. Boulder, Westview Press.

- Nino, C.S. (1994) *Law, morality and politics: A review of the general theory of law [Derecho, moral y política: Una revisión de la teoría general del derecho]*. Barcelona, Ariel Derecho. (In Spanish).
- Petrażycki, L.I. (2000) *Theory of law and State in connection with the theory of morality*. St. Petersburg, Lan' Publ. (In Russian).
Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 608 с.
- Pino, G. (2016) Law and morality [Diritto e morale]. In: Bongiovanni, G., Pino, G. & Roversi, C. (eds.) *What is law? Ontologies and conceptions of the legal. [Che cosa è il diritto. Ontologie e concezioni del giuridico]*. Torino, Giappichelli, pp. 3–30. (In Italian).
- Prokof'ev, A.V. (2003) Obligation and Possibility. *Voprosy Filosofii*. (6), 69–85. (In Russian). EDN: ONZYKX.
Прокофьев А.В. Долженствование и возможность // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 69–85. EDN: ONZYKX.
- Radbruch, G. (2004) Legal wrong and superlegal law. In: *Philosophy of law*. Trans. Yumashev, Yu.M. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 228–238. (In Russian).
Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право // Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М. : Международные отношения, 2004. С. 228–238.
- Rawls, J. (1995) *Theory of Justice*. Trans. Tselishchev, V.V., Karpovich, V.N. & Shevchenko A.A. Novosibirsk, Novosibirsk University Press. (In Russian). EDN: YJOIQD.
Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева, В.Н. Карповича, А.А. Шевченко. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 534 с. EDN: YJOIQD.
- Solov'ev, V.S. (1999) Morality and Law. In: *Russian Philosophy of Law. Anthology*. 2nd ed. St. Petersburg, Aleteiya Publ., pp. 151–168. (In Russian).
Соловьев В.С. Нравственность и право // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / сост. А.П. Альбов и др. 2-е изд. СПб. : Алетеия, 1999. 398 с.
- Timoshina, E.V. (2025) Common good constitutionalism: Conception and controversy. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*. 9 (3), 200–251. (In Russian).
<https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-3-200-251> EDN: FQZIJL.
Тимошина Е.В. Конституционализм общего блага: концепция и полемика // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9. № 3. С. 200–251.
<https://doi.org/10.17323/2587-8719-2025-3-200-251> EDN: FQZIJL.
- Trubetskoy, E.N. (2001) Lectures on the encyclopedia of law. In: Trubetskoy, E.N. *Works on the philosophy of law*. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Press, pp. 287–420. (In Russian).
Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права // Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб. : Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 287–420.
- Vermeule, A. (2022) *Common good constitutionalism: Recovering the classical legal tradition*. Cambridge, Polity Press.
- Wittrock, J. (2022) A Human right to friendship? Dignity, autonomy, and social deprivation. *The International Journal of Human Rights*. 26 (9), 1590–1607.
<https://doi.org/10.1080/13642987.2022.2047939>
- Zagrebelsky, G. (2009) *Around the law. Law as a dimension of communal living [Intorno alla legge. Il diritto come dimensione del vivere comune]*. Torino, Einaudi Publ. (In Italian).
- Zagrebelsky, G. (2003) Ronald Dworkin's principle-based constitutionalism: An Italian point of view. *International Journal of Constitution Law*. 1 (4), 621–650.
<https://doi.org/10.1093/icon/1.4.621>

Сведения об авторе:

Варламова Наталия Владимировна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-0968-3296; SPIN-код: 6063-4291

e-mail: varlam_n@list.ru

About the author:

Nataliia V. Varlamova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow of Human Rights Department, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0968-3296; SPIN-code: 6063-4291

e-mail: varlam_n@list.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-491-504>
EDN: OOBMMH

Научная статья / Research Article

Критический анализ философско-правовых взглядов Нейла МакКормика

М.Д. Горбунов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация
 maxandgor@gmail.com

Аннотация. Глубокое понимание теории Нейла МакКормика, одного из ведущих представителей современной аналитической юриспруденции, имеет важное значение для обогащения онтологических и эпистемологических основ современной отечественной юридической теории. Правовед оказал существенное влияние на современную научную дискуссию в аналитической юриспруденции и представил теоретические и практические аргументы, важные для развития позитивистского правопонимания. *Цель исследования* – формирование критических замечаний к правовой теории правоведа на основе реконструкции предпосылок и основных положений его концепции. Исследование проводилось с использованием комплекса философских, общенаучных и специальных методов познания, включая диалектику, методы формальной логики, системный, исторический и биографический методы. Установлено, что взгляды правоведа формировались в особых условиях интеллектуальной среды англо-американского научного дискурса в контексте становления современного этапа развития аналитической философии и юриспруденции. Анализ современной научной дискуссии вокруг взглядов МакКормика в сочетании с авторскими замечаниями позволил установить, что взгляды правоведа, прошедшие эволюционное развитие от позитивистской к постпозитивистской теории, имеют проблему позиционирования и связанные с этим недостатки. В результате был сделан вывод о том, что МакКормик предлагает узкое понимание права в контексте либеральной теории, не учитывающее многообразие существующих правовых систем. В то же время правовед показывает актуальные закономерности функционирования современного права, практики прецедентов и правовой аргументации, особенности функционирования наднационального нормативного регулирования в его связи с национальным правом.

Ключевые слова: аналитическая философия, англо-американская правовая мысль, философия права, аналитическая юриспруденция, правопонимание, юридический позитивизм, юридическая практика, правоприменение, нормативная система, аксиология права

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 05 февраля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

© Горбунов М.Д., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Горбунов М.Д. Критический анализ философско-правовых взглядов Нейла МакКормика // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 491–504. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-491-504> EDN: OOBMMH

Neil MacCormick's Legal-Philosophical Theory: A Critical Analysis

Maxim D. Gorbunov

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

 maxandgor@gmail.com

Abstract. A nuanced understanding of the theory of Neil MacCormick, one of the leading figures in contemporary analytical jurisprudence, is crucial for enriching the ontological and epistemological foundations of modern Russian legal theory. MacCormick has exerted a significant influence on current scholarly debates in analytical jurisprudence and has advanced theoretical and practical arguments that are important for the development of a positivist conception of law. The aim of this study is to develop a critical assessment of his legal theory by reconstructing the premises and core elements of his theory. The research employs a range of philosophical, general scientific, and specialized methods, including dialectics, formal logic, and systemic, historical, and biographical approaches. It is shown that MacCormick's views took shape within the specific intellectual environment of Anglo-American academic discourse during the contemporary stage in the development of analytical philosophy and jurisprudence. An analysis of the contemporary scholarly debate surrounding MacCormick's views, together with the author's critical observations, shows that his theory, which evolved from positivism to post-positivism, presents problems of theoretical positioning and related shortcomings. The study concludes that MacCormick offers a narrowly liberal understanding of law that does not take into account the diversity of existing legal systems. At the same time, he successfully identifies key regularities in the functioning of contemporary law, case law and legal argumentation, as well as the specific features of supranational regulation in its interaction with national legal orders.

Keywords: analytical philosophy, Anglo-American legal thought, philosophy of law, analytical jurisprudence, legal theory, legal positivism, legal practice, law enforcement, normative system, axiology of law

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: February 5, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Gorbunov, M.D. (2026) Neil MacCormick's Legal-Philosophical Theory: A Critical Analysis. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 491–504. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-491-504> EDN: OOBMMH

Введение

Правовая теория Нейла МакКормика является одной из наиболее заметных и влиятельных в современном англо-американском юридическом дискурсе. Необходимо подчеркнуть, что взгляды шотландского правоведа не только оригинальны по своему содержанию, но и ярко иллюстрируют основные вопросы, входящие в поле

аналитической юриспруденции, а также общие тенденции развития доктрины во второй половине XX века (Twining, 2012:466–469). МакКормик оставил свой след в позитивистском дискурсе в числе ключевых представителей направления «включающего» позитивизма, предложив ряд ценных аргументов. В свою очередь, неоднозначность взглядов правоведа подтверждает то, что в осмыслении его научного наследия значимое место занимает проблематика критики его теории, особенно обострившаяся после его скоропостижной кончины в 2009 году. Отечественная же литература, как представляется, данной теме уделяет недостаточно внимания, несмотря на растущий интерес к аналитической юриспруденции, рамками которой очерчено научное творчество МакКормика. Большинство актуальных работ касаются лишь отдельных положений его теории скорее в описательном, нежели в оценочном ключе (Kondurov & Kraevsky, 2019:95–144; Chetvernin & Yakovlev, 2009:14). Данное обстоятельство обуславливает необходимость не только определения ключевых положений концепции шотландского правоведа, но и обращения пристального внимания на наиболее явные проблемные аспекты.

Ценность осмысления критических аспектов теории МакКормика имеет как общетеоретическое, так и практическое измерение. Авторству шотландского правоведа принадлежат множество идей в области нормативных институтов, толкования и интерпретации, судебного правотворчества, установления ценностно ориентированной правовой практики через призму позитивистской и постпозитивистской теорий. Следует отметить, что критический анализ взглядов МакКормика как влиятельного представителя аналитической юриспруденции дает материал для сопоставления отечественных и западных позитивистских теорий, а также позволяет обогатить российскую правовую науку новыми подходами к пониманию правовых явлений. Особая методологическая ценность теории правоведа заключается в разработке концепции многоуровневого правового порядка в рамках социально-ориентированного подхода, что способствует более глубокому осмыслению роли права в широком социально-политическом контексте. Необходимо также учитывать, что критическая рефлексия теории МакКормика в зарубежной литературе осуществляется в рамках единого дискурса и ограничена в ряде аспектов рамками научной парадигмы. Взгляд из альтернативных доктрин, с одной стороны, дополняет критику, а с другой, предоставляет ценный аналитический материал для развития правопонимания.

Контекст научных взглядов и основные положения концепции МакКормика

Взгляды Нейла МакКормика, их особенности, преимущества и недостатки обусловлены научной средой, окружавшей автора на протяжении его научного творчества. В числе таких обстоятельств, повлиявших на политико-правовую теорию правоведа, можно назвать следующие.

Во-первых, формирование теории социальных фактов и ее интеграция в аналитическую юриспруденцию. Политико-правовые взгляды МакКормика сформировались в рамках общей для англо-американской правовой мысли доктрины аналитической юриспруденции (Aarnio, 2011:48–50). В результате на теорию шотландского правоведа значительно повлияла теория социальных фактов, выразившаяся, в первую очередь, в работах Джона Сёрля и Элизабет Энском (Searle, 1969:50–53; Searle, 1995:34, 55; Anscombe, 1958:69). Согласно данной теории фактам реального мира противопоставляются социальные, имеющие особые характеристики.

Совокупность социальных фактов образуют нормативные схемы и институты, такие как право (MacCormick & Weinberger, 1986:49–56).

Во-вторых, расширение дискурса об интегративных основаниях права и судебной практике в позитивизме. Долгий спор между формалистским и релятивистским подходами в праве привел к общему ослаблению классических правовых теорий, которые оказались неспособны адекватно описывать судебную практику и прецедентные процедуры, а также учитывать необходимость поддержания гибкости правовых норм. Активная растущая роль суда в правовых системах, в особенности стран англо-американского пространства, требовала современных подходов к объяснению статуса правовой интерпретации. Один из наиболее авторитетных подходов был описан в рамках теории «конструктивной интерпретации» Рональда Дворкина, а также в работах Роберта Алекси, признавших правовую природу судебного творчества как поиска скрытого правильного варианта применения правовых норм (Dworkin, 2004:41–54; Dworkin, 1963; Alexy, 2000). В результате в эту дискуссию оказались вовлечены все крупные англо-американские правоведы-позитивисты, в их числе и МакКормик.

В-третьих, трансформация философско-правового дискурса в пользу оценивающих правовых концепций. Середина XX века стала переломной точкой в правовом дискурсе между позитивистской и антипозитивистской теорией о преимуществах описательных и оценочных правовых концепций. Катастрофа Второй мировой войны показала крайнюю слабость формальной позитивистской догмы ограничивать государственный произвол. Всеобщее осуждение преступлений нацистского режима не только способствовало становлению универсальной теории прав человека, но и утвердило общую убежденность необходимости поиска рациональных оснований в праве и признании зависимости правовой системы в практике ее действия от фундаментальных принципов, в том числе оценочного характера. В результате в англо-американской правовой мысли сформировался ряд мощных антипозитивистских теорий таких авторов, как Джон Финнис и Лон Фуллер, для оппонирования которым позитивистам нужно было искать новые аргументы (Fuller, 1958; Finnis, 2000).

В-четвертых, преобладание аналитической юриспруденции методологическим и онтологическим установкам Герберта Харта, давшим начало современному дискурсу в англо-американской правовой мысли (Twining, 2012:453–454). Значительное влияние Харта на научное творчество Нейла МакКормика, особенно в ее ранний период, отмечается и самим шотландским правоведом, под редакцией которого вышла монография, посвященная рефлексии взглядов его учителя (MacCormick, 1981:1–5). Харт представил первую актуальную исследовательскую программу в рамках аналитической юриспруденции, вокруг проблемных аспектов которой сконцентрировалась научная рефлексия в родной для МакКормика англо-американской академической среде (Hart, 1953).

К числу тем этой программы относится три взаимосвязанных вопроса: об основаниях нормативной системы общества и социальных механизмах, лежащих в основе правовых институтов (вопрос о понятии права); об аргументации и интерпретации в праве как основе юридической практики (вопрос о правореализации и прецеденте); о рациональной связи права и морали и зависимости юридической действительности от внешних критериев (вопрос о ценности права) (Hart, 2007:14–21). Вокруг данных вопросов развивается и теория самого МакКормика, что показывает

реконструкция его правовых взглядов, ставших предметом последующей критической рефлексии.

Первый вопрос в авторском понимании МакКормика впервые был сформулирован в 1973 году в инаугурационной лекции «Право как институциональный факт» (MacCormick, 1973). В 1986 г. вышла масштабная работа, написанная в тесном научном сотрудничестве с Ота Вайнбергером, «Институциональная теория права: новые подходы к юридическому позитивизму» (MacCormick & Weinberger, 1986), основные положения которой были уточнены в целом ряде последующих исследований. Наиболее полный вид правовая теория МакКормика приобрела к 2007 г. в работе «Институты права» (MacCormick, 2007). Там же обозначился переход от строго позитивистского понимания социальных фактов к значительно более инклюзивному.

Право МакКормик рассматривает в широком контексте практики существования нормативной системы общества. Нормативный характер социальных практик правоведа определяет как естественный, поскольку людям органически свойственно пользование нормами для реализации собственных интересов и согласования их в процессе социального общения. Здесь МакКормик видит назначение правовой системы в определении правил взаимодействия между людьми наиболее эффективным образом. Эффективность норм зависит от однозначности их идентификации и последовательной практики применения. Достигнуть данных требований в представлении шотландского правоведа возможно только посредством институционализации нормативной системы общества при формировании официальных правил, обеспечиваемых властью (MacCormick, 2007:14–25). Право представляет собой высшую форму организации институционального нормативного порядка, демонстрирующую наибольшую эффективность в регулировании общественных отношений (MacCormick, 1999:204). Преимущество права в системе нормативного регулирования обеспечивается свойствами справедливости и демократизма и в полной мере представлено в современных либеральных государствах (MacCormick, 2007:260).

В последние годы своего научного творчества МакКормик значительно расширил неформальный перечень свойств права, к которым были отнесены аргументативность и плюралистичность (MacCormick, 2007:260). Если фундамент правовой теории правоведа стал логическим развитием хартовского неопозитивизма, предложившего глубокое обоснование генезиса существования права в нормативной системе на базе теории социальных фактов, то поздние взгляды МакКормика вобрали в себя новые тенденции развития права. В результате многие привычные для позитивистской теории тезисы о государственном характере права и суверенитете национальной правовой системы были отброшены (MacCormick, 1999:204). Политико-правовые взгляды МакКормика выразили либеральное понимание права как высшей формы нормативного порядка, находящейся в конкуренции с другими формами на субнациональном и наднациональном уровнях. Представляется, что такие идеи привели к сужению понимания права, поскольку из всего многообразия существующих и исторических форм и видов правовых систем лишь малый перечень способен ответить предъявляемым теорией требованиям.

Основные тезисы второго вопроса в теории шотландского правоведа были заложены в труде 1978 г. «Правовое мышление и юридическая теория» (MacCormick, 1978). С 1980-х гг. начинается масштабная работа МакКормика по правовой интерпретации, прецедентному праву и юридической аргументации в рамках исследовательской группы “Bielefelder Kreis” совместно с Робертом Саммерсом, что в итоге

провело МакКормика к построению нового постпозитивистского подхода к право-реализации в работе «Риторика и верховенство права» (MacCormick, 2005), где его концепция подверглась значительной корректировке при учете фактора всеобщей интерпретационной практики, практического разума индивидов и аргументативного характера самого права.

Как уже было сказано, ключевым в обеспечении нормативности, постоянства и эффективности институциональной нормативной правовой системы является достижение ее понятности для индивидов (MacCormick, 1978:187). При этом МакКормик полагал вслед за своим учителем Гербертом Хартом, что последовательного применения формализованного законодательства для этого недостаточно. Важнейшей задачей в правовой системе является построение согласованной интерпретационной практики и правоприменения (MacCormick, 2005:81, 149). Правоприменение должно обеспечивать последовательность и иерархичность в действии правовых норм в том числе за счет открытого толкования, основанного на практических рассуждениях. Важнейшую роль в этом процессе играет суд (Berteau, 2008).

На суд МакКормик возлагает ключевую задачу по формированию единой рациональной аргументативной стратегии в праве (MacCormick, 2005:26). Именно суд должен выступать в качестве силы, формализующей правовую аргументацию и устанавливающей единую систему критериев оценки права. Непротиворечивость законодательства и судебной практики в теории МакКормика достигается в первую очередь за счет институционализации судебной деятельности и придания судебному усмотрению нормативного характера. В таком контексте МакКормик, кажется, выбирает сторону антипозитивистов по вопросу судебного нормотворчества, которую сам, тем не менее, определяет как срединную (MacCormick, 1978:265–274). Поэтому традиционная для теории позитивизма критика юснатуралистов и реалистов применима и ко взглядам позднего МакКормика.

Третий вопрос кажется наиболее сложным для анализа в теории МакКормика, поскольку развитие взглядов правоведа на право прошло несколько этапов, и они так и не были однозначно определены самим правоведом. В своей фундаментальной работе «Институциональная теория права: новые подходы к юридическому позитивизму» (MacCormick, 1986) МакКормик заявляет о преемственности концепции Харта и указывает на недопустимость смешения правовых и нравственных категорий, хотя при этом признает их ограниченную связь в широкой системе нормативных общественных практик. С 1990-х гг. последовательно в работах «Естественный закон и разделение права и морали» (MacCormick, 1992), «Идеальное и фактическое в праве и обществе» (MacCormick, 1997) взгляды правоведа начали значительно трансформироваться сначала в сторону «включающего» позитивизма, а затем и постпозитивизма и завершились работой «Практический разум в праве и морали» (MacCormick, 2008).

В итоге МакКормик приходит к выводу об аргументативном характере права как такового, что ведет к значимым далекоидущим последствиям. Само функционирование правовой системы с позиции правоведа зависит от соответствия ее внутреннего содержания целям и ценностям, которые рационально определяют индивиды (MacCormick, 2005:26). Любая юридическая практика от правотворческой до правоприменительной должна соответствовать определенному уровню эффективности, для того чтобы поддерживать свою нормативную силу. При этом МакКормик сохраняет общие позитивные требования к праву, включая согласованность

и формальную определенность. Позиции правоведа здесь кажутся недостаточно четкими. Представляется, что любые внешние аргументы, привносимые в содержание правовой нормы, снижают ее однозначность. Наиболее сильный удар по формальной составляющей права будет иметь судебная практика, ориентированная не на действующее законодательство, а на иные динамичные критерии. МакКормик, однако, настаивает на строгом рациональном и универсальном характере правовых ценностей и целей в виде справедливости, демократизма и стремления к общественному благу (MacCormick, 1992:112–113). Однако все же с точки зрения позитивистской доктрины это означает установление зависимости права от морали, поскольку какая бы аргументативная стратегия ни выстраивалась, она всегда будет иметь субъективный характер.

Теоретические и практические аспекты критики теории МакКормика

Реконструкция политико-правовых взглядов шотландского правоведа показывает динамичность теории и постепенную трансформацию взглядов МакКормика в постпозитивистские (MacCormick, 2007:278). Данные обстоятельства значительно повлияли на общий характер рефлексии его взглядов (Villa, 2009). Конкретные критические замечания к правовой теории Нейла МакКормика можно свести к следующим ключевым пунктам:

- общая методологическая невыдержанность при смещении гносеологического и онтологического компонента теории;
- нестабильность описываемой модели нормативного и правового порядков в обществе;
- противопоставление идеи универсалии практического разума и субъективного характера морали;
- коллизия согласованности и плюрализма в праве между уровнями нормативного порядка.

В первую очередь в числе ключевых недостатков теории МакКормика следует выделить общую проблему позиционирования в текущей научной дискуссии между позитивистами и антипозитивистами, сложившейся после выхода ключевого труда учителя МакКормика – Герберта Харта. МакКормик недостаточно четко разделяет онтологическую и гносеологическую составляющую в правопонимании. В теории правоведа онтологическая проблема зависимости права от оценочных суждений индивидов и гносеологическая задача построения нейтральной правовой концепции учеными-юристами смещаются на один методологический уровень. Ученый не видит принципиальной разницы между вопросами связи права и морали и когнитивными установками ученого в правопонимании. Однако необходимо отметить, что во многом для МакКормика это смещение было осознанной методологической установкой, вытекающей из его понимания права как социального феномена. Поскольку право для него представляет собой институционализированную нормативную систему, образованную аргументативной практикой, обращенной к универсальным ценностям, то его адекватное познание невозможно без учета его внутреннего нормативного измерения. При такой постановке вопроса ученый не может быть полностью нейтральным, поскольку он должен реконструировать его внутреннее содержание, которое само по себе ценностно нагружено.

Тем не менее, это же обстоятельство не освобождает его от критики. Как отмечается в научной литературе, «в мысли МакКормика нет различия между двумя

разными онтологическими и методологическими уровнями определения юридического позитивизма... МакКормик не может отличить концептуальный тезис... который состоит в различении между «описанием позитивного права» и «занятием позиции по нему», от тезиса об уровне концепций... согласно которому когнитивный дискурс в любом случае должен быть строго неоценочным... как только его вера в безоценочный характер когнитивных дискурсов ученых-юристов начинает шататься, начинает колебаться и его позиция на стороне юридического позитивизма» (Villa, 2009:62).

Такая оценка, с одной стороны, кажется излишне радикальной, но, с другой стороны, шотландский правовед действительно не определил до конца разницу между тем, какую роль имеют оценочные суждения в научной аргументации и нормативной практике. Они представляются правоведу взаимосвязанными аспектами единого пространства аргументации. Однако если ученые-позитивисты признали проблему релятивизации и уязвимости всякого рода оценочного описания права и поставили перед собой задачу сформировать «чистую» или, как минимум, беспристрастную научную описательную правовую концепцию, то МакКормик посчитал данную задачу невозможной, при этом пытаясь остаться в рамках позитивистской методологии. Вместе с тем хоть человек несвободен от ценностей, это не значит, что познавательная задача поиска объективного знания не может быть поставлена. Вместо этого МакКормик стремился выявить разницу между различными, по его мнению, категориями оценочных суждений и их роли в праве одновременно на научном и практическом уровнях в новом измерении, избыточно формулируя проблему позитивистской методологии.

Представляется возможным частично защитить МакКормика, поскольку этот недостаток его теории с точки зрения позитивистского аналитического подхода является одновременно и сильной стороной концепции с позиции ее объяснительного потенциала для понимания реальной юридической практики. Кардинально переформулировав проблему позитивистской методологии, сместив акцент с исключения ценностей из права на анализ их внутренней логики внутри правовой системы, подход МакКормика лучше справляется с описанием того, как на самом деле работает право в судах и в аргументации юристов, пусть и ценой «чистоты» позитивистской методологии. Однако здесь возникает потенциал другой проблемы. Признавая себя постпозитивистом и пытаясь занять срединную позицию в правовой науке, МакКормик сделал свою концепцию уязвимой для двусторонней критики – как недостаточно последовательного позитивиста и как нерешительного антипозитивиста, неспособного дать окончательный ответ на ключевые вопросы современной теории права.

Второй проблемный аспект во многом вскрывает эту внутреннюю неопределенность и касается противоположных установок в аксиологии МакКормика. Идея о субъективности морали противоречит идее об универсализации практического разума и претензии права на правильность.

МакКормик в своих работах указывает, что, хотя «редко [дискуссии о противопоставлении права и морали] раскрывают какую-либо важную истину» (MacCormick, 2007:278), тем не менее «право гетерономно, а также авторитетно и институционально; таким образом, оно находится в явном концептуальном контрасте с моралью, которая является автономной, дискурсивной и противоречивой» (MacCormick, 2007:278).

Автор явно говорит, что моральная добродетель контекстуальна и зависит от идеалов и нравов конкретного общества, в то время как право претендует на значительно большую универсальность. Однако одновременно с этим МакКормик утверждает, что «идея закона, принятого даже без претензии на правильность, является своего рода абсурдом» (MacCormick, 1992:112), но связь между моралью и правом «не защищает нас от очень многого... тот факт, что существуют определенные моральные устремления, которые концептуально присущи праву, никогда не сможет остановить извращенные мнения о соответствующих ценностях, трансформируемых в извращенные законы» (MacCormick, 1992:113). Отсюда возникает крайне важный нерешенный вопрос о том, что лежит в основе правильности закона, если не моральная добродетель.

МакКормик предлагает искать ответ в сфере действия практического разума, от которого зависит «универсализация и проверка конкретных проектов, а также в их взвешивании [при принятии решений] в рамках стремления к последовательному образу жизни» (MacCormick, 1992:119). Практический разум в теории правоведа выступает инструментом трансформации наиболее рациональных и универсальных критериев нормативной системы в правовые. Претензия на правильность означает претензию на рациональность.

Вместе с тем, как справедливо указывается в литературе, МакКормик «не может защитить тезис о том, что рациональный дискурс и стремление быть рациональным – это лишь вопросы предпочтений» (La Latta, 2008:83). Если бы правовед согласился с таким утверждением, то право также следовало бы рассматривать релятивистски. Самоопределение как постпозитивиста, напротив, «показывает, что идея морали МакКормика, связанная с концепцией права, близка к релятивистскому взгляду на мораль... но это противоречит... следствиям принципа разумности, который МакКормик принимает и подчеркивает» (La Latta, 2008:85). Правовед, стремясь выйти из поля правового позитивизма, с одной стороны, настаивает на рациональной природе права и его стремлении к правильности, но с другой – отрицает традиционные для антипозитивистов позиции на установление тождества правовых и моральных критериев.

Правовед апеллирует к универсальным категориям, но не предлагает полноценных процедур их верификации в условиях ценностного плюрализма и множественности интерпретаций. Попытка решения этой задачи через судебную деятельность приводит к признанию юридической значимости ценностных суждений. В результате его теория балансирует между формализмом, основанным на универсальной рациональности, и моральным релятивизмом.

Представленная аргументация выявляет серьезные проблемы последовательного обоснования нормативности права в теории МакКормика. Следует сделать вывод, что характерной особенностью его взглядов как представителя англо-американской правовой традиции является рассмотрение правомерного поведения исключительно как результата рационального признания. При этом игнорируется многообразие мотивов, включающих привычку, традицию или страх перед наказанием. МакКормик предлагает излишне идеализированную модель права, не учитывающую иррациональные аспекты человеческого поведения. Этот пробел особенно значим при анализе проблем деформации правосознания и вызовов, связанных с низким уровнем правовой культуры.

Третьим проблемным моментом теории МакКормика является то, что, при описании процессов перехода от простого нормативного к институциональному

порядку сами основания подчинения такому порядку кажутся нестабильными, поскольку правоведа излишне полагается на позицию пользователя норм. Изначальная теоретическая формулировка проблемы, тем не менее, имеет прямые практические следствия.

Автор предлагает «демократическую теорию юридикации или юридизации снизу» (Blichner, 2008:62). Как уже указывалось выше, индивиды всегда свободны в праве выбора нормативного порядка для соблюдения. В результате получается, что у официальных лиц отсутствует какой-либо внешний жесткий источник власти, который бы основывался на формальном закреплении их полномочий. Официальные лица описываются МакКормиком не как источник нормативности правового порядка, а как субъект, вынужденный постоянно демонстрировать эффективность предлагаемого им порядка, пытающийся заинтересовать индивидов выбрать такой порядок в качестве обязательного. Эффективность власти связана с устранением неопределенности норм и обеспечением возможности их использования для согласования интересов индивидов. Чем эффективнее официальные лица в выполнении этой цели и чем они убедительнее «агитации» в пользу правового порядка, тем такой порядок прочнее.

Проблема в том, что подобный механизм требует постоянного согласования крайне разнообразных интересов на уровне всего общества, что создает необходимость конструирования специфических правовых норм на основе сложно достижимого компромисса. В таком случае либо задача становится невыполнимой, либо формируемые правовые нормы усложняются до такой степени, что не способны более удовлетворять требованиям эффективности. В итоге следует согласиться с тем, что «система, если оставить ее в покое, может естественным образом развиваться в направлении чего-то вроде современного конституционного «правового» государства... но этот процесс может принять множество изгибов и поворотов... прерывистого равновесия» (Blichner, 2008:70–71).

Особого внимания заслуживает важное следствие теории МакКормика, которое недостаточно четко формулируется в существующей критике. Предложенная правоведом модель правового порядка функционирует в условиях хрупкой стабильности и постоянно подвержена угрозе фрагментации на множество нормативных систем. При этом решение задачи интеграции разрозненных практик в единую правовую систему неизбежно требует формирования механизмов официального принуждения и политической субординации.

Другой аспект проблемы – риск политических манипуляций при юридизации снизу. Интерпретативный и аргументативный характер права делает его уязвимым для целенаправленного политического воздействия. Это может проявляться как в формировании искусственного консенсуса властными группами посредством информационного влияния на общество, так и в деконструкции единого правопорядка через создание конкурирующих групп интересов. В этом отношении подход МакКормика демонстрирует излишний оптимизм относительно возможностей юридизации снизу. Данный недостаток открывает перспективы для интеграции его идей с более формально-ориентированными подходами.

И, наконец, четвертый вопрос касается проблемы совмещения тезисов о согласованности и плюрализме между уровнями нормативного порядка и внутри него и носит наиболее практический характер. Также следует отметить, что тезис о многоуровневости права на государственном и надгосударственном уровнях

широко распространен в современном правопонимании. Вместе с тем ключевым моментом при объяснении функционирования уровней права их взаимосвязь и иерархическое соотношение является достижение согласованности.

Как уже указывалось выше, согласованность в правовой аргументации как таковой является важным условием эффективной реализации норм правового порядка и, как итог, их действительности (MacCormick, 1976). Если внутри нормативного порядка согласованность вполне естественна и закономерна, то при столкновении различных порядков возникают дополнительные трудности. МакКормик сам настаивает на плюралистичности права и возможности конкуренции между нормативными, институционализированными и правовыми порядками разного уровня и качества. В последних работах данная позиция нашла свое максимальное воплощение, поскольку правовед фактически разрывает столь принципиальную для правового позитивизма связь государства и права и ставит под сомнение вопрос суверенитета на наднациональном и транснациональном уровнях (MacCormick, 1999:97–122). В итоге, как резюмируется в критической литературе, «в правовой теории МакКормика, по-видимому, существует противоречие между, с одной стороны... ролью, отводимой связности в концептуальной реконструкции правовой системы..., а с другой стороны, плюралистичностью концепцией права при попытке объяснить сосуществование различных правовых систем» (Carbonell, 2008:113).

С высказанной позицией сложно не согласиться, поскольку данная проблема ярко проявляется в праве Европейского Союза, которому сам МакКормик отводит значительное место в собственной теории (MacCormick, 1999:113). В ЕС фактически действуют сразу несколько режимов согласованности: на уровне права самого союза, а также на уровне государств-членов. Кроме того, у Суда ЕС, очевидно, возникает задача установления соответствия между данными нормативными порядками в рамках единой системы с учетом существующих приоритетов и баланса нормативной силы, а также интересов в пространстве союза.

Представляется возможным расширить данную линию критики. Собственные попытки МакКормика решить противоречия внутри теории не кажутся достаточно успешными. Правовед указывает на необходимость согласованности национального права с международным (MacCormick, 1999:116–117). Однако такое объяснение фактически ведет к тому, что национальные правовые порядки являются частью наднационального, и потому их внутренняя согласованность определяется органами наднационального уровня. Такая система кажется не плюралистичной, а монистичной, подобной той, которая описывалась в более ранних позитивистских теориях.

Необходимо отметить, что проблема соотношения согласованности и плюрализма в теории МакКормика находит практическое выражение в условиях все более очевидного кризиса европейской интеграции и глобализма как проектов многоуровневого правового порядка. Правовед не учел ряд аспектов, имеющих критическое значение для практической реализации его концепции. Во-первых, существуют объективные пределы признания наднационального порядка государствами-членами ЕС, выражающиеся в сопротивлении отдельным инициативам общеевропейских институтов. Во-вторых, эффективное функционирование наднационального нормативного порядка требует прочного ценностного консенсуса между участвующими юрисдикциями, который становится все менее достижимым в условиях роста политического разнообразия. В-третьих, плюрализм снижает устойчивость сложной институциональной системы, в которой постоянно происходит борьба на различных уровнях взаимодействия.

Таким образом, в теории МакКормика явно существует внутреннее противоречие. Практика Суда ЕС также не добавляет его позиции прочности, поскольку суд действительно может способствовать внутренней согласованности национальных правовых систем и расширять степень полномочий и компетенций в рамках плюралистичной модели ввиду необходимости учета интересов государств-членов, однако данный подход терпит крах, когда суду надлежит вынести принципиальное решение на уровне правовой системы всего союза.

Как видно из критических рассуждений, взгляды шотландского правоведа испытывают значительные трудности на разных уровнях теории. Чем дальше МакКормик отдалается от фундаментального позитивистского каркаса концепции, тем меньше его взгляды оказываются устойчивыми в поле научной рефлексии. Отчасти это вызвано тем, что критики научных взглядов МакКормика застали его теорию на переходном этапе, который, к сожалению, уже не может быть пройден самим правоведом. В свою очередь это не отменяет значимых общефилософских заслуг автора в построении гносеологического моста между позитивистскими и антипозитивистскими подходами. С практической стороны концепция наметила пути объяснения актуальных тенденций в правотворческой и правоприменительной деятельности на новых уровнях правовых систем.

Заключение

В итоге, суммируя все вышеуказанные замечания, представляется возможным заключить, что общий нарратив теории МакКормика, несмотря на значительную проработанность позиций, приводит к тому, что он не учитывает альтернативные и промежуточные формы существования права по отношению к либеральному правовому порядку. Важно отметить, что критика теории правоведа в целом остается в рамках доминирующего либерально-рационалистического дискурса, что ограничивает рассмотрение ряда существенных аспектов. Альтернативный ракурс рефлексии его взглядов показывает, что требования логической последовательности и соответствия права универсальным ценностям должны дополняться учетом многообразия политико-социальных контекстов и практик формального принуждения.

Правовед, кажется, совершает общую для либеральной теории методологическую ошибку, поскольку воспринимает процесс развития нормативного порядка как линейный с высшей формой правовой системы демократического государства и последующим выходом на наднациональный уровень с построением системы либеральной демократии. Однако реальная практика существования государственно-правовых систем в условиях нарастающего кризиса глобализма и либеральной государственно-правовой теории не соответствует представленной модели.

Теория МакКормика становится редукционистской по крайней мере с точки зрения юридического позитивизма, который стремится анализировать право во всех его разнообразных формах и выдвигает опорной точкой модели правовой системы государство, что является (как бы выразился Харт) центральным случаем существования права до сегодняшнего дня. Если для аналитической юриспруденции второй половины XX века главным достижением стал общий антиредукционистский импульс, который впервые был представлен в трудах учителя МакКормика – Герберта Харта, то сам правовед, кажется, в определенной степени меняет общий вектор правового познания. Широкое понимание права в свое время стало возможно в позитивизме за счет потенциала методологии морально-нейтрального описания права,

а потому многообразного в своих лучших и худших формах. МакКормик же в желании примерить позицию позитивизма и антипозитивизма фактически все более стремился к последнему, переходя от описательной теории права к оценочной, но не завершил этот переход до конца. Это обстоятельство стало в результате ключевым в критике концепции шотландского правоведа сразу с двух противоположных сторон правовой теории.

References / Список литературы

- Aarnio, A. (2011) *Essays on the Doctrinal Study of Law*. New York, Springer.
- Alexy, R. (2000) On the Structure of Legal Principles. *Ratio Juris*. 13 (3), 294–304.
- Anscombe, G.E.M. (1958) On Brute Facts. *Analysis*. 18 (3), 69–72.
- Berteau, S. (2008) MacCormick's Latest Views of Legal Reasoning and the Positivist Concept of Law. In: Fossum, J.E. & Menendez, A.J. (eds.) *The Post-Sovereign Constellation: Law and Politics in Neil MacCormick's Theory of Law*. Oslo, ARENA Publ., pp. 87–107.
- Blichner, L. (2008) Juridification from Below: The Dynamics of MacCormick's Institutional Theory of Law. In: Fossum, J.E. & Menendez, A.J. (eds.) *The Post-Sovereign Constellation: Law and Politics in Neil MacCormick's Theory of Law*. Oslo, ARENA Publ., pp. 37–72.
- Carbonell, F. (2008) Coherence and Post-Sovereign Legal Argumentation. In: Fossum, J.E. & Menendez, A.J. (eds.) *The Post-Sovereign Constellation: Law and Politics in Neil MacCormick's Theory of Law*. Oslo, ARENA Publ., pp. 109–152.
- Chetvernin, V.A. & Yakovlev, A.V. (2009) *Institutional Theory of Law*. Moscow, HSE University Publ. (In Russian).
Четвернин В.А., Яковлев А.В. Институциональная теория права. М. : ГУ-ВШЭ, 2009. 25 с.
- Dworkin, R. (1963) Judicial Discretion. *Journal of Philosophy*. 60 (21), 624–638. <https://doi.org/10.2307/2023557>
- Dworkin, R. (2004) *Taking Rights Seriously*. Trans. Lakhuti, M.D. & Makheeva, L.B. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russian). EDN: QVXKZT.
Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.Д. Лахути, Л.Б. Махеевой; ред. Л.Б. Махеева. М. : РОССПЭН, 2004. 392 с. EDN: QVXKZT.
- Finnis, J. (2000) The Truth in Legal Positivism. In: George, R.P. (ed.) *The Autonomy of Law*. Oxford, Clarendon Press, pp. 195–214.
- Fuller, L.L. (1958) Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*. 71 (4), 630–672. <https://doi.org/10.2307/1338226>
- Hart, H.L.A. (1953) Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952). *The American Journal of Comparative Law*. 2 (3), 355–364. <https://doi.org/10.2307/837483>
- Hart, H.L.A. (2007) *The Concept of Law*. Trans. Afonasin, E.V., Babak, M.V., Didikin, A.B. & Moiseev, S.V. Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ. (In Russian). EDN: VYOZJL.
Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина, С.В. Моисеева. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с. EDN: VYOZJL.
- Kondurov, V.E. & Kraevsky, A.A. (2019) Legal institutions and norms: the problem of validity and effectiveness of law in legal institutionalism. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 14 (6), 95–144. (In Russian). <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-6-kondurov-kraevsky> EDN: BZVTSI.
Кондуров В.Е., Краевский А.А. Правовые институты и нормы: проблема действительности и действенности права в юридическом институционализме // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 6. С. 95–144. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2019-14-6-kondurov-kraevsky> EDN: BZVTSI.

- La Latta, M. (2008) On Law and Morality. Reflections on MacCormick's Philosophy of Law. In: Fossum, J.E. & Menendez, A.J. (eds.) *The Post-Sovereign Constellation: Law and Politics in Neil MacCormick's Theory of Law*. Oslo, ARENA Publ., pp. 73–86.
- MacCormick, N. (1973) *Law as Institutional Fact*. Edinburgh, University of Edinburgh.
- MacCormick, N. (1976) Formal Justice and the Form of Legal Arguments. *Logique et Analyse*. 19 (73), 103–118.
- MacCormick, N. (1978) *Legal Reasoning and Legal Theory*. Oxford, Clarendon Press.
- MacCormick, N. (1981) *H.L.A. Hart*. London, Edward Arnold.
- MacCormick, N. (1986) *An institutional theory of law: New approaches to legal positivism*. Boston, D. Reidel Publishing Company.
- MacCormick, N. (1992) Natural Law and the Separation of Law and Morals. In: George, R.P. (ed.) *Natural Law Theory: Contemporary Essays*. Oxford, Clarendon Press., pp. 105–133.
- MacCormick, N. (1997) The Ideal and the Actual of Law and Society. In: Tasioulas, J. (ed.) *Law, Values and Social Practices*. Aldershot, Dartmouth Publishing Company, pp. 15–37.
- MacCormick, N. (1999) *Questioning Sovereignty: Law, State, and Nation in the European Commonwealth*. Oxford, Oxford University Press.
- MacCormick, N. (2005) *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199571246.001.0001>
- MacCormick, N. (2007) *Institutions of Law: An Essay in Legal Theory*. New York, Oxford University Press.
- MacCormick, N. (2008) *Practical Reason in Law and Morality*. Oxford, Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198268772.001.0001>
- MacCormick, N. & Weinberger, O. (1986) *An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism*. Dordrecht, D. Reidel Publishing Company. <https://doi.org/10.1007/978-94-015-7727-4>
- Searle, J.R. (1969) *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. London, Cambridge University Press.
- Searle, J.R. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York, Free Press.
- Twining, W. (2012) Donald Neil MacCormick 1941–2009. In: Johnston, R. (ed.) *Biographical Memoirs of Fellows of the British Academy. XI*. Oxford, The British Academy & Oxford University Press, pp. 448–471.
- Villa, V. (2009) Neil MacCormick's Legal Positivism. In: Del Mar, M. & Bankowski, Z. (eds.) *Law as Institutional Normative Order*. London, Routledge, pp. 45–64.

Сведения об авторе:

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Российская Федерация, 603105, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4

ORCID: 0000-0001-5266-8852; SPIN-код: 8260-3650

e-mail: maxandgor@gmail.com

About the author:

Maxim D. Gorbunov – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Faculty, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 4 Ashkhabadskaya str., Nizhny Novgorod, 603105, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5266-8852; SPIN-code: 8260-3650

e-mail: maxandgor@gmail.com

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-505-514>
EDN: OOKKAQ

Научная статья / Research Article

Биологические, биоресурсные коллекции как объект философско-правового анализа

С.В. Кабышев

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
[✉svkabyшев@mail.ru](mailto:svkabyшев@mail.ru)

Аннотация. Исследование посвящено философско-правовому осмыслению биологических (биоресурсных) коллекций как уникального феномена техносциальной реальности эпохи антропоцена. Принятие Федерального закона «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях» актуализирует необходимость теоретического переосмысления правовой природы данных объектов, выходящего за рамки традиционных отраслевых подходов. *Цель исследования* – контурно наметить концептуальные основания, обосновывающие параметры правового режима биокolleкций, адекватного современным вызовам и культурно-историческим особенностям России. Методологическую основу работы составляет междисциплинарный синтез: онтологический подход позволяет рассмотреть биокolleкции как гибридное образование, неразрывно сочетающее природную данность и технологическую искусность; аксиологический анализ выявляет ценностные приоритеты (природная правда, солидарность, межпоколенческая справедливость), определяющие границы правового вмешательства; историко-философская реконструкция раскрывает связь правосознания с отношением к природе в русской культурной традиции; теория правовых режимов структурирует совокупность правовых средств для достижения социально значимых целей. Доказывается, что биокolleкции выполняют фундаментальные функции материализованной памяти биосферы, репозитория генетических возможностей и критической инфраструктуры биоэкономики. В связи с этим категория «устойчивость» предлагается в качестве телеологической доминанты правового регулирования, интегрирующей требования биоэкологической полноты, социально-технологической защищенности, межпоколенческой стабильности и социально-экономической востребованности. Разрешение антиномии «безопасность – доступность» видится в концепции регулируемой доступности, предполагающей дифференциацию правовых режимов в зависимости от типа образцов и целей использования. Особое внимание уделено обоснованию биокolleкций как публичного блага и элемента национальной идентичности. С опорой на идеи русской философии (почвенничество, соборность) показано, что утрата коллекций – не только научный, но и символический урон, разрыв биосоциальной ткани бытия народа. Сделан вывод о необходимости реального перехода в правовой идеологии от понимания коллекций как имущества к представлению о них как об общенациональном достоянии, требующем особых механизмов защиты и управления в интересах настоящих и будущих поколений.

Ключевые слова: техносциальная реальность, устойчивое развитие, антропоцен, философия права, биологическое разнообразие, национальная правовая традиция

© Кабышев С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 10 февраля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Кабышев С.В. Биологические, биоресурсные коллекции как объект философско-правового анализа // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 505–514. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-505-514> EDN: OOKKAQ

Biological (Bioresource) Collections as an Object of Philosophical and Legal Analysis

Sergey V. Kabyshev

Kutafin Moscow State Law University, *Moscow, Russian Federation*

svkabyshev@mail.ru

Abstract. The article offers a philosophical and legal analysis of biological (bioresource) collections as a unique phenomenon of the technosocial reality of the Anthropocene. It argues that the adoption of the Federal Law “On Bioresource Centers and Biological (Bioresource) Collections” necessitates reconsideration of the legal nature of these objects beyond traditional sector-specific approaches. The objective of the study is to outline conceptual foundations for a legal regime for biocollections that responds to contemporary challenges and reflects Russia’s cultural and historical characteristics. Methodologically, the work is based on an interdisciplinary synthesis: an ontological approach makes it possible to view biocollections as a hybrid formation that inextricably combines natural reality and technological innovation, while axiological analysis reveals value priorities (natural truth, solidarity, intergenerational justice) that set the boundaries of legal intervention. Historical and philosophical reconstruction is used to reveal the relationship between legal consciousness and attitudes toward nature in the Russian cultural tradition, and the theory of legal regimes is applied to structure the set of legal instruments for achieving socially significant goals. The article shows that biocollections fulfil fundamental functions as a materialized repository of the biosphere’s memory, a source of genetic potential, and a critical component of the bioeconomy’s infrastructure. In this context, the category of “sustainability” is proposed as the guiding teleological principle of legal regulation, integrating the requirements of bioecological integrity, sociotechnological security, intergenerational stability, and socioeconomic relevance. The resolution of the “security-accessibility” antinomy is addressed through the concept of regulated accessibility, which presupposes differentiated legal regimes according to the types of samples and their intended uses. Particular attention is paid to conceptualizing biocollections as a public good and an element of national identity. Drawing on ideas from Russian philosophy (*pochvennichestvo*, *sobornost*), it is argued that the loss of collections constitutes not only a scientific loss but also a symbolic one, a rupture in the biosocial fabric of the people’s existence. The article concludes that legal ideology must genuinely shift from treating collections primarily as property to regarding them as a national treasure that demands special mechanisms of protection and management in the interests of present and future generations.

Keywords: technosocial reality, sustainable development, Anthropocene, philosophy of law, biological diversity, national legal tradition

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: February 10, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Kabyshev, S.V. (2026) Biological (Bioresource) Collections as an Object of Philosophical and Legal Analysis. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 505–514. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-505-514> EDN: OOKKAQ

Введение

В начале XXI в. человечество вступило в эпоху, которую все чаще определяют как «антропоцен», где деятельность человека становится главным фактором, изменяющим планетарные процессы, ведет к формированию новой гибридной техносоциальной реальности, в которой природные объекты неразрывно связаны с технологическими способами их сохранения, изучения и модификации (Anisimov, Isakova & Pratsko, 2025). В этих условиях биологическое разнообразие перестает быть фоном социального бытия, превращаясь в уязвимый и одновременно стратегически значимый ресурс, а традиционные правовые категории, произрастающие из дихотомии природы и техники, оказываются недостаточными (непродуктивными) для осмысления возникающих феноменов. В этом контексте приобретают принципиально новое значение биологические (биоресурсные) коллекции, представляющие собой одновременно продукт природной эволюции и результат многолетней научно-технической деятельности, материальный носитель генетической информации и социокультурный институт, национальное достояние и инструмент глобальной науки. Ранее воспринимаемые как сугубо научные собрания, сегодня они становятся ключевыми узлами техносоциальной инфраструктуры, обеспечивают не только сохранение генетического кода планеты (как «капсулы времени»), но и служат базой для развития биоэкономики, формирования природоподобных технологий и обеспечения продовольственной и биологической безопасности.

Принятие Федерального закона от 30 ноября 2024 г. № 428-ФЗ «О биоресурсных центрах и биологических (биоресурсных) коллекциях» знаменует собой переход от стихийного существования этого феномена к его осознанному, целенаправленному правовому конструированию (Kabyshev, 2025). Вместе с тем в правовой доктрине не уделяется должного внимания системному осмыслению этого явления; исследования в научной периодике, касающиеся данной сферы, крайне малочисленны¹, а монографии носят единичный характер (Ruda, 2024).

При всей важности научной рефлексии в связи с конкретными регулятивными конструкциями, использованными в названном Федеральном законе и их практической реализацией, принципиально важно обсудить прежде всего сущностные основания правовой природы биокolleкций, определяющие возможность обеспечения посредством их правового регулирования экологической и социально-технологической сбалансированности в условиях нарастающей неопределенности. Цель настоящего исследования – наметить перспективы теоретико-правовой и философско-правовой интерпретации биологических (биоресурсных) коллекций как специфического феномена техносоциальной реальности, требующего специального правового режима, адекватного вызовам антропоцена и отвечающего культурно-историческим особенностям российской правовой традиции. Исследование затрагивает вопросы онтологического статуса биокolleкций в условиях техносоциальной гибридации, аксиологических оснований правового регулирования биоресурсов в контексте

¹ См., например: (Agafonov et al., 2021; Kazantsev, 2018; Emikh, 2018).

устойчивого развития, культурно-исторической специфики отношения к природе в русской философской традиции и ее проекции на правовое сознание, соотношения публичных и частных интересов в сфере использования биокolleкций.

Методологическую основу исследования образует междисциплинарный синтез: онтологический подход позволяет рассмотреть биокolleкции как особый феномен реальности, возникающий на стыке природы и техногенной цивилизации; аксиологический анализ дает возможность выявить ценностные основания в соответствующей сфере правового регулирования; посредством историко-философской реконструкции осмысливаются традиции русской философии права и культурно-исторической школы, релевантные техносциальным феноменам; обращение к концепции устойчивости дает возможность обрисовать интегральную перспективу, связывающую экологические, социальные и институциональные измерения; теория правовых режимов позволяет структурировать совокупность правовых средств, направленных на достижение конкретных социально значимых целей (сохранение, безопасность, развитие).

Биокolleкции в структуре техносциальной реальности: онтологический аспект

Анализ биоресурсных коллекций с позиции фундаментальной юриспруденции требует отказа от взгляда на них как на простую совокупность предметов (образцов) и осмысления данного феномена в структуре гибридной техносциальной реальности. С одной стороны, в отличие от «чистых» природных объектов их бытие целиком зависит от социальных институтов, научных школ, уровня финансирования и правовых гарантий, они нуждаются в сложной технико-социальной и организационной инфраструктуре, без которой коллекции деградируют, утрачивают свою ценность. С другой стороны, в отличие от музейных (предметно-вещественных) коллекций, биологические (биоресурсные) коллекции сохраняют непосредственную связь с живой природой, репродуктивной способностью и эволюционным потенциалом. Правовой режим биокolleкций должен отражать эту их гибридность: защищать не только вещную субстанцию, но и комплексную (в том числе нематериальную) инфраструктуру (базы данных, методики паспортизации, компетенции персонала). Необходимо учитывать также выполняемые данными коллекциями особые функции, на которых стоит остановиться подробнее.

Во-первых, биоресурсные коллекции выступают материализованной «памятью» биосферы. В условиях стремительного сокращения биоразнообразия (вымирания видов, деградации экосистем, генетической эрозии культурных растений) они фиксируют существующую и уходящую натуру, выполняя таким образом семиотическую функцию и становясь носителями генетической информации, доступной для воспроизводства (декодирования) в настоящем и будущем. Право, определяя режим биокolleкций, регулирует тем самым доступ к «архиву» жизни, что неизбежно придает этому регулированию биополитическое измерение и иной, в сравнении с традиционным правом, рассчитанным на кратко- и среднесрочные перспективы, временной горизонт. Биоресурсные коллекции требуют правового мышления, выходящего за пределы не просто оперативной конъюнктуры, но и достоверного прогнозирования, поскольку их ценность может в полной мере раскрыться и реализоваться лишь в отдаленном будущем, если и когда нынешние экосистемы будут трансформированы или утрачены. Право антропоцена должно развивать институты, способные обеспечить межпоколенческую справедливость и ответственность перед

будущими поколениями. И биоресурсные коллекции как раз становятся материальным воплощением этой ответственности – конкретным механизмом передачи генетического и экологического наследия сквозь время.

Во-вторых, благодаря развитию биотехнологий биоресурсные коллекции превращаются в репозиторий генетических возможностей. Хранящийся в них генетический материал – это не просто «мертвая» ткань, а ресурс для будущих технологических решений: от селекции новых сортов растений до создания лекарственных препаратов. Правовой режим биокolleкций должен учитывать определяемый ими научно-технологический и, в конечном счете, социально-экономический потенциал, обеспечивать не только наличную, но и перспективную (будущую, подчас непредсказуемую) ценность.

В-третьих, на современном этапе биокolleкции становятся неотъемлемой частью инфраструктуры биоэкономики и биобезопасности, поскольку не просто сохраняются, но и активно используются, в частности, для валидации исследований, контроля качества, разработки тест-систем. Их утрата или деградация способна парализовать целые направления научных исследований и производств. Это придает коллекциям свойства критической инфраструктуры, аналогичной энергосетям, информационным или транспортным системам, что требует особых, императивных методов правовой защиты.

Отмеченные функциональные характеристики биологических коллекций непосредственно детерминированы их специфическим, гибридным онтологическим статусом и раскрывают его в реальной действительности. Именно сочетание природной данности (генетической информации) и технологического опосредования (методов сохранения) делает коллекции способными фиксировать «память» биосферы в форме, доступной для будущего декодирования. Сами по себе природные объекты не обладают такой способностью к межвременной передаче информации, поскольку подвержены эволюционному изменению и вымиранию, а сугубо технические артефакты не содержат в себе потенциала к воспроизводству живого. Только гибридное бытие коллекций обеспечивает их функцию материализованной памяти.

Аналогичным образом репозиторная функция коллекций, их способность служить источником будущих технологических решений коренится в онтологической неразрывности живого материала и инфраструктуры его сохранения. Генетические ресурсы вне коллекции (в естественных популяциях) обладают тем же потенциалом, но он остается нереализованным вследствие недоступности: отсутствуют механизмы идентификации, извлечения и стандартизации. Коллекция как технологическая система превращает виртуальную возможность генетической информации в актуальную доступность для научно-исследовательского и производственного использования. Таким образом, репозиторная функция не есть приданная извне характеристика, а внутреннее свойство гибридной онтологической структуры биокolleкции.

Свойство критической инфраструктуры также выводится из онтологической специфики. В отличие от стандартной инфраструктуры (транспортной, энергетической, информационной), которая обеспечивает циркуляцию ресурсов или потоков, биокolleкции обеспечивают воспроизводство самих ресурсов – биологических образцов с определенными свойствами. Это онтологическое отличие (воспроизводство, а не циркуляция) обуславливает особую (специфическую) критическую значимость. Если утрата элемента, например, транспортной инфраструктуры может быть локализована и компенсирована использованием альтернативных маршрутов, то утрата структурных частей биокolleкции может носить необратимый

и тотальный характер (уникальные генетические комбинации невосстановимы). Отсюда – необходимость принципиально иного уровня юридической защиты, соответствующего онтологической уникальности объекта.

Указанная взаимосвязь онтологических и функциональных характеристик имеет методологическое следствие для правового анализа. Функции биоколлекций не могут быть адекватно обеспечены правовыми средствами, не учитывающими их гибридную природу. Применение к коллекциям категорий вещного права (фокус на материальном носителе) или природоресурсного права (фокус на биологическом ресурсе) ведет к функциональной деградации: первый подход игнорирует необходимость поддержания инфраструктуры сохранения, второй – технологическую специфику доступа и использования. Правовой режим должен конституироваться непосредственно из онтологии объекта как гибридного образования, для которого существенны одновременно и биологическая, и технологическая составляющие. Стандартные правовые механизмы оказываются недостаточными, уступая место особым публично-правовым конструкциям, обеспечивающим непрерывность «жизненного цикла» коллекции.

Устойчивость как телеологическая доминанта правового режима биоресурсных коллекций

Центральной категорией, вокруг которой должен выстраиваться теоретический каркас правового регулирования биоресурсных коллекций, является устойчивость. В отличие от классической правовой категории «охраны», которая носит негативно-обеспечительный, предупредительный характер, устойчивость предполагает динамический баланс между сохранением и развитием. Понимание устойчивости не должно отождествляться с эколого-экономическим содержанием, сложившимся в рамках концепции устойчивого развития (включая весь спектр противоречивых политических интерпретаций и коннотаций), а требует осмысления как формирующегося элемента общей правовой методологии. Устойчивость в этом измерении предполагает способность правовых институтов сохранять свою функциональность в условиях изменяющейся среды, обеспечивать преемственность и адаптивность одновременно.

Применительно к биоресурсным коллекциям можно выделить несколько аспектов (уровней) устойчивости, требующих правового обеспечения:

а) биоэкологическая устойчивость – коллекции должны аутентично и полно представлять биологическое разнообразие (как естественное, так и селекционное). Этим предопределяется правовой принцип устойчивой полноты (репрезентативности) фондов биоколлекций, необходимость комплексного нормативного стимулирования научно обоснованного расширения коллекций, а не только их консервации. Биоколлекции должны непрерывно обновляться, отражая изменения в природных популяциях, появление новых генетических вариантов, результаты селекционной работы, поскольку живая природа не статична, и попытки «заморозить» ее состояние обречены на неудачу. Право должно обеспечивать динамическое развитие (эволюцию) биоколлекций, с тем чтобы они служили инструментом не только сохранения, но и активного конструирования будущего биоразнообразия;

б) социально-технологическая устойчивость – коллекции должны быть надежно защищены от рисков техногенного и социального характера (не только от аварий, халатности, но и от деградации инфраструктурных условий их сохранения, включая

утрату квалифицированных кадров). Соответственно, правовой режим биокolleкций объективно предполагает включение особого порядка финансирования, запрета на приватизацию или нецелевое использование профильных активов и т. п.;

в) темпоральная (межпоколенческая) устойчивость – коллекции служат своеобразным «мостом», связывающим прошлое и будущее и для научного сообщества, и для граждан, а потому правовое регулирование должно исходить из презумпции их бессрочного существования. Решения, которые могут привести к утрате или деградации коллекций (изъятие помещений, изменение финансирования), должны быть максимально затруднены процедурно. Это придает режиму коллекций свойство стабильности, защищающее их от текущей политической или экономической конъюнктуры;

г) социально-экономическая устойчивость – коллекции должны сохраняться не только ради самого сбережения, но и как условие их эффективного использования, что предполагает разумно обоснованную интеграцию коллекций в экономику и социальную практику, их востребованность обществом.

Правовой режим биокolleкций должен быть ориентирован на обеспечение всех этих уровней устойчивости, что требует комплексного подхода, выходящего за рамки традиционного природоресурсного права.

Безопасность и доступность биокolleкций: антиномия правового регулирования в условиях антропоцена

Ключевой теоретико-правовой проблемой правового режима биокolleкций является антиномия между требованиями безопасности и доступности. Антропоцен характеризуется не только новыми угрозами (как, например, биотерроризм или непреднамеренное высвобождение патогенов), но и новыми возможностями, требующими открытости.

Безопасность как характеристика правового режима биокolleкций производна от их двойственной природы, применительно к которой необходимо обеспечить как физическую сохранность образцов, так и информационную и биологическую безопасность. В частности, безопасность биокolleкций подразумевает защиту национальных генетических ресурсов от неконтролируемого вывоза и использования («биопиратство»), что требует правовой квалификации коллекций как особо ценного объекта, оборот которого подлежит жесткому государственному контролю.

Однако избыточная секьюритизация вступает в конфликт с доступностью, которая является неременным условием научно-технологического и социально-экономического развития. В собственно научном плане коллекции – инструмент познания, требующий свободного, но упорядоченного доступа, а для экономики – источник ресурсной и технологической трансформации, обеспечивающий возможности для повышения промышленно-производственной продуктивности (Khlestkina et al., 2025).

Разрешение этой антиномии видится в концепции «регулируемой доступности», предполагающей формирование дифференцированного (градуированного) режима доступа, в частности, в зависимости от типа образцов (например, уникальные, исчезающие либо распространенные), степени их потенциальной опасности и целей использования (фундаментальная наука или коммерческая разработка). Задача права в данном случае не сводится к бинарной оппозиции (разрешение или запрет), а предполагает моделирование безопасной среды для реализации научных и экономико-технологических инициатив.

Биокolleкции как элемент национальной идентичности и публичное благо

Преодоление узкоутилитарного взгляда на биокolleкции возможно и необходимо через их осмысление в категориях публичного блага и национальной идентичности. Коллекции, накопленные поколениями ученых, являются не просто государственной собственностью, а частью культурного и природного наследия, формируют «природный образ» страны, связывая ландшафт, историю хозяйственного освоения и научные достижения. С философско-правовой точки зрения биокolleкции можно рассматривать как объект, обеспечивающий преемственность биосоциальной идентичности, поскольку понимание народом своего места в мире включает не только историю и культуру, но и знание природы, в которой он существует, проходит становление, развивается. Утрата коллекции семян местных сортов растений или образцов исчезнувших подвидов животных – не только научная, но и символическая потеря, разрыв естественно-исторической ткани бытия народа в его природном окружении.

Биосоциальная идентичность глубоко укоренена в национальной социокультурной и политико-правовой традиции. Для русской философии (и шире – всей национальной традиции мысли, включая С.М. Соловьева, К.Н. Леонтьева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Л.Н. Толстого, К.Г. Паустовского) характерно особое отношение к природе, воспринимаемой не как внешняя среда для эксплуатации, но как органическая основа бытия народа, его «почвы» в духовном смысле, правосознания и государственности. Природа выступает как источник нравственных норм, как формирующее начало национального характера и в то же время как своеобразное «бремя», которое народ принимает на себя, превращая его в свою уникальную историческую судьбу. От идей почвенничества XIX века до современных концепций «экологической культуры» прослеживается устойчивая линия, связывающая судьбу народа с судьбой его природной среды. В этом плане сама работа Н.И. Вавилова и его школы по созданию мировой коллекции генетических ресурсов растений явила собой не только грандиозный научный подвиг, но и акт культурного самоутверждения нации, демонстрации способности русской науки к масштабному, генеральному мышлению.

Философия права не может не учитывать эту культурно-историческую специфику при формировании идейно-ценностного, методологического базиса правового режима биокolleкций, который должен отвечать глубинным установкам национального правосознания и исключать механические заимствования из зарубежного опыта.

С позиции доминирующих (генеральных) идей национальной философии права (стремление к правде жизни, соборное, солидарное сопряжение интересов объединенных в народное единство сограждан и др.) биокolleкции воплощают не просто агрегированный интерес всех членов общества, а публичное достояние, природное и вместе с тем культурное наследие, принадлежащее всему народу, существующему в единстве сменяющих друг друга поколений, служат формой выражения межпоколенческой справедливости и подкреплены солидарной ответственностью, бремя которой институционализируется не только в конкретных властно-политических организационных формах государственности, но и в том числе в системе бизнеса. В контексте императива «правды» правовая охрана биокolleкций может рассматриваться как сохранение «правды самой природы» в условиях техногенной экспансии. В эпоху синтетической биологии, когда генетический код становится «программируемым», сохранение естественного разнообразия приобретает особую ценность как

противовес техногенной однообразности. Это соотносится с идеей природоподобного технологического уклада, предполагающего не подавление природы, но ее познание и гармоничное использование. Биокolleкции становятся источником такого познания, хранилищем «природной мудрости», доступной для будущих поколений.

Отсюда вытекает теоретическое обоснование приоритета публичных интересов в рамках правового режима биоресурсных коллекций, которые не могут быть вовлечены в гражданский оборот наравне с обычным имуществом. Вместе с тем представление о биокolleкциях как о публичном достоянии всего народа подразумевает правовые механизмы, обеспечивающие прозрачность и подконтрольность деятельности в этой сфере.

Заключение

Биологические (биоресурсные) коллекции представляют собой уникальный объект для философско-правового анализа, поскольку позволяют сконцентрироваться на ключевых проблемах современности: соотношении природного и техногенного, локального и глобального, настоящего и будущего, публичного и частного.

С позиции теории техносоциальной реальности биокolleкции выступают как гибридные образования, существующие на стыке живой природы и научно-технической инфраструктуры, что определяет специфику их правового режима, который должен быть одновременно «живым» (адаптивным, развивающимся) и надежным (обеспечивающим долгосрочную сохранность).

Теоретическая модель правового режима биокolleкций должна базироваться на принципе устойчивости, объединяющем императивы сохранения, безопасности и развития. Ключевая задача права – найти баланс в антиномии «безопасность – доступность», превратив ее из неразрешимого противоречия в источник регулируемого и продуктивного взаимодействия.

Последовательное утверждение такого режима (концептуально заложенного в системе действующего законодательства) означает переход от понимания коллекций как имущества к представлению о них как о публичном благе и общенациональном достоянии, что должно непременно включать в себя системное изменение правовой идеологии, признающей за природно-технологическими комплексами особый статус и необходимость действенной защиты перед лицом глобальных вызовов антропоцена. Перспективы развития правового регулирования связаны с дальнейшей разработкой категорий техносоциального права, институционализацией принципов устойчивости, углубленным диалогом между правовой наукой и естественнонаучным знанием. Особую роль здесь должна сыграть отечественная философия права, способная синтезировать универсальные достижения мировой мысли с самобытными культурными традициями и современными вызовами научно-технического развития.

References / Список литературы

- Agafonov, V.B., Viphanova, G.V., Zavoronkova, N.G. & Mokhov, A.A. (2021) National legislation on bioresource centers and biological collections: a development concept. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. (8), 103–109. (In Russian). EDN: QBLNPK.
 Агафонов В.Б., Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г., Мохов А.А. Национальное законодательство о биоресурсных центрах и биологических коллекциях: концепция развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 8. С. 103–109. EDN: QBLNPK.

- Anisimov, A.P., Isakova, Y.I. & Pratsko, G.S. (2025) The concept of the Anthropocene and its impact on Russian legal doctrine and environmental legislation. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 819–836. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836> EDN: LASUTT.
- Анисимов А.П., Исакова Ю.И., Працко Г.С. Концепция антропоцена и ее влияние на российскую правовую доктрину и экологическое законодательство // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 4. С. 819–836. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-819-836> EDN: LASUTT.
- Emikh, V.V. (2018) Current aspects of bioresource collections turnover. *Research Yearbook Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 18 (3), 122–143. (In Russian). <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.122143>
- Эмих В.В. Актуальные аспекты правового регулирования оборота биоресурсных коллекций // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. № 3. С. 122–143. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.122143>
- Kabyshev, S.V. (2025) Biological (Bioresource) Collections in a Constitutional Dimension. *Lex Russica*. 78 (7), 9–19. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.224.7.009-019>
- Кабышев С.В. Биологические (биоресурсные) коллекции в конституционном измерении // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 7. С. 9–19. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.224.7.009-019>
- Kazantsev, M.F. (2018) The Legal Regulation in the Sphere of Biological Collections: System, State, Development. *Research Yearbook Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 18 (1), 94–143. (In Russian). <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.94143> EDN: YVFJYE.
- Казанцев М.Ф. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций: система, состояние, развитие // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. № 1. С. 94–143. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.94143> EDN: YVFJYE.
- Khlestkina, E.K., Gavrilenko, T.A., Chukhina, I.G., Gekht, M.A., Antonova, O.Yu. & Ukhatova, Yu.V. (2025) Genetic passports: science for the economy. *Plant Biotechnology and Breeding*. 8 (2), 63–79. (In Russian). <https://doi.org/10.30901/2658-6266-2025-2-o5> EDN: STMAMS.
- Хлесткина Е.К., Гавриленко Т.А., Чухина И.Г., Гехт М.А., Антонова О.А., Ухатова Ю.В. Генетические паспорта: наука – экономике // Биотехнология и селекция растений. 2025. Т. 8. № 2. С. 63–79. <https://doi.org/10.30901/2658-6266-2025-2-o5> EDN: STMAMS.
- Ruda, M.G. (2024) *Biological collections: unlocking potential in modern geopolitical realities*. Moscow, Rusains Publ. (In Russian). EDN: NLLECW.
- Руда М.Г. Биологические коллекции: раскрытие потенциала в современных геополитических реалиях. М. : Русайнс, 2024. 103 с. EDN: NLLECW.

Сведения об авторе:

Кабышев Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Российская Федерация, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ORCID: 0009-0004-6790-954X; SPIN-код: 9656-5860

e-mail: svkabyshev@mail.ru

About the author:

Sergey V. Kabyshev – Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University; 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0009-0004-6790-954X; SPIN-code: 9656-5860

e-mail: svkabyshev@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-515-527>
EDN: OPGHZL

Научная статья / Research Article

Художественная литература и отражение политико-правовых закономерностей авторитаризма: повесть М.Д. Симашко «Емшан»

А.П. Альбов^{1,2}, В.Ю. Панченко^{1,2,3,4,5}✉, Е.Н. Пузанкова²

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Российская Федерация

²Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва,
Российская Федерация

³Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк,
Российская Федерация

⁴Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация

⁵Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
✉panchenkovlad@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – обоснование научной ценности обращения к художественной литературе для теории государства и права и выявление политико-правовых закономерностей авторитарного типа властвования, отраженных в повести М.Д. Симашко «Емшан». Исследование построено на использовании общенаучных (анализ, синтез, индукция) и специальных методов, в частности герменевтического и юридико-догматического, позволивших рассмотреть художественный текст как источник правовых идей и интерпретировать их, а также историко-правового метода для реконструкции контекста функционирования политической власти в сюжете. Результатами исследования стала экспликация из художественного повествования закономерностей политического господства авторитарного типа: обретение и удержание власти на основе «права силы»; формирование замкнутой правящей элиты; необходимость постоянной легитимации через внешнеполитические успехи; систематическое устранение ближайших соратников; инструментальное отношение к праву; субъективное одиночество лидера и проблема преемственности верховной власти. Выводом исследования явились умозаключения о том, что повесть «Емшан» представляет собой не только литературный памятник, но и философско-правовое исследование, раскрывающее природу авторитарной политической власти, а отраженные в ней закономерности выходят за рамки конкретного исторического контекста и имеют значение для понимания фундаментальных проблем функционирования политико-правовой организации общества.

Ключевые слова: политическая власть, право силы, мамелюкский султанат, легитимность, правящая элита, инструментальное право, память

© Альбов А.П., Панченко В.Ю., Пузанкова Е.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов: Панченко В.Ю. – концепция и дизайн исследования; Альбов А.П. – сбор и обработка материалов; Пузанкова Е.Н. – обобщение данных, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания 1-ГЗ-2026 Российской государственной академии интеллектуальной собственности.

Поступила в редакцию: 18 февраля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Альбов А.П., Панченко В.Ю., Пузанкова Е.Н. Художественная литература и отражение политико-правовых закономерностей авторитаризма: повесть М.Д. Симашко «Емшан» // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 515–527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-515-527> EDN: OPGHZL

Fiction and the Reflection of Political-Legal Patterns of Authoritarianism: M.D. Simashko's Novella "Emshan"

Alexey P. Albov^{1,2}, Vladislav Yu. Panchenko^{1,2,3,4,5}, Elena N. Puzankova²

¹All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

²Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

³Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

⁴Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian Federation

⁵Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

panchenkovlad@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to substantiate the scholarly value of examining fiction within the theory of state and law and to identify the patterns of authoritarian rule reflected in M. D. Simashko's novella "Emshan". The research employs general scientific methods (analysis, synthesis, induction) and specialized methods, particularly hermeneutical and legal-dogmatic approaches, which made it possible to treat the literary text as a source of legal ideas and interpret them, as well as the historical-legal which was method used to reconstruct the context of the functioning of political power in the narrative. The study identifies the following patterns of authoritarian political domination reflected in the fictional narrative: the acquisition and retention of power based on the "law of force"; the formation of a closed ruling elite; the need for continuous legitimation through foreign-policy successes; the systematic elimination of close associates; an instrumental attitude toward law; the leader's subjective loneliness; and the problem of succession to supreme power. The article concludes that "Emshan" is not only a literary remove the coma, but also a philosophical and legal study that reveals the nature of authoritarian political power, and that the patterns it depicts transcend the specific historical context and are significant for understanding fundamental issues concerning the functioning of society's political and legal organization.

Keywords: political power, rule of force Mamluk Sultanate, legitimacy, ruling elite, instrumental law, memory

Authors' contribution: V.Yu. Panchenko – conceptualization and study design; A.P. Albov – data collection and processing; E.N. Puzankova – data synthesis and writing of the manuscript. All authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was prepared within the framework of State Assignment No. 1-GZ-2026 of the Russian State Academy of Intellectual Property.

Received: February 18, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Albov, A.P., Panchenko, V.Yu., Puzankova, E.N. (2026) Fiction and the Reflection of Political-Legal Patterns of Authoritarianism: M.D. Simashko's Novella "Emshan". *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 515–527. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-515-527> EDN: OPGHZL

Введение

Исследование произведений художественной литературы может представлять научный интерес для теории государства и права как науки, целью которой является получение истинных знаний о наиболее общих государственно-правовых закономерностях становления, развития и функционирования государства и права, социально-экономических, политических, нравственных и иных закономерностях, которые детерминируют развитие и функционирование государства и права¹, особое место среди которых занимают закономерности политического властвования и правового взаимодействия, выступающие предметом исследования лучших умов человечества, начиная с древнейших времен. Художественные тексты нередко обнажают те глубинные механизмы политической власти и общеобязательного нормативного регулирования, которые в научных работах традиционных жанров остаются скрытыми за абстрактными формулировками. Художественная литература позволяет увидеть право и государство не как идеальные конструкции, а как живые человеческие отношения, где правила творятся, применяются и нарушаются в конкретных исторических обстоятельствах и в судьбах конкретных людей. Как работают сила, право и «право силы» в различных ситуациях, как формируется лояльность правящей группы политическому лидеру, какое воздействие на личность оказывают социальные требования на высшем уровне политической власти – эти и многие другие вопросы подняты в повести советского казахского писателя Мориса Давидовича Симашко (1924–2000) «Емшан» (в некоторых изданиях – «Бейбарс»), написанной им в 1966 году. Произведение М.Д. Симашко о судьбе кипчакского мальчика, ставшего египетским султаном, является не только литературным памятником, но и источником политико-правовых идей о природе политической власти.

Современная теория государства, подробно исследуя форму государства, оставляет вне должного научного внимания его содержание, которое составляют действительные процессы взаимодействия политических элит, протекающие между незначительным числом властвующих индивидов и оказывающиеся скрытыми от всеобщего внимания. Художественная литература дает возможность в определенной степени восполнить этот пробел, позволяя увидеть в сюжете рассматриваемой повести государство не с позиций относительно статичной формы, а как живое, динамичное содержание, заключающееся во взаимодействии политических элит за осуществление своих интересов при помощи государственного аппарата и правовых норм.

¹ Власенко Н.А., Гриб В.В., Малько А.В. [и др.] Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В.В. Гриба, В.Ю. Панченко. Москва : Издательская группа «Юрист», 2021. С. 970–972.

Выявлению и систематизации политико-правовых закономерностей авторитарного типа политического правления (властвования, режима), отражённых в повести «Емшан», и демонстрации их значения для понимания универсальных механизмов политического господства авторитарного типа посвящено настоящее исследование.

Основная часть

Действие повести «Емшан» происходит в Египте XIII века, который в повести именуется страной Миср – так арабы называли средневековый Египет. Это была эпоха потрясений: с востока на исламский мир надвигались монголы, уже уничтожившие Багдадский халифат; с запада продолжались крестовые походы; старые династии теряли политическую власть, а новые формы организации власти только формировались. Именно в это время на политическую арену выходит фигура султана Бейбарса I, прозванного Абуль-Футухом – Отцом Победы, реального исторического деятеля, правившего Египтом с 1260 по 1277 год. Сюжет строится вокруг одного дня из жизни уже немолодого султана. Утром Бейбарс внезапно настигает забытое слово «Куке!», которое сжимает горло горькой тоской. В попытке понять природу этого слова он покидает свою Цитадель в Эль-Кахире (Каире) и скачет в пустыню. По пути он вспоминает этапы своего восхождения: детство в кипчакской степи, где монголы убили его отца (того самого «Куке»); рабство на галере, где он, убив Маленького, стал первым среди гребцов; продажу на невольничьем рынке и превращение в мамелюка на Острове – знаменитом острове Ар-Рауда на Ниле, где готовили воинов-рабов для султанской гвардии. Он вспоминает Мансуру, где бился с франками и получил шрам; интриги и убийства, приведшие его к трону; методичное уничтожение всех, кто был с ним рядом, включая последнего соратника Барата, которого он отравит сегодня вечером. Вернувшись в свой Розовый Дом к только что обещанной им девочке, Бейбарс наконец понимает смысл слова: «Куке» – это его отец, убитый монголами, это запах горькой степной травы емшан, запах родины, который он носил в себе всю жизнь, не осознавая этого. Осознание приходит вместе со слезами, и в этот момент он выпивает чашу с отравленным вином, приготовленным для Барата, – и умирает. Эпilog повести возвращает читателя в Красные Пески, где монголы уничтожают род Берш, а маленький мальчик, оставшись сиротой, плачет над телом отца, и это слово, «Куке», становится символом неуничтожимой человеческой памяти.

Исторический контекст появления Бейбарса на политической арене Египта важен для понимания тех закономерностей, которые позволили ему стать правителем. Мамелюкский султанат представлял собой уникальную политическую систему: власть принадлежала военной корпорации, формировавшейся из рабов, привозимых из разных земель – кипчакских степей, Кавказа, славянских территорий. Эти воины, лишённые корней в местном обществе, не имеющие ни отца, ни матери, полностью зависели от своего эмира и составляли идеальный инструмент политической власти. Система, которую Бейбарс не создал, но довёл до совершенства, обеспечивала постоянный приток свежих сил и предотвращала формирование наследственной аристократии. В таких условиях особое значение приобретали не наследственные права, а реальная способность правителя обеспечить защиту подданных, организовать эффективное управление и создать условия для выживания общества. Бейбарс, пройдя путь от раба до суверенного правителя огромной страны, воплотил в себе те качества, которые становились востребованными в эпоху кризиса: беспощадность, соединённая с политической мудростью, способность принимать быстрые решения

и нести за них ответственность, умение выбирать соратников и своевременно избавляться от тех, кто становится опасным.

Исследование повести позволяет выявить ряд закономерностей авторитарного типа политического правления.

Во-первых, обретение и удержание власти только через обладание силой и ее применение. Жизненный путь Бейбарса – это непрерывная борьба за существование, где побеждает тот, кто готов убить первым. Начало этому было положено ещё на галере, куда его приковали цепью: «Их было по четыре на весле – по двенадцать рядов с обеих сторон. Там, где сходились широкие доски, был помост, на котором сидели пристегнутые к длинной цепи запасные гребцы» (Simashko, 1966). Именно здесь, в трюме, среди нечистот и постоянного голода, формируется его понимание справедливости как права сильного. Ключевой момент такого становления – убийство того, кто был рядом, и поедание его хлеба: «В первый раз он задушил того, который был рядом, и съел его хлеб» (Simashko, 1966). В этом эпизоде просматривается принцип: обязательные правила – это то, что исходит от сильного. Далее этот опыт только укрепляется: «Те, что рядом, были враги, вырывающие еду. Нужно было отбирать еду у других. Он убивал, потому что не отдавали» (Simashko, 1966). Став султаном, Бейбарс переносит эту логику на управление всей страной Миср. Для него отношения власти – это вечная схватка хищников, где слабый обречён на подчинение. Поэтому он создает для подданных непреодолимую дистанцию: «Собаки боятся орла, пока видят только его тень» (Simashko, 1966).

В свете концепции отклоняющегося государства, восходящей к Аристотелю и развитой в современных государствоведении и юриспруденции Н.А. Власенко, который определяет отклоняющееся государство как не реализующее заложенный в нём положительный потенциал, сводящееся, по существу, к политической власти, основанной на аппарате принуждения, и не выполняющее свои функции либо выполняющее их некачественно (Vlasenko, 2026), государство Бейбарса выступает ярким примером отклоняющейся государственности. Сущность такого государства заключается не в достижении общесоциальных целей всех людей, объединенных политической властью, а в борьбе за удержание доминирующего положения единоличного суверена с опорой исключительно на силу. «Право силы», продемонстрированное на галере, становится основой государственного механизма, сам суверен действует в целях достижения и удержания политической власти, принуждение носит селективный характер и направлено на устранение конкретных угроз власти султана. Описанное в повести государство Бейбарса – инструмент персонального доминирования, прямо противоречащее аристотелевской идее государства как формы общения ради благой жизни.

Во-вторых, закономерностью функционирования политической власти авторитарного типа выступает создание и воспроизводство замкнутой политической элиты, полностью зависящей от правителя и лишённой корней в обществе. Такой элитой у Бейбарса становятся мамелюки – воины-рабы, купленные на невольничьих рынках, привезённые из-за моря, лишённые каких-либо связей с местным населением. Идеальный мамелюк – это человек, у которого нет ничего, кроме его принадлежности к воинскому братству и преданности султану: «Крепких мальчиков от мамелюков забирают в эти дома, чтобы не знали они отца и матери, которые делают человека слабым» (Simashko, 1966). Особое значение при авторитаризме приобретают символы и ритуалы. Браслет, накованный под «семистовольным деревом на Острове», становится не просто украшением, а сакральным знаком принадлежности:

«Султанский браслет на руке должен всегда быть связан с деревом, которое снится. Тогда распилить его будет трудно, как это дерево» (Simashko, 1966). Бейбарс хорошо понимает психологическую потребность человека в принадлежности к социальной группе: «Мамелюки – люди, им нужны еда, одежда и родина. Необходимо удовлетворить их потребность в гордости. Просто кусок земли не может быть родиной. Для этого нужно зеленое дерево, чтобы оно им снилось» (Simashko, 1966). Такая символическая замена – важнейший механизм легитимации власти и контроля.

С позиции содержания государства, понимаемого как непрерывное динамичное взаимодействие политических элит (прежде всего борьба, конкуренция) – групп наиболее влиятельных лиц, осуществляющих свои интересы при помощи государственного аппарата и юридических норм (Malko & Panchenko, 2024), мамелюкская гвардия предстаёт как инструмент в руках политической элиты, олицетворяемой единоличным правителем, политическая элита в условиях автократии сведена к одному человеку – султану, а в отношении остальных «влиятельных лиц» реализуется стратегия лишения самостоятельной субъектности, подавления и превращения в объекты воли политического лидера. Они рекрутированы из полностью зависимой и искусственно созданной социальной группы, лишены традиционных социальных корней (семьи, племени, родины), не имеют иного источника идентичности и статуса, кроме как служение султану, интересы полностью конструируются и удовлетворяются правителем, что свидетельствует о тенденции исключения возможностей для внутриэлитной политической конкуренции, предполагающей определенную степень автономных ресурсов (земельная собственность, наследственные права, поддержка местных кланов и т.д.). Такой механизм формирования политической элиты является характерной чертой структурно-содержательных отклонений государства, при которых реальная власть сосредоточивается в исполнительных учреждениях и лично у правителя, а все остальные институты (включая элиту) становятся лишь проводниками этой воли (Vlasenko, 2026).

В-третьих, авторитарная политическая власть нуждается в подтверждении своей легитимности через внешнеполитические успехи и военные победы. Бейбарс становится Абуль-Футухом – Отцом Победы – после разгрома монголов при Айн-Джалуте в 1260 году. Эта победа имеет не только военное, но и огромное символическое значение: он останавливает монголов, которые до этого считались непобедимыми. Бейбарс победил монголов их же оружием, их же тактикой, их же психологией, оказался сильнее, потому что смог стать таким же, как они, – безжалостным, целеустремлённым, идущим прямо. После победы он совершает символический акт: «И собрал он все отрезанные головы и построил из них красную пирамиду на высоком берегу Евфрата» (Simashko, 1966). Эта пирамида из голов – не просто жест жестокости, но политическое заявление, адресованное и монголам, и собственным подданным, и всему миру: здесь такая власть, которая не знает пощады. Каждая новая победа укрепляет его авторитет и доказывает, что он действительно избранник судьбы, что высшие силы на его стороне. Необходимость авторитарной политической власти в постоянном подтверждении своей легитимности через внешнеполитические успехи и военные победы следует оценивать как проявление функциональных отклонений государства, когда государство, не способное или не желающее решать внутренние социально-экономические задачи (бедность, рождаемость, развитие инфраструктуры – «вечные болезни общества»), вынуждено компенсировать свою внутреннюю неэффективность и нелегитимность внешними успехами, военными победами, созданием образа внешнего врага (Vlasenko, 2026).

Пирамида из голов – своеобразный символ такой компенсаторной легитимации, которая призвана заменить отсутствие реальной заботы о благосостоянии подданных демонстрацией силы и устрашения. В логике отклоняющегося государства, Бейбарс, будучи узурпатором и чужаком, не имеющим традиционных династических прав, может обосновать своё господство только непрерывным подтверждением своей политического лидерства харизматического типа через победы, что, в свою очередь, делает его заложником перманентной войны.

В-четвертых, закономерностью функционирования авторитарной политической власти является систематическое уничтожение ближайших соратников, которые рассматриваются как потенциальная угроза. Бейбарс последовательно и методично уничтожает всех, с кем начинал свой путь, – не потому, что они совершили какие-то преступления, а потому, что «пришло их время». Вспоминая своё прошлое, Бейбарс перечисляет: «Длиннорукий Барат по его знаку убил одного за другим всех эмиров, которые были с ним в Мансуре... И многих других убил он, время которых пришло» (Simashko, 1966). Особенно показателен случай с Турфаном. Бейбарс забирает у него дочь, прекрасно понимая, что это оскорбление будет воспринято как смертельный вызов, и сразу после этого приказывает убить Турфана. Мотивировка при этом даётся совершенно откровенная: «Давно отстранил от себя он Турфана. Но львы, ставшие собаками, видят неправильные сны» (Simashko, 1966). Кульминацией этого процесса становится убийство Барата, последнего из «деяти», прошедшего с Бейбарсом огонь и воду, спасшего ему жизнь в бою с монголами: «Прямо смотрел длиннорукий Барат, который был Раисом Острова, но утром он смотрел в сторону. И Бейбарс сделал знак черному рабу. И принес черный раб высокую золотую чашку с красным александрийским вином. Взял он у раба чашку, и передал Барату, и сощурил глаза. И Барат выпил красное вино, потому что пришло его время» (Simashko, 1966).

Последовательное уничтожение ближайших соратников единоличного политического лидера наблюдается в авторитарных режимах на протяжении всей истории – от древних деспотий до современных диктатур и не является проявлением личной жестокости или болезни психики правителя. Классиками политико-правовой мысли давно замечено, что эта закономерность коренится в самой логике удержания и воспроизводства неограниченной власти. Н. Макиавелли прямо предупреждал правителя об опасности, исходящей от «слишком облагодетельствованных» им людей (Machiavelli, 1869) и рекомендовал, что «государю не следует так приближать своих друзей к престолу, чтобы кроме него им нечего было бы желать» (Machiavelli, 1869), ибо в противном случае удивляться их заговору не приходится. Поэтому когда «пришло их время» – как говорится в истории о Бейбарсе – даже верные соратники, спасшие жизнь правителю, становятся обречёнными. Та же логика присутствует и в рассуждениях Ж. Бодена, который указывал на сознательное использование конфликтов внутри правящей элиты как инструмент управления: правителю выгодно, чтобы высшие сановники находились в ссоре, ибо это позволяет им контролировать друг друга и не допускать объединения против суверена, и приводил пример Ликурга, который намеренно отправлял вместе в другие государства послов, враждующих между собой (Bodin, 1606). В деспотической системе неизбежно то, что любой влиятельный сановник, даже из числа самых доверенных, воспринимается как угроза. Полибий, описывая вырождение царской власти в тиранию, отмечал, что правители, получив власть по наследству, предаются излишествам, они вызывают ненависть не у простого народа, а именно у «благороднейших, гордых и отважнейших», которые и начинают козни, и страх правителя перед такими людьми, знающими его тайны и

имеющими собственный авторитет, только усиливается. Полибий так формулирует закономерность авторитарного типа политического правления: власть возрастает, а безопасность уменьшается вплоть до самого деспота, в лице которого крайняя степень власти соединяется с крайней степенью опасности (Polybius, 1994).

Ш.Л. Монтескье указывал, что принципом деспотического правления является страх, причем страх всеобъемлющий: подданные боятся правителя, но и правитель боится всех, кто не является ничтожным; в деспотическом государстве «каждый должен понимать, что для него лучше, если должностные лица вовсе не будут знать о его существовании, и что безопасность его личности зависит от ее ничтожества» (Montesquieu, 1955). Любой, кто обладает реальным влиянием, популярностью в войсках или просто выдающимися заслугами (как Барат, спасший Бейбарса в бою с монголами), автоматически попадает в категорию опасных. Поскольку в деспотиях закон есть лишь воля государя, то «чиновник... руководствуется собственной волей... так как закон есть непредвиденное проявление воли государя, то необходимо, чтобы проявление воли тех, которые желают за него, было таким же быстрым и внезапным» (Montesquieu, 1955), тем самым теоретическое обоснование получают внезапные казни в политической «без суда и следствия».

Т. Гоббс подчеркивал опасность для государства, когда «частные лица начинают соперничать по своей популярности с самим сувереном», отмечая при этом, что подкуп таких людей дает обратный эффект: «ибо стоит утихомирить наградами одного популярного человека, как под влиянием примера появляется много других, совершающих то же зло» (Hobbes, 1936), отсюда единственным надежным способом нейтрализации популярного соратника политического лидера в рассматриваемом типе политического правления является его физическое устранение.

Г. Моска описывает, как верховный правитель формирует «правлящую клику» из людей, связанных с ним узами «соучастия в сомнительных актах или в действительных преступлениях» (Mosca, 1994), однако по мере укрепления власти старые сообщники, знающие слишком много и имеющие собственные амбиции, становятся не нужны. Г. Моска вводит понятие «старения» правящего класса, когда он перестает обновляться и привлекать «новую кровь» (Mosca, 1994): чтобы государство не пришло в упадок, этот класс должен постоянно изменяться, но для старых членов такое изменение часто означает физическое удаление (Mosca, 1994). Именно этим объясняется в истории Бейбарса методичное уничтожение «девяти» – тех, кто начинал с ним путь, а когда эти люди сами начинают представлять угрозу, их «время приходит».

Отсюда последовательное уничтожение Бейбарсом своих ближайших соратников – Барата, Турфана и других – является не актом бессмысленной жестокости, а рациональной, хотя и циничной, практикой удержания авторитарной власти, в которой проявляется отмеченная закономерность как необходимость устранять тех, кто обладает слишком большим влиянием, использовать и впоследствии подавлять конфликты внутри политической элиты, порождающая в том числе «параноидальную логику деспотии», где безопасность человека обратно пропорциональна его значимости. Поэтому образные выражения «львы, ставшие собаками, видят неправильные сны» и «пришло их время» – метафоричные выражения, за которыми кроется реальная политическая деятельность в условиях деспотий.

В-пятых, для обеспечения существования авторитарная политическая власть нуждается в праве как системе общеобязательных предписаний, обеспеченных высшей властью и силой, несмотря на отрицание или заимствование общеобязатель-

ных правил, созданных предшественниками. Бейбарс восстанавливает систему, существовавшую при старом султани Салихе, понимая, что в эпоху перемен «право не утрачивает своей функции, его форма в основе своей также сохраняется, а существенно меняется лишь содержание» (Vetyutnev, 2008:38). Он возвращает мамелюкам браслеты на левую руку – символ их принадлежности к воинскому братству, их особого статуса; определяет иерархию: красные сапоги для эмиров тысячи, синие для эмиров сорока, серые для рядовых воинов; устанавливает правила, регулирующие все стороны жизни мамелюков. При этом вся система общеобязательных правил направлена на воспроизводство той особой культуры, которая делает мамелюков эффективной военной силой и одновременно надёжной опорой политического лидера. Система права носит ярко выраженный сословный характер: для мамелюков одни законы, для «людей страны Миср» – другие. Для авторитаризма характерно исключительно инструментальное отношение правителя к праву как к средству управления, но не как к самоценности. Для Бейбарса право не является чем-то священным и незыблемым, это просто инструмент, который можно использовать для достижения целей. Он меняет законы, когда это ему выгодно, он создаёт новые правила, когда старые перестают работать, он жестоко наказывает за их нарушение, но только тогда, когда это нарушение угрожает его власти. Особенно ярко это инструментальное отношение к праву проявляется в эпизоде с братом халифа. Котуз бросил его в яму, а Бейбарс выпускает и сажает на ковёр, объявляя братом халифа правоверных. При этом он сам сомневается в его подлинности, но понимает, что для легитимации его власти этот символ нужен: «Пусть в Эль-Кахире будет их бог» (Simashko, 1966).

В-шестых, авторитарный политический лидер вынужден подавлять в себе человеческие чувства и, как следствие, оказывается субъективно одиноким. Бейбарс, достигнув вершины политической власти, ощущает себя в полной изоляции, не может доверять никому, даже самым близким соратникам, потому что знает: любой из них при случае займёт его место; не может иметь друзей, потому что дружба предполагает равенство, а на высшем уровне политической власти равенства быть не может; не может любить, потому что любовь делает его слабым. Авторитарный политический лидер, достигнув вершины власти, неизбежно оказывается в состоянии глубокой субъективной изоляции и вынужден подавлять в себе человеческие чувства, поскольку любое проявление доверия, дружбы или любви делает его уязвимым перед лицом постоянной угрозы – как извне, так и изнутри собственного окружения. Как подчеркивал Н. Макиавелли, правитель, желающий сохранить власть, не может руководствоваться обычными человеческими добродетелями, а должен обладать «великим искусством притворства»; действительное же «обладание этими качествами (милосердием, человеколюбием, искренностью) вредно для личного блага государей, притворство же и личина обладания ими – чрезвычайно полезны». Н. Макиавелли утверждал, что «государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение верховной власти», а «люди обыкновенно скорее прощают и забывают даже смерть своих родителей, чем потерю состояния», поэтому правитель не может рассчитывать на личную преданность – любой соратник ради выгоды готов его предать. Отсюда Н. Макиавелли делал вывод о полезности держать подданных в страхе, нежели культивировать чувство любви к политическому лидеру, которая «обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности» (Machiavelli, 1869) и делает правителя слабым и зависимым от других, тогда как страх обеспечивает его самостоятельность. Именно поэтому Бейбарс, достигнув вершины, не может иметь друзей: дружба предполагает равенство, а на высшем

уровне политической власти при авторитарном типе политического правления такового быть не может.

В-седьмых, условием эффективного авторитарного правления является умение правителя заимствовать лучшие практики у врагов и адаптировать их к условиям собственного государства, сохраняя баланс между традицией и новаторством. У франков Бейбарс перенимает приёмы осады крепостей, но при этом критически оценивает их культуру, видя в излишней цивилизованности причину их слабости; у монголов он перенимает тактику массированного применения конных лучников, их умение идти прямым путём, не отвлекаясь на сомнения. Способность учиться у врагов проявляется и в его отношении к генуэзцу Джакомо, который привозит в Египет мрамор и интересуется арабской наукой. Бейбарс смотрит на него с высоты своего опыта: «И он понял, что такое гуманус и культура, о которых говорил ему генуэзец Джакомо в кожаных штанах. Это писк суслика, который не услышал он отсюда» (Simashko, 1966).

В-восьмых, действенным средством обеспечения легитимации авторитарной власти является личный пример правителя, его способность разделять с воинами все тяготы и опасности. Бейбарс не требует от других того, чего не делает сам. Он ест ту же пищу, что и его воины, он спит на том же войлоке во время походов, он первым идёт в атаку и последним отступает. Этот личный пример создаёт ту харизму, ту ауру непобедимости, которая заставляет мамелюков идти за ним в огонь и в воду. В бою под Мансурой, когда франки начали лить масло под ноги, он упал, и копьё франка уже было направлено в него, но Турфан бросил камень в голову франка, а Барат отрубил ему голову. Бейбарс получил шрам, но выжил. Эта готовность рисковать жизнью наравне с простыми воинами создаёт тот образ, который делает его лидером. Ещё Ксенофонт Афинский в «Киропедии» прямо предписывал политическому руководителю «быть первым в труде и в перенесении лишений», поскольку подчиненные охотнее следуют за тем, кто сам подает пример (Xenophon, 1976). Много позже в теории легитимности М. Вебера харизматическое господство прямо связывает легитимность вождя с его способностью демонстрировать «внеобыденный личный дар», который признается последователями и обеспечивается «верой в него» (Weber, 1990). Харизматический лидер не может опираться только на традицию или закон, а должен постоянно доказывать свою силу, в том числе через личную храбрость и готовность делить с воинами опасности. Если личный пример правителя, разделяющего тяготы и опасности с подданными, является действенным средством легитимации авторитарной власти, то противоположное поведение – демонстрация роскоши, трусости, нежелание рисковать, пренебрежение к нуждам воинов и народа – ведёт к противоположным результатам. В этом случае власть утрачивает харизматическую основу, легитимность снижается, и правитель сталкивается с ненавистью, презрением, заговорами и иными угрозами.

В-девятых, закономерностью авторитарной политической власти является проблема преемственности и невозможность создать устойчивый механизм ее передачи. Бейбарс создаёт мощную систему, но он не может создать механизм передачи политической власти, который гарантировал бы её сохранение после его смерти. Он убивает всех возможных претендентов, всех, кто слишком долго был рядом, но тем самым он оставляет после себя вакуум власти, он понимает это, но ничего не может изменить – такова природа авторитарной власти, которая держится на личности правителя и разрушается, когда этой личности не становится. «И как жил он, так и умер – чтобы не знали, где его могила. В Дамаске показывают ее, и в Эль-Кахире,

и в других местах» (Simashko, 1966). Тайна его могилы – это тоже попытка сохранить некоторую иллюзию контроля после смерти. Проблема преемственности – имманентная черта авторитарной власти. Держась на личности правителя, на его харизме, на его способности личным примером и силой удерживать подчинённых в повиновении, при отсутствии устойчивых институтов, которые воспринимаются в качестве угроз. Бейбарс убивает всех, кто мог бы занять его место, и тем самым обрекает свою систему на разрушение после его смерти. Как метко указал Н. Макиавелли, «государь, вновь получающий власть, встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках» (Machiavelli, 1869), но после его смерти врагами становятся даже те, кто был ему верен.

В финале повести автор дает морально-нравственную оценку, подводящую итог всему повествованию, которая заключается в том, что память, человечность, связь с прошлым в конечном счёте оказываются сильнее любой власти. Эпилог повести переносит читателя в Красные Пески, в те самые степи, откуда родом Бейбарс. Монголы нападают на маленький род Берш, убивают мужчин, уводят женщин и скот. Среди убитых – отец маленького мальчика. Старики засыпают мёртвых красным песком и жгут горькую траву емшан. «Тихо шли они, и только мальчик на руках у одной старухи все плакал и тянул назад руки: „Ку-у-ке-е!..“ Так слово победило человека» (Simashko, 1966). Этот эпилог придаёт всей истории Бейбарса совершенно иное измерение – его жизнь, его победы, его власть – всё это оказывается вторичным по сравнению с тем простым фактом, что он был когда-то тем самым мальчиком, который плакал над телом отца. Слово «Куке», которое он носил в себе всю жизнь, не осознавая этого, оказалось сильнее всех его деяний. Память о родине не может быть уничтожена никакой властью².

Заключение

Повесть Мориса Симашко «Емшан» представляет собой не только художественное повествование о средневековом Египте, но и глубокое философско-правовое исследование природы авторитарной политической власти. В истории Бейбарса отражены универсальные закономерности политического властвования авторитарного типа, которые сохраняют свою актуальность и в наши дни: власть в своей основе имеет право силы, проистекающее из опыта выживания в экстремальных условиях; эффективная авторитарная власть требует создания замкнутой элиты, полностью зависящей от правителя и лишённой корней в обществе; легитимность такой власти должна постоянно подтверждаться военными победами и внешнеполитическими успехами; авторитарная власть неизбежно требует систематического уничтожения ближайших соратников; для стабильности системы необходимо право как инструмент управления; следствием авторитарной системы является отчуждение правителя и его субъективное одиночество; эффективное правление требует умения учиться у врагов, сохраняя баланс между традицией и новаторством; личный пример авторитарного правителя выступает основой его харизмы; авторитарная власть часто неспособна создать устойчивый механизм преемственности и обречена на кризис после смерти правителя.

Герой повести – Бейбарс – платит за власть высшую цену: он теряет себя, свою человечность, свою память. Но память возвращается к нему в последний момент, и это возвращение оказывается смертельным. Яд власти, которым он отравлял других,

² Брусиловская Е. Звездный путь Мориса Симашко // Казахстанская правда. 2021. 2 апреля. URL: <https://kazpravda.kz/n/zvezdnyy-put-morisa-simashko/> (дата обращения: 12.02.2026).

в конце концов поражает его самого. В этом – глубокий гуманистический смысл повести: никакая власть не стоит того, чтобы платить за неё человеческой душой. Горькая трава емшан, запах которой не может забыть человек, напоминает нам о том, что действительно важно в жизни, – о доме, о семье, о любви, о тех простых вещах, которые никакая власть не может дать и которые никакая власть не может отнять.

References / Список литературы

- Bodin, J. (1606) *The six bookes of a commonweale*. Trans. Knolles, R. London, Impensis G. Bishop.
- Hobbes, T. (1936) *Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*. Moscow, Sotsehgiz Publ. (In Russian).
Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. Москва : Соцэкгиз, 1936. 503 с.
- Machiavelli, N. (1869) *The Prince (Il principe) and discourses on the first three books of Titus Livy*. Trans. Kurochkin, N. Saint-Petersburg, Russian Book Trade Printing House of Tiblen & Co. (Neklyudov). (In Russian).
Макиавелли Н. Государь (Il principe) : и рассуждения на первые три книги Тита Ливия / пер. с итал. под ред. Н. Курочкина. Санкт-Петербург : Издание Русской Книжной Торговли, в типографии Тиблена и Ко. (Неклюдова), 1869. 502 с.
- Mal'ko, A.V. & Panchenko, V.Yu. (2024) Contents of the State: Controversial Issues. *Legal Science*. (1), 42–46. (In Russian). EDN: YNSJHT.
Малько А.В., Панченко В.Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 42–46. EDN: YNSJHT.
- Montesquieu, Ch. (1955) *Selected Works*. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russian).
Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина, примеч. Р.С. Миндлинной. Москва : Госполитиздат, 1955. 800 с.
- Mosca, G. (1994) The Ruling Class. *Sotsis*. (10), 187–198. (In Russian).
Моска Г. «Правящий класс» // Социс. 1994. № 10. С. 187–198.
- Polybius. (1994) *Universal History in 40 books. Vol. 1, Books I–V*. Trans. Mishchenko, F.G. Saint-Petersburg, Nauka, St. Petersburg Branch; Yuventa Publ. (In Russian).
Полибий. Всеобщая история: в 40 книгах. Т. 1, Кн. I–V / пер. с греч., предисл., примеч. Ф. Г. Мищенко, отв. ред. А. Я. Тыжов. Санкт-Петербург : Наука, Санкт-Петербургское отделение : Ювента, 1994. 495 с.
- Simashko, M.D. (1966) Emshan. In: *Tales of the Red Sands*. Alma-Ata, Zhazushy Publ., pp. 5–223. (In Russian).
Симашико М.Д. Емшан // Повести Красных Песков. Алма-Ата : Жазушы, 1966. С. 5–223.
- Vetyutnev, Yu.Yu. (2008) Law and Revolution: The Victory of Form over Content? *Philosophy of Law*. 1 (26), 34–38. (In Russian). EDN: MVYLSX.
Ветютнев Ю.Ю. «Право и революция: победа формы над содержанием?» // Философия права. 2008. № 1 (26). С. 34–38. EDN: MVYLSX.
- Vlasenko, N.A. (2026) *Foundations of the Theory of Deviant State*. Moscow, KNORUS Publ. (In Russian).
Власенко Н.А. Основы теории отклоняющегося государства. М. : КНОРУС, 2026. 128 с.
- Weber, M. (1990) *Selected Works*. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова, предисл. П.П. Гайдено, коммент. А.Ф. Филиппова. Москва : Прогресс, 1990. 804 с.
- Xenophon. (1976) *Cyropaedia*. Moscow, Nauka Publ. (In Russian).
Ксенофонт. Киропедия / изд. подгот. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. Москва : Наука, 1976. 347 с.

Сведения об авторах:

Альбов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Российская Федерация, 117638, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А

ORCID: 0000-0003-1716-0177; SPIN-код: 4604-4050

e-mail: aap62@yandex.ru

Панченко Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Российская Федерация, 117638, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А; профессор, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49; главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1; главный научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

ORCID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-код: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А

SPIN-код: 8762-7552

e-mail: e.puzankova@rgiis.ru

About the authors:

Alexey P. Albov – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Department of Theory, History of State and Law, All-Russian State University of Justice; Bld. 1, 2 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Full Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1716-0177; SPIN-code: 4604-4050

e-mail: aap62@yandex.ru

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Theory, History of State and Law, All-Russian State University of Justice; Bld. 1, 2 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Full Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation; Full Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia; 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation; Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service; Bld. 1, 15a Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation; Chief Researcher, Siberian Federal University; 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-code: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

Elena N. Puzankova – Doctor of Pedagogical Sciences, Full Professor, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation

SPIN-code: 8762-7552

e-mail: e.puzankova@rgiis.ru

ПРАВО И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

LAW AND DIGITAL TECHNOLOGIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-528-547>
EDN: OQZXNW

Научная статья / Research Article

Процессы цифровизации государственного управления: анализ и формирование рекомендаций по повышению эффективности

М.В. Алексеева¹, И.А. Подройкина², С.В. Рыбак¹

¹Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

²Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация
alekseeva80@yandex.ru

Аннотация. В условиях развития цифровых технологий государственное управление претерпевает принципиальные изменения, направленные на повышение оперативности, прозрачности и качества взаимодействия с гражданами. Но реализация концепции цифрового правительства сталкивается с рядом вызовов: устаревшей нормативно-правовой базой, рисками информационной и кибербезопасности, необходимостью защиты персональных данных и устранения цифрового разрыва между разными социальными группами. Поэтому исследование вопросов адаптации правового регулирования и оптимизации процессов цифровизации государственного управления приобретает особую значимость. Цель исследования – на основе комплексного анализа процессов цифровизации государственного управления сформировать практические рекомендации по устранению ключевых барьеров и повышению эффективности межведомственного взаимодействия. Эмпирической базой работы явились научные публикации по заявленной теме, официальные данные и отчеты профильных ведомств. Методологическую основу составили такие методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический, анализ и синтез. Обеспечение стабильной работы цифровых сервисов наряду с открытостью процедур взаимодействия органов власти и граждан представляет собой определяющее условие формирования доверительного отношения общества к государственным электронным платформам. Внедрение эшелонированных контуров защиты персональных сведений, дополненное планомерной работой по наращиванию цифровых компетенций населения, способствует заметному росту помехоустойчивости каналов связи при возникновении кибератак и нештатных технических ситуаций. Построение информационных систем по модульному принципу открывает возможность оперативной перенастройки инфраструктуры под меняющиеся потребности пользовательской аудитории и государственных

© Алексеева М.В., Подройкина И.А., Рыбак С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

структур при сокращении временных затрат и экономии ресурсного обеспечения. Сопряжение инженерно-технических разработок с просветительскими программами закладывает прочный фундамент для поступательной трансформации системы цифрового администрирования в публичном секторе. Комплексный подход, объединяющий технические решения и образовательные инициативы, является необходимым условием для формирования устойчивой и доверенной цифровой среды; многоуровневая система защиты данных в сочетании с программой цифрового обучения пользователей выступает эффективным механизмом обеспечения надежности государственных электронных услуг; модульная архитектура цифровых платформ позволяет достичь высокой гибкости и адаптивности с учетом современных потребностей.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация общества, информационная среда, правовое регулирование, цифровая трансформация, киберугрозы

Вклад авторов: Алексеева М.В. – общая концепция исследования института цифрового государственного управления, обзор и анализ, написание и редактирование текста; Подройкина И.А. – сбор и анализ необходимых материалов, исследование показателей; Рыбак С.В. – анализ перспектив развития исследуемого института, анализ необходимых материалов, редактирование текста, заключение. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 30 сентября 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Алексеева М.В., Подройкина И.А., Рыбак С.В. Процессы цифровизации государственного управления: анализ и формирование рекомендаций по повышению эффективности // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 3. С. 528–547. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-528-547> EDN: OQZXNW

Digitalization of Public Administration: Analysis and Recommendations for Improving Efficiency

Marina V. Alexeeva¹, Inna A. Podroykina², Svetlana V. Rybak¹

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉alekseeva80@yandex.ru

Abstract. In the context of the development of digital technologies, public administration is undergoing fundamental changes aimed at improving efficiency, transparency, and the quality of interaction with citizens. However, the implementation of the digital government concept faces a number of challenges: an outdated regulatory framework, information security and cybersecurity risks, the need to protect personal data, and the necessity of eliminating the digital divide between different social groups. Therefore, the adaptation of legal regulation and the optimization of public administration digitalization processes are of particular importance. The aim of the study is to formulate practical recommendations for eliminating key barriers and improving the efficiency of interdepartmental cooperation, based on a comprehensive analysis of public administration digitalization processes. The empirical basis of the research consists of scientific publications on the stated topic, as well as official data and reports from relevant government agencies. The methodological basis includes comparative legal and formal legal methods, statistical analysis, and the methods of analysis and synthesis. Ensuring the stable operation of digital services, together with the transparency of interaction procedures between public authorities and

citizens, is a determining condition for building public trust in state electronic platforms. The implementation of a multi-layered personal data protection system, complemented by systematic efforts to enhance the digital competencies of the population significantly increases the resilience of communication channels in the event of cyberattacks and unexpected technical failures. Designing information systems according to a modular principle opens up the possibility of promptly reconfiguring the infrastructure to meet the evolving needs of both users and public authorities, while reducing implementation time and conserving resources. The integration of engineering and technical developments with educational programs lays a solid foundation for the progressive transformation of digital public administration. An integrated approach combining technical solutions and educational initiatives is a prerequisite for the formation of a sustainable and trustworthy digital environment; a multi-level data protection system combined with digital user training programs serves as an effective mechanism for ensuring the reliability of digital government services; the modular architecture of digital platforms provides a high degree of flexibility and adaptability in line with contemporary needs.

Keywords: digital technologies, digitalization of society, information environment, legal regulation, digital transformation, cyberthreats

Authors' Contributions: Alekseeva M.V. – development of the overall research concept concerning digital public administration as an institution, literature review and analysis, drafting, and editing; Podroykina I.A. – collection and analysis of relevant materials and examination of indicators; Rybak S.V. – analysis of the prospects for the institution's development, analysis of materials, editing, and formulation of the conclusion. All authors reviewed and approved the final version of the manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: September 30, 2025

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Alexeeva, M.V., Podroykina, I.A., Rybak, S.V. (2026) Digitalization of Public Administration: Analysis and Recommendations for Improving Efficiency. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 528–547. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-528-547> EDN: OQZXNW

Введение

В условиях стремительного технологического прогресса цифровизация государственного управления выступает важнейшим фактором, способствующим модернизации взаимодействия между государственными учреждениями и обществом. Тем не менее, переход к современным цифровым технологиям сопряжен с множеством проблем и сложностей, которые могут препятствовать эффективному внедрению концепции электронного правительства. Государственные структуры нередко сталкиваются с низким уровнем технологической готовности, дефицитом профильных специалистов, неравномерным распределением цифровых инструментов по регионам и острой необходимостью ужесточить меры информационной безопасности. Для сохранения устойчивости и бесперебойного функционирования электронных сервисов все эти вопросы следует решать комплексно и заблаговременно. Процесс цифровой трансформации осложняется необходимостью формирования современной правовой базы, способной гарантировать сохранение и развитие демократических институтов в условиях цифровой среды. Существующие нормативно-правовые акты во многом утратили актуальность и не учитывают новых реалий, поэтому требуют глубокого пересмотра и адаптации к нынешним вызовам. При этом приоритетными задачами становятся защита персональных данных граждан и построение прозрачной системы управления, что невозможно без комплексного

и скоординированного подхода. Цифровизация государственного управления представляет собой не только вызов, но и уникальную возможность для создания более эффективной, прозрачной и доступной системы, адекватно реагирующей на запросы современного общества (Vlasova, 2019). Эффективное преодоление обозначенных проблем может привести к значительному улучшению качества государственных услуг и укреплению доверия граждан к власти, что требует глубокой и многослойной проработки данного вопроса (Katrin, 2022).

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основании комплексного анализа процессов цифровизации государственного управления сформировать практические рекомендации по устранению ключевых барьеров и повышению эффективности межведомственного взаимодействия.

В рамках данной цели выделены следующие **задачи**: анализ текущего состояния цифровизации государственных услуг, идентификация успешных практик и обнаружение существующих недостатков; оценка актуальных нормативных и правовых рамок, касающихся цифровизации государственного управления, с учетом их соответствия современным реалиям; изучение опыта других стран в области цифрового управления и определение адаптируемых практик для России; а также формулирование критериев оценки качества и доступности государственных услуг в цифровом формате и анализ уровня доверия населения к таким услугам.

В рамках настоящего исследования применяется комплексный методологический инструментарий, сочетающий качественные и количественные подходы. К качественным методам отнесены: доктринальный анализ научной литературы по проблематике цифровой трансформации публичной администрации; сравнительно-правовое исследование зарубежных моделей внедрения цифровых технологий в деятельность органов власти с последующей оценкой возможностей их рецепции и адаптации к отечественной правовой системе и социально-экономическим реалиям. Количественная составляющая методологии опирается на приемы обработки эмпирических данных и статистический анализ, что позволяет установить измеримые критерии результативности функционирующих информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления и верифицировать теоретические выводы на эмпирическом материале.

Понятие и особенности цифровизации государственного управления

Рациональное внедрение цифровых инструментов в механизм публичного администрирования представляет собой стратегический ориентир, реализация которого способна нивелировать целый комплекс проблем, традиционно детерминруемых «человеческим фактором». Достижение данной цели открывает качественно новый уровень коммуникации между институтами государственной власти и гражданским обществом, обеспечивая повышение оперативности предоставления публичных услуг, укрепление принципов транспарентности административной деятельности и усиление подотчетности властных субъектов перед населением. Вместе с тем следует подчеркнуть, что результативность указанных преобразований достигается исключительно при условии целостного и системного проведения соответствующей государственной политики, учитывающей весь спектр актуальных вызовов, а также правовые, социокультурные и экономические особенности конкретной юрисдикции либо отдельного территориального образования. В научной литературе по исследуемой теме подчеркиваются различия между терминами «регулирование» и «управление», акцентируя внимание на важности аспекта, связанного

с «жесткостью» или «мягкостью» тех управленческих воздействий, которые осуществляются на государственную систему. Управление чаще всего связывается с использованием административно-командных методов, в то время как регулирование отличается более гибкими и опосредованными способами воздействия, основанными преимущественно на применении мотивационных механизмов (Khramov & Zakharov, 2018; Chiara, 2024).

Внедрение цифровых технологий в систему государственного управления играет ключевую роль в развитии национальной экономической структуры России. Предполагается, что совершенствование управления процессами цифровой трансформации приведет к модернизации технологических операций, повышению эффективности управленческой деятельности и улучшению организации работы в различных отраслях. Как отмечают исследователи, с позицией которых мы согласны, все это в конечном итоге окажет положительное влияние на качество жизни граждан страны (Dmitriev, 2002; Zernikov, 2011).

Как считают Т.А. Герасимова и Н.В. Москвитина, цифровизация – это «процесс, в который вовлечены внедрение и эксплуатация инновационных технологий, а также принципы цифровой экономики в рамках социально-экономической сферы общества. Этот процесс характеризуется полной автоматизацией, роботизацией и применением искусственного интеллекта». Они рассматривают его как «создание и использование современных систем, инструментов и технологий» (Gerasimova & Moskvitina, 2019).

Л.Н. Данилова выделяет два основных подхода к восприятию понятия «цифровизация» в российской науке: 1) узкий подход – это процесс перевода информации в цифровой формат; 2) широкий – охватывает системное и стратегическое внедрение цифровых технологий в повседневные сферы жизнедеятельности общества. Вместе с тем в зарубежной научной традиции встречается принципиально иная трактовка рассматриваемого понятия: под «цифровизацией» понимается вся совокупность социальных сдвигов и качественных изменений, обусловленных широким и интенсивным проникновением цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности (Danilova et al., 2020).

Наряду с уже обозначенными факторами особого внимания заслуживает вопрос об участии самих граждан в процессах цифрового преобразования государственного управления. Устойчивый переход к цифровой модели администрирования предполагает становление такого общества, для которого характерны развитая цифровая грамотность и деятельная гражданская позиция. Рассматриваемая проблематика не ограничивается сугубо утилитарным аспектом – обладанием базовыми навыками взаимодействия с современными информационно-телекоммуникационными системами и осознанием тех преимуществ, которые обеспечивает их практическое применение. Не менее принципиальное значение приобретает вовлеченность населения непосредственно в процессы проектирования, апробации и последующей имплементации новых цифровых сервисов в повседневную правоприменительную и административную практику. Плановая просветительская деятельность, равно как и последовательное информирование граждан относительно стадий протекающей цифровой трансформации, объективно снижают вероятность формирования устойчивых социальных фобий и недоверия, а также создают предпосылки для более лояльного восприятия предлагаемых инноваций со стороны конечных пользователей.

В свою очередь, прозрачность и открытость сведений об использовании цифрового инструментария в рамках публично-управленческой деятельности выступают

фундаментальной предпосылкой укрепления доверительных отношений, складывающихся между органами публичной власти и гражданским обществом. Систематическое доведение до сведения населения информации о ключевых вехах цифровой трансформации, сопровождаемое наглядной демонстрацией конкретных прикладных результатов, позволяет эффективно противодействовать распространению предубеждений, домыслов и скептических стереотипов, традиционно сопутствующих внедрению любых технологически новаторских решений в сферу государственного управления. Одним из наиболее распространенных заблуждений выступает тезис о способности цифровизации полностью исключить человеческий фактор из системы государственного управления. Эмпирические наблюдения свидетельствуют об обратном: автоматизация охватывает преимущественно рутинные операции обработки данных, тогда как выработка стратегических решений, верификация качества и реагирование на нестандартные ситуации по-прежнему требуют непосредственного участия должностного лица. Показательным примером служит внедрение электронного документооборота в Федеральной налоговой службе Российской Федерации: сроки обработки налоговых деклараций сократились многократно, однако потребность в ручном аудите сложных кейсов сохранилась в полном объеме¹. Преодоление подобных затруднений предполагает систематическое обнародование аналитических материалов, раскрывающих соотношение автоматизированных операций и процедур, выполняемых вручную, равно как и планомерное обучение служащих государственного аппарата навыкам работы в гибридных средах, где алгоритмические механизмы сочетаются с экспертной оценкой.

Самостоятельным условием поступательного развития электронного государственного управления следует признать приведение существующей законодательной базы в соответствие с реалиями цифрового времени. Формирование пластичного нормативно-правового каркаса, способного своевременно откликаться на появление труднопрогнозируемых технологических новшеств, служит гарантией сохранности конфиденциальных сведений и упорядочивания функционирования сетевых платформ. Периодическая ревизия и обновление соответствующих юридических установлений обеспечивают их работоспособность и релевантность вызовам сегодняшнего дня.

Объединение разобщенных государственных информационных систем и платформ ведет к формированию целостной цифровой экосистемы, в пределах которой достигается свободная циркуляция данных и исключаются повторяющиеся операции. Создание унифицированной точки входа для получения государственных услуг упрощает коммуникацию граждан с органами публичной власти, существенно ослабляет бюрократические препятствия и повышает удовлетворенность пользователей от взаимодействия с государством.

Цифровая трансформация публичного администрирования должна рассматриваться не как сугубо технологическое мероприятие, а как стратегическое движение в направлении построения открытой, демократичной и подотчетной управленческой модели, служащей фундаментом устойчивого общественного развития. Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества, процесс встраивания цифровых технологий в государственное управление сопряжен с рядом препятствий, которые особенно заметно проявляются на постсоветском пространстве. В обстановке, когда уровень общественного доверия к государственным институтам порой оказывается

¹ Отчет ФНС России «Итоги цифровизации налоговых процессов». 2022. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 05.09.2025).

невысоким, при реорганизации сферы цифрового управления необходимо принимать во внимание и этическую составляющую. Еще Аристотель подчеркивал, что результативное управление невозможно без соблюдения принципов этики и ответственности лицами, облеченными властью (Vlasenko, 2021). Следовательно, в современных обстоятельствах ключевая задача состоит не только в облегчении доступа населения к государственным сервисам, но и в формировании обстановки взаимного доверия, уважения и активного участия граждан в управленческих процессах, что созвучно аристотелевской концепции общего блага.

Вопреки широкому спектру возможностей, открывающихся благодаря цифровому переустройству государственного управления и развертыванию электронных управленческих механизмов, практическая сторона этого процесса сопряжена с существенным числом затруднений. К числу наиболее острых относится недостаточный уровень технической оснащенности отдельных органов публичной власти, что сдерживает их интеграцию в современные цифровые инфраструктуры и ограничивает действенность применяемых передовых инструментов. Помимо этого, ощущается нехватка специалистов, обладающих профильными знаниями в области цифровых преобразований, что диктует необходимость построения целостной политики подготовки и переобучения кадрового состава. Отдельного рассмотрения требует феномен цифрового разрыва, который проявляется в неравномерности доступа граждан к электронным сервисам в зависимости от территории проживания, что, в свою очередь, увеличивает вероятность углубления социальной дифференциации. Дополнительное испытание связано с необходимостью поддерживать надлежащий уровень кибербезопасности, адекватный современным угрозам в условиях интенсивной цифровизации. Перечисленные обстоятельства свидетельствуют о потребности в системном подходе к осуществлению цифровых реформ, предусматривающем гармоничное совершенствование инфраструктуры, формирование профессионального резерва и внедрение действенных инструментов охраны информационных ресурсов.

В силу указанных причин приобретает первостепенное значение обеспечение надежности и защищенности цифровизации управленческих процессов, позволяющее сводить к минимуму риски в наиболее чувствительных областях. Опорным элементом соответствующей стратегии выступает проектирование и практическое применение устойчивых протоколов охраны информационных массивов, поскольку кибербезопасность составляет необходимое условие полноценной и правомерной работы цифровой инфраструктуры. Современные электронные платформы концентрируют значительные объемы сведений ограниченного доступа, в том числе персональные данные граждан, что приобретает особую значимость на фоне участвовавших случаев неправомерного проникновения в информационные системы, обусловленных как внешними целенаправленными атаками, так и недобросовестными действиями сотрудников учреждений.

Хотя цифровизация способствует расширению прозрачности управленческих процедур, в числе приоритетов сохраняется задача повышения цифровой компетентности населения. Это необходимо для укрепления пользовательского доверия к решениям, базирующимся на новейших технологических подходах, включая системы, использующие искусственный интеллект. Показательным примером удачного выстраивания доверительных отношений с гражданами служит портал «Госуслуги», тогда как внутренние информационные ресурсы государственных органов по-прежнему сталкиваются с трудностями, подрывающими это доверие.

Особого подхода заслуживает планомерный сбор и последующая обработка статистических сведений по всей территории страны, в том числе в отдаленных и

труднодоступных субъектах. Решение этой задачи сопряжено с преодолением сохраняющихся диспропорций, обусловленных неравномерностью технического обеспечения и нехваткой квалифицированного персонала. Параллельно на первый план выдвигаются вопросы легализации и нормативного упорядочивания применения искусственного интеллекта, поскольку его интеграция в деятельность государственных структур должна опираться на отчетливо сформулированный правовой каркас. Подобная юридическая основа призвана стать опорой для безопасного, этически выверенного и ответственного задействования соответствующих технологий в административной и социальной плоскостях (Ponkin & Redkina, 2018).

В реалиях цифрового переустройства современного государственного управления раздробленность информационной инфраструктуры и отсутствие консолидирующей платформы становятся существенным сдерживающим фактором, препятствующим обмену данными между ведомствами и службами. Для обеспечения сбалансированного и поступательного развития системы требуется инициировать построение интегрированной электронной информационной среды, объединяющей функциональные блоки всех органов власти и гарантирующей согласованное взаимодействие на долгосрочную перспективу. Фрагментарность информационной инфраструктуры публичного управления обнаруживает себя в ряде взаимосвязанных измерений. Во-первых, проявляется несовместимость форматов представления сведений: различные ведомства придерживаются разнородных стандартов хранения (в частности, XML в противоположность JSON), что порождает необходимость дополнительных преобразований при межведомственном обмене. Во-вторых, сохраняет актуальность проблема несведенных баз данных: отсутствие единого реестра оборачивается повторением сведений – например, информация о налогоплательщиках одновременно аккумулируется в массивах ФНС, ПФР и ФСС. В-третьих, ощутимы технологические ограничения: морально устаревшие программно-аппаратные комплексы не поддерживают API-интерфейсы, обеспечивающие обмен данными в режиме реального времени. В-четвертых, существенную роль играют правовые препятствия: внутриведомственные регламенты требуют письменной процедуры согласования передачи сведений, что удлинняет управленческие циклы. Приведенные аспекты подтверждаются результатами исследования РАНХиГС «Проблемы интеграции информационных систем в госсекторе»².

Помимо перечисленных вызовов, заметное место занимает отслеживание общественных настроений и восприятия технологических нововведений. В качестве иллюстрации уместно привести повсеместное внедрение QR-кодов в период пандемии, которое породило опасения по поводу усиления государственного контроля. Оперативное и достоверное разъяснение гражданам целей, порядка функционирования и правовых оснований применения подобных средств позволяет ослабить недоверие и снизить социальное сопротивление.

Проблематика цифрового преобразования публичного управления обладает многоплановым характером и предполагает выработку решений, объединяющих этические ориентиры с инструментами правового регулирования (Yakovleva-Chernyshova & Druzhinina, 2021).

Несмотря на значительный потенциал цифровых нововведений в части повышения эффективности функционирования государственного аппарата, принципиально важным остается всесторонний анализ сопряженных с ними рисков, равно как

² «Проблемы интеграции информационных систем в госсекторе». 2023. URL: <https://ranepa.ru> (дата обращения: 05.09.2025).

и выработка механизмов, обеспечивающих информационную безопасность, транспарентность и подотчетность управленческой деятельности. Реализация подобного комплекса мер способствует укреплению доверительного отношения граждан к институтам публичной власти и повышению качественных характеристик предоставляемых государственных услуг. Одновременно существенным фактором, предопределяющим результативность цифровых преобразований, выступает надлежащая кадровая подготовка: полномасштабное введение в эксплуатацию новых информационных систем объективно предполагает наличие высокого профессионального уровня у лиц, обеспечивающих их функционирование. В качестве перспективного направления следует рассматривать формирование системы непрерывного образования и сертификационной аттестации специалистов в сфере цифровых технологий, что служит дополнительной гарантией устойчивости достигаемых результатов на долгосрочную перспективу.

В указанном контексте стратегическую значимость приобретает проектирование и апробация профильных образовательных программ, а также курсов дополнительного профессионального образования, ориентированных непосредственно на государственных гражданских служащих. Образовательные инициативы подобного рода призваны не только обеспечить приращение профессиональных компетенций, но и сформировать устойчивый институциональный фундамент цифровой трансформации, позволяющий гарантировать надежное организационно-методическое сопровождение процессов освоения и последующей эксплуатации инновационных технологических решений.

Представляется необходимым также принимать во внимание накопленный зарубежный опыт интеграции цифровых технологий в систему публичного администрирования. Зарубежные практики в области цифровизации представлены в работах отдельных зарубежных исследователей (Pisani, 2024; Meng, 2024). Ряд государств уже продемонстрировал заметные достижения в данной сфере, вследствие чего критическое осмысление их правоприменительной и организационной практики способно оказаться востребованным при разработке отечественных инициатив (Li & Shang, 2020). Асинхронность процессов цифровой трансформации государственного управления в различных юрисдикциях представляет собой самостоятельный аспект, требующий учета при исследовании актуальных тенденций глобальной цифровизации.

В зависимости от степени готовности государств к освоению цифровых инноваций и их способности к адаптации в условиях структурных преобразований принято выделять три категории стран, причем каждая из них оказывает собственное влияние на динамику развития мировой цифровой экономики. В первую группу входят наиболее продвинутые страны с высоким технологическим потенциалом и ресурсами для цифровых прорывов: США, Германия, Франция, Австрия, Япония и ряд азиатских государств. Ко второй относят компактные европейские государства, демонстрирующие передовые результаты цифровизации и внедрения инноваций: Бельгия, Дания, Эстония, Финляндия, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Швеция.

Указанные страны характеризуются активной политикой по цифровой модернизации своих экономических систем, что позволяет им уверенно двигаться в направлении сокращения технологического отставания от ведущих мировых лидеров цифровизации. Особый акцент делается на формировании благоприятной среды для имплементации передовых технологических решений, что, в свою очередь,

содействует усилению конкурентных позиций соответствующих государств на международных рынках и создает предпосылки для устойчивого экономического роста в реалиях современного цифрового уклада. К третьей категории относятся государства, располагающие емкими внутренними рынками, которые служат основным локомотивом их хозяйственного развития. В числе таких стран принято называть Бразилию, Австралию, Канаду и Индию. При том, что показатели цифровизации в указанных юрисдикциях находятся на достаточно высоком уровне, они все же отстают от признанных мировых лидеров по данному направлению (Avdeeva et al., 2022). Выделение обозначенных групп государств открывает возможность для содержательного исследования закономерностей цифровой трансформации, а также служит методологической основой для выработки стратегий, направленных на повышение результативности систем публичного управления. При этом подобные стратегии должны формироваться с учетом специфики национальных цифровых экосистем и предусматривать адаптацию управленческого инструментария применительно к особенностям каждой из выделенных категорий стран. Необходимо учитывать и критическую роль кибербезопасности в условиях нарастания угроз: ежегодное увеличение числа кибератак обуславливает приоритетное создание надежной инфраструктуры для всех цифровых инициатив. Формирование интегрированной системы противодействия киберугрозам в сочетании с регулярным профессиональным обучением персонала базовым и продвинутому аспектам информационной безопасности позволит надежно защитить персональные данные граждан и существенно снизить вероятность утечки конфиденциальной информации. Неслучайно о значимости обеспечения защиты персональных данных в эпоху развития Интернета и проникновения его во все сферы жизни пишет в своих работах ряд исследователей (Minbaleev & Filonenkova, 2020; Razuvaev, 2021). Такой комплексный подход создает прочную основу для адаптивного реагирования на новые риски и обеспечивает непрерывное совершенствование механизмов защиты.

Складывающаяся цифровая действительность со всей очевидностью свидетельствует о том, что надлежащим образом организованное публичное управление в совокупности со сбалансированной системой нормативно-регуляторного воздействия образует то необходимое условие, вне которого внедрение инновационных технологических решений утрачивает свою результативность. Сопоставительный анализ отечественной практики и зарубежных правовых порядков позволяет сформулировать следующий вывод: согласование стратегических векторов цифровой трансформации с общей архитектурой государственной политики приобретает значение системообразующего фактора, определяющего устойчивость широкомасштабных преобразований в цифровой сфере. Результатом подобной согласованности выступает формирование интегративной управленческой модели, в рамках которой технико-технологические, организационно-правовые и ресурсно-обеспечительные элементы образуют единый функциональный комплекс, способствующий более рациональному распределению и целенаправленному использованию имеющегося потенциала.

Что касается перспективных направлений трансформации государственного управления в условиях интенсификации информационных процессов, то они обнаруживают новые векторы модернизации действующего политико-управленческого инструментария, ориентированные на повышение адаптивности и функциональной отдачи государственного сервиса, осуществляемого в цифровой среде. Переосмысление традиционных управленческих подходов и их приспособление к новым реалиям способны сформировать надежный фундамент для последовательного

цифрового развития, что, в свою очередь, окажет благоприятное воздействие на согласованность и продуктивность функционирования всех секторов национальной экономики. В этой связи указанная проблематика приобретает самостоятельное значение и подлежит обязательному учету при изучении современных тенденций глобальной цифровизации (Svistunov & Svistunova, 2023).

В зависимости от уровня подготовленности государств к восприятию цифровых новаций, а равно от их способности адаптироваться к сопутствующим структурным преобразованиям, в научной литературе принято дифференцировать три группы государств, каждая из которых по-своему воздействует на общую траекторию развития мировой цифровой экономики. Сегодня предложено более 40 инициатив, нацеленных на оптимизацию госуправления посредством цифровых технологий. Точность функционирования, своевременное выявление рисков и их оперативное нейтрализование обеспечиваются за счет интегрированной системы мониторинга, позволяющей в реальном времени контролировать все ключевые процессы. К числу приоритетных проектов относятся создание единой биометрической платформы и внедрение мобильной электронной подписи, а также развертывание платформ на базе искусственного интеллекта и антифрод-технологий. Для каждого направления Правительством Российской Федерации установлены четкие целевые показатели и строгие сроки их достижения. В частности, по программе единой биометрической платформы к 2025 г. планируется существенно расширить ассортимент доступных услуг, что позволит охватить более широкий круг пользователей и сократить вдвое время регистрации биометрических данных в финансовых организациях. Внедрение искусственного интеллекта должно обеспечить в 2025 году доступность органов власти к не менее трем ИИ-решениям. Перечисленные мероприятия направлены в том числе на синхронизацию работ, связанных с реализацией проекта «Цифровая экономика».

Внедрение цифровых технологий уже дает серьезные результаты. Так, 2024 г. был отмечен рекордным уровнем исполнительской дисциплины при подготовке нормативных правовых актов – 99 % законопроектов были своевременно поданы в Государственную Думу (в то время как, например, в 2022 г. этот показатель составлял всего 84 %). Это позволяет законодательным инициативам вступать в силу сразу после одобрения, что сокращает задержки, связанные с ожиданием разработки и утверждения соответствующих актов³. Система мониторинга позволяет отслеживать сроки подготовки документов, а также оперативно устранять задержки, что повышает эффективность законотворчества и снижает риски несогласованности, как в принимаемых актах, так и в правоприменении.

В 2025 г. Председателем Правительства М. Мишустиним был официально утвержден консолидированный стратегический документ, нацеленный на реализацию национальных показателей развития к 2030 г. с пролонгацией ключевых мероприятий до 2036 г. В числе ключевых целей обозначена «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы». Достижение к 2030 г. уровня «цифровой зрелости» в государственных и муниципальных структурах, а также в ключевых отраслях экономики и социальной сферы, предполагает автоматизацию значительной части транзакций через единые цифровые платформы (Vasilieva & Slavin, 2024). Достижение поставленной задачи обу-

³ Digital Russia. Цифровая Россия – все об ИТ в государстве. URL: <https://d-russia.ru/pravitelstvo-soobshhilo-o-novom-rekorde-skorosti-podgotovki-zakonoproektov.html?ysclid=m984vh4s2387126108> (дата обращения: 15.09.2025).

словливает интенсивную интеграцию методов анализа масштабных данных, алгоритмических механизмов машинного обучения и интеллектуальных систем, функционирующих на основе искусственного интеллекта.

Таким образом, проект «Цифровое государственное управление» предполагает не только перевод государственных услуг в онлайн-формат, но и создание единой цифровой платформы, что должно значительно сократить время предоставления услуг, привести к качественным преобразованиям в области взаимодействия между гражданами и государством, повысить эффективность работы госорганов.

Цели трансформации госуправления в условиях цифровизации – свободное, устойчивое, безопасное информационное взаимодействие между органами госвласти, гражданами, бизнесом, а также достижение технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры РФ. В период до 2030 г. запланировано осуществление ряда комплексных инициатив, ключевой из которых является платформа «Госуслуги онлайн». В рамках этого проекта предполагается расширить ассортимент доступных электронных сервисов с 60 в 2024 г. до 100 к 2030 г.; при этом первостепенная задача заключается не только в количественном наращивании функционала, но и в принципиальной трансформации взаимодействия с пользователями. Оказание услуг в режиме реального времени позволит полностью отказаться от бумажных документов при обслуживании граждан и бизнеса и устранил необходимость их личного присутствия, что существенно повысит оперативность и эффективность государственных сервисов. Проект «Типовое облачное решение системы электронного документооборота» к 2030 г. ставит своей задачей перевод органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных учреждений на электронный документооборот, с включением их в состав участников единого информационного пространства взаимодействия.

Проект «Типовое автоматизированное рабочее место государственного служащего» нацелен на комплексную интеграцию отечественных программных решений, обеспечивающих устойчивое, защищенное и высокоскоростное взаимодействие между сотрудниками органов власти. В составе единой платформы предусмотрены средства для обмена мгновенными сообщениями и электронной почты, ведение корпоративной адресной книги, организация аудио- и видеоконференций, планирование мероприятий в электронном календаре, а также централизованное файловое хранилища с функционалом коллективного редактирования документов. Задача состоит в том, чтобы к 2030 г. все государственные служащие перешли на указанный комплект инструментов, что позволит полностью отказаться от бумажных носителей и личного присутствия при оказании услуг, значительно повысив оперативность и уровень информационной безопасности.

В качестве приоритетного направления развития определено масштабирование платформы «ГосТех» с одновременным созданием доверенных решений на основе методов искусственного интеллекта для поддержки процессов принятия решений и автоматизации анализа крупных массивов данных. Согласно утвержденным планам, доля государственных информационных систем, разработанных и эксплуатируемых на базе «ГосТех», должна вырасти до 20 % к 2026 г., достичь 40 % к 2028 г. и полностью охватить все информационные ресурсы органов власти к 2030 г., что обеспечит унификацию ИТ-инфраструктуры и повысит ее киберустойчивость⁴.

⁴ Искусственный интеллект в «ГосТехе». Как AI-технологии улучшают качество жизни россиян. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2024/08/26/19638595.shtml?ysclid=m984ydcbl67500535> (дата обращения: 05.09.2025).

Правовое регулирование цифровой трансформации государственного управления

Современные цифровые технологии предоставляют возможность значительно ускорить работу государственных учреждений, улучшить обмен данными между структурами и сделать предоставление административных услуг для граждан более доступным и оперативным. Вместе с тем внедрение инновационных решений неминуемо требует их соответствия существующему законодательству, что обозначает важность их своевременной адаптации и интеграции в правовую систему. В российской правовой системе, касающейся цифровизации и связанных с ней правоотношений, наблюдаются высокая степень динамичности и разнообразие подходов в разработке нормативной базы.

Интенсивное формирование системы правового регулирования способствует появлению все более дифференцированных норм, которые охватывают различные уровни законодательства: федеральный, региональный и отраслевой. Муниципальный уровень в этом контексте также играет свою роль, однако в сфере регулирования цифровой трансформации государственного управления данный сегмент пока еще остается недостаточно проработанным. В настоящее время основные законодательные акты, регулирующие процесс цифровизации и ее интеграцию в сферу управления, сконцентрированы преимущественно на федеральном уровне. Это создает общую базу для развития цифровых технологий, хотя дальнейшее распределение норм и полномочий по уровням требует более активного развития и конкретизации в зависимости от специфики регионов и отраслей. Например, в рамках проекта «Цифровое государственное управление», который является частью национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», осуществляется внедрение информационных технологий в государственные процессы. Этот проект был инициирован для реализации Стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 гг., утвержденной указом Президента Российской Федерации № 203 от 9 мая 2017 г.⁵ Одной из ключевых целей данного проекта является интеграция цифровых технологий и платформенных решений в области государственного управления и общественных услуг, что подчеркивает стратегический характер данной задачи для нормотворческой деятельности.

Правовое регулирование данного направления в Российской Федерации осуществляется с опорой на ряд нормативно-правовых актов. К ним относятся Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Уголовный кодекс РФ⁶, федеральные законы об электронной подписи, связи и безопасности. Указанные документы формируют основу для правового регулирования и контроля процессов цифровизации в системе государственного управления.

Обеспечение надежной защиты персональных данных является неотъемлемым звеном процесса цифровизации государственного управления. Федеральный закон

⁵ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/?ysclid=mfnlpgopu0101367272> (дата обращения 14.09.2025).

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, т. 2954.

«О защите персональных данных»⁷ устанавливает правовые механизмы контроля за сбором, хранением и обработкой информации как в частном, так и в государственном секторах. Хотя в закон регулярно вносятся изменения, принятые меры ответственности за его нарушение не отражают полноту рисков и серьезность последствий, с которыми сталкиваются субъекты данных в случае их утечки. Законом от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ⁸ были внесены поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), который теперь включает новые нормы. В обновленной редакции статьи 13.11 КоАП РФ увеличены размеры штрафов для физических, должностных и юридических лиц за нарушения, указанные в частях 1 и 1.1 данной статьи. Кроме того, к статье 13.11 добавлены части 10–18, касающиеся неисполнения или задержки в исполнении оператором своих обязательств по уведомлению уполномоченного органа о намерении обрабатывать персональные данные, что предусмотрено законодательством РФ в этой области. Это также относится к случаям, когда имеет место неправомерная или случайная передача (предоставление, распространение, доступ) персональных данных, что ведет к нарушению прав субъектов этих данных. Данные изменения начнут действовать с 30 мая 2025 г.

Правительственным распоряжением была утверждена Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, рассчитанная на реализацию до 2025 г. и направленная на внедрение современных информационно-коммуникационных технологий, оптимизацию организационных процессов и обеспечение комплексного, удобного доступа к социальным услугам⁹. Реализация национальной программы цифровой экономики и сопутствующих федеральных проектов демонстрирует высокие результаты, свидетельствуя о положительных изменениях в данной сфере. Вместе с тем для обеспечения последовательной системной модернизации недостаточно одного лишь совершенствования действующих нормативных актов — требуется формирование адаптивной правовой среды, способной своевременно реагировать на вызовы, порождаемые процессами цифровизации.

Принципиальное значение в этом контексте приобретает последовательная реализация стратегии развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 г.¹⁰ Вопросы правовой регламентации применения ИИ в сфере публичного администрирования выходят на передний план научной и законодательской дискуссии, вызывая устойчивый интерес со стороны исследователей и субъектов нормотворчества. Ключевыми направлениями правового регулирования в данной области выступают: обеспечение охраны сведений конфиденциального характера и персональных данных граждан; формирование гарантий прозрачности и верифицируемости решений, вырабатываемых посредством интеллектуальных алгоритмов; а также разрешение

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: <https://base.garant.ru/12148567/?ysclid=mfnlt0mcej216668640> (дата обращения: 15.09.2025).

⁸ Федеральный закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411300011?ysclid=m988dfogi9496585986> (дата обращения: 12.09.2025).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400288029/?ysclid=m988f5y7sr597869093> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁰ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72838946/?ysclid=mfnlxbnszh552459486> (дата обращения: 17.09.2025).

комплекса юридических и этических проблем, сопряженных с их практическим использованием.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что цифровизация государственного управления открывает существенные перспективы для повышения эффективности публичной власти, однако сопряжена с рядом проблем, препятствующих раскрытию ее потенциала в полном объеме. Первостепенное значение для успешной реализации концепции электронного правительства имеет преодоление таких системных недостатков, как недостаточная техническая оснащенность отдельных органов государственной власти, дефицит кадров, обладающих необходимыми цифровыми компетенциями, а также диспропорции в доступе различных категорий населения к цифровым ресурсам. Не менее важным условием представляется поддержание надлежащего уровня кибербезопасности, выступающего гарантией защиты сведений ограниченного доступа и сохранения доверия граждан к внедряемым технологическим решениям, что особенно актуально в условиях участвовавших инцидентов, связанных с утечками данных.

В целях оптимизации рассматриваемого института в условиях цифровой трансформации представляется обоснованным предложить ряд авторских подходов, ориентированных на интенсификацию технологического внедрения и повышение качества предоставления государственных услуг. В первую очередь, целесообразно сконцентрировать усилия на разработке многоуровневой образовательной программы для государственных служащих, которая охватывала бы не только формирование технических навыков, но и вопросы управления организационными изменениями, а также специфику коммуникации с получателями услуг. Внедрение принципов методологии Agile¹¹ в процессы цифровизации государственных сервисов обеспечит возможность оперативной адаптации к изменяющимся потребностям граждан и последовательного повышения качества оказываемых услуг посредством механизмов итеративной обратной связи.

Для эффективного преодоления проблемы неравномерного доступа к цифровым ресурсам стоит рассмотреть возможность создания мобильных офисов, которые будут осуществлять выездное обслуживание в удаленные регионы, тем самым обеспечивая доступ к государственным услугам и обучению по использованию цифровых платформ. Мобильные устройства обеспечивают сбор и обработку широкого спектра аналитических данных, а также регистрацию отзывов и предложений граждан, что позволяет более точно выявлять потребности локальных сообществ. Существенным направлением совершенствования государственных механизмов выступает формирование модели интеллектуального управления, опирающейся

---

¹¹ Под Agile (от англ. agile – гибкий) понимается методологический подход к управлению проектами, выстроенный на принципах итеративной разработки, адаптивности планирования, а также плотной коммуникации проектной команды с заказчиком и конечным пользователем. Применительно к сфере публичного управления Agile предполагает поэтапное развертывание цифровых решений с оперативной корректировкой функционала по мере поступления обратной связи от пользователей. Показательной иллюстрацией служит практика разработки федерального портала государственных услуг, при которой обновления выпускаются последовательными модульными релизами, проходящими апробацию на репрезентативных группах пользователей до полномасштабного тиражирования (Highsmith, 2004:45–48).

на применение передовых технологических решений, прежде всего – распределенных реестров, обеспечивающих рост транспарентности и повышение надежности информационных массивов. Обращение к блокчейн-инструментарии на этапе подготовки и принятия управленческих решений способно выступить действенным средством минимизации коррупциогенных факторов и консолидации доверия общества к институтам публичной власти. Помимо этого зарубежная практика функционирования децентрализованных систем может рассматриваться в качестве методологического и прикладного ориентира при конструировании отечественных проектов соответствующего профиля – при обязательном учете национальной правовой системы и особенностей действующего законодательного регулирования. Наряду с этим расширенное задействование цифровых платформ обратной связи и агрегирования инициатив граждан позволит усилить вовлеченность населения в процессы цифровой трансформации, открывая прямой канал артикуляции общественных потребностей и ожиданий.

Существенную роль играет также объединение обособленных государственных информационных систем в рамках единой архитектурной модели с последующим формированием универсальной цифровой платформы, способной обеспечить содержательную согласованность и беспрепятственную циркуляцию сведений между различными органами исполнительной власти. Реализация данного подхода напрямую сопряжена с сокращением административно-бюрократических барьеров и с заметным облегчением порядка получения гражданами государственных и муниципальных услуг.

Вместе с тем при практической апробации охарактеризованных моделей публичного управления в условиях цифровой трансформации первостепенное значение приобретает именно правовой аспект рассматриваемой проблематики, так как эффективная имплементация технологических решений в сферу деятельности органов власти с неизбежностью обуславливает необходимость модификации как законодательного массива, так и подзаконного нормативного регулирования. Системно выстроенная, логически завершенная и внутренне непротиворечивая нормативно-правовая база выступает в качестве ключевого условия, определяющего результативность встраивания цифровых платформенных решений в механизм государственного управления. Ясность и однозначность правовых предписаний не только снижают вероятность возникновения юридических коллизий, но и укрепляют доверие граждан к электронным сервисам государства. В отсутствие такой базы процесс цифровизации сопровождается множественными правовыми затруднениями, осложняющими как техническую реализацию проектов, так и их последующее функционирование.

К числу системных проблем относится разрыв между традиционной правовой догматикой и запросами цифровой экономики. Действующие нормативные акты нередко оставляют за рамками регулирования специфику обращения с крупными массивами электронных данных, криптографическими механизмами защиты и распределенными реестрами, что порождает правовые лакуны и расхождения в правоприменительной интерпретации. Устранение данных ограничений требует проведения последовательной реформы нормативного массива, ориентированной на актуальные цифровые тенденции и охватывающей вопросы информационной безопасности, правового режима электронных документов, а также ответственности операторов информационных систем.

Еще одним существенным препятствием выступает дефицит координации между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти в ходе разработки и применения цифровых стандартов. Рассогласование правовых подходов на различных уровнях публичного управления провоцирует дублирование административных процедур, сдерживает единообразие технологического внедрения и влечет за собой непроизводительные потери времени и ресурсов. Гармонизация законодательных инициатив и выработка унифицированных стандартов межведомственного взаимодействия способны заметно ускорить цифровую трансформацию, одновременно усиливая институциональную устойчивость государственной системы.

Зарубежная практика демонстрирует значительное многообразие подходов к формированию адаптивной правовой среды для цифровых сервисов. Исследование законодательных моделей государств, достигших ощутимых успехов в области электронного управления, позволяет выделить ряд ключевых инструментов: гибкие процедуры пересмотра нормативных актов, применение регуляторных «песочниц», допускающих тестирование новых технологий в контролируемых условиях, а также ориентацию на международные стандарты информационной безопасности. Имплементация указанных приемов с учетом отечественных реалий способна содействовать построению более совершенной нормативно-правовой конструкции. Показательным примером результативного использования режима регуляторной «песочницы» является опыт Сингапура. В 2016 году Валютно-финансовое управление Сингапура (Monetary Authority of Singapore, MAS) ввело в действие экспериментальный правовой режим для финтех-стартапов, предоставляющий возможность апробации инновационных разработок (в том числе блокчейн-платформ, имеющих прикладное значение для сферы публичного управления) вне рамок общих регуляторных требований. Накопленные результаты подтверждают его эффективность: сроки вывода пилотных проектов сократились с одного-двух лет до шести месяцев, степень риска снизилась благодаря контролируемому характеру тестирования, а нормативные положения впоследствии корректировались на основе эмпирически верифицированных данных¹². В качестве дополнительных образцов уместно привести британский проект Gov.UK, предполагающий поэтапное формирование портала государственных услуг с систематическим тестированием пользовательских интерфейсов на реальной аудитории¹³, а также практику внедрения международного стандарта ISO/IEC 38500 (регулирующего корпоративное управление информационными технологиями) в государственных учреждениях Австралии¹⁴.

Таким образом, устойчивое развитие цифровых государственных услуг невозможно без глубокого анализа и последовательного совершенствования правовой основы. Только интегрированная, прозрачная и отвечающая вызовам цифровой эпохи нормативная база сможет обеспечить качественное взаимодействие государства и граждан, минимизировать риски и повысить эффективность предоставления электронных сервисов. Только принимая во внимание эти обстоятельства и реализуя многоуровневую стратегию, можно создать эффективную и устойчивую платформу для цифровизации государственного управления, которая сможет адекватно ответить на современные вызовы и максимально удовлетворить нужды общества.

---

¹² Указанный механизм детально описан в официальном документе MAS «Regulatory Sandbox Guidelines». 2021. URL: <https://www.mas.gov.sg> (дата обращения: 16.09.2025).

¹³ Gov.UK Annual Report 2022. URL: <https://www.gov.uk> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁴ Australian Government ICT Strategy 2021–2025. URL: <https://www.dta.gov.au> (дата обращения: 16.09.2025).

References / Список литературы

- Avdeeva, I.L., Ananchenkova, P.I., Anoshina, Yu.F. et al. (2022) *Modern Management Technologies in the Activities of Business Structures and State Authorities*. Orel, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA Publ. (In Russian). EDN: RUUYHI.
 Авдеева И.Л., Ананченкова П.И., Аношина Ю.Ф. и др. Современные управленческие технологии в деятельности бизнес-структур и органов государственной власти. Орел : Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. 360 с. EDN: RUUYHI.
- Chiara, P.G. (2024) Towards a Right to Cybersecurity in EU Law? The Challenges Ahead. *Computer Law & Security Review*. 53, 105961. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105961/>
- Danilova, L.N., Ledovskaya, T.V., Solynin, N.E. & Khodyrev, A.M. (2020) Main Approaches to Understanding Digitalization and Digital Values. *Bulletin of Kostroma State University. Journal of pedagogy, psychology, sociokinetics*. 26 (2), 5–12. (In Russian). <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-5-12> EDN: FYMZSX.
 Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солянин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26. № 2. С. 5–12. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-2-5-12> EDN: FYMZSX.
- Dmitriev, A.V. (2002) *Politics, Political Science, Internet*. Moscow, Publishing House of the Modern Humanitarian University. (In Russian).
 Дмтриев А. Политика, политология, интернет. Москва : Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2002. 102 с.
- Gerasimova, T.A. & Moskvitina, N.V. (2019) The Content of the Concepts “Digital Economy” and “Digitalization in the Field of Public Administration”. In: Irkutsk State University. *Social Reality of Virtual Space: Proceedings of the I International Scientific-Practical Conference*. Irkutsk, ISU Publ., pp. 310–315. (In Russian). EDN: QXENJJ.
 Герасимова Т.А., Москвитина Н.В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : ИГУ, 2019. С. 310–315. EDN: QXENJJ.
- Highsmith, J. (2004) *Agile Project Management: Creating innovative products*. Boston, Addison-Wesley Publ.
- Katrin, E.V. (2022) “Digitalization”: Scientific Approaches to Defining the Term. *Bulletin of the Transbaikalian State University*. 28 (5), 49–54. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-5-49-54> EDN: LPWVIC.
 Кампин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 5. С. 49–54. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-5-49-54> EDN: LPWVIC.
- Khramov, N.R. & Zakharov, P.N. (2018) Directions of Development of State Regulation of Business Activity in the Vladimir Region. *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander G. and Nicholas G. Stoletovs Series: Economics*. (4 (18)), 160–165. (In Russian). EDN: YUZGJV.
 Храмов Н.Р., Захаров П.Н. Направления развития государственного регулирования предпринимательской деятельности во Владимирской области // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Экономические науки. 2018. № 4 (18). С. 160–165. EDN: YUZGJV.
- Li, Y. & Shang, H. (2020) Service Quality, Perceived Value, and Citizens’ Continuous-Use Intention Regarding E-government: Empirical Evidence from China. *Information & Management*. 57 (3), 103197. <https://doi.org/10.1016/j.im.2019.103197>
- Meng, Ch. (2024) Developing China’s Approaches to Regulate Cross-Border Data Transfer: Relaxation and Integration. *Computer Law & Security Review*. 54, 105997. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105997>

- Minbaleev, A.V. & Filonenkova, V.A. (2020) Problems of personal data protection and a digital profile of a person on the internet in the context of a pandemic. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*. 20 (3), 89–94. <https://doi.org/10.14529/law200313> EDN: REIUKW.
Минбалеев А.В., Филоненкова В.А. Проблемы защиты персональных данных и цифрового профиля человека в сети интернет в условиях пандемии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20. № 3. С. 89–94. <https://doi.org/10.14529/law200313> EDN: REIUKW.
- Pisani, G. (2024) The Right to Self-Determination in the Digital Platform Economy. *Computer Law & Security Review*. 53, 105964. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2024.105964> EDN: TXRKBK.
- Ponkin, I.V. & Redkina, A.I. (2018) Artificial Intelligence from the Point of View of Law. *RUDN Journal of Law*. 22 (1), 91–109. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109> EDN: YVXKVA.
Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // RUDN Journal of Law. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109> EDN: YVXKVA.
- Razuvaev, N.V. (2021) Digital Transformation of Subjective Civil Rights: Problems and Prospects. *Theoretical and Applied Law*. (1), 18–38. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-3> EDN: XACWLI.
Разуваев Н.В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 18–38. <https://doi.org/10.22394/2686-7834-2021-1-18-3> EDN: XACWLI.
- Svistunov, Yu.A. & Svistunova, L.Yu. (2023) Legal Issues of Digitalization of the Economy in the Russian Federation. *Leningrad Legal Journal*. (1 (71)), 174–187. (In Russian). https://doi.org/10.35231/18136230_2023_1_174 EDN: IFBKBN.
Свистунов Ю.А., Свистунова Л.Ю. Правовые проблемы цифровизации экономики в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2023. № 1 (71). С. 174–187. https://doi.org/10.35231/18136230_2023_1_174 EDN: IFBKBN.
- Vasilieva, E.V. & Slavin, B.B. (eds.) (2024) *Digital Platforms and Ecosystems in Public Administration*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2021353> EDN: YDGCRE.
Цифровые платформы и экосистемы в государственном управлении: монография / под ред. Е.В. Васильевой, Б.Б. Славина. Москва : ИНФРА-М, 2024. 204 с. <https://doi.org/10.12737/2021353> EDN: YDGCRE.
- Vlasenko, N.A. (2021) The declining state: Aristotle teachings and post-Soviet reality. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 479–505. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505> EDN: URUEXI.
Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 479–505. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-3-479-505> EDN: URUEXI.
- Vlasova, M.A. (2019) Some Aspects of the Implementation of Digital Technologies in Basic Sectors of the Russian Economy. *Drukerovskij Vestnik*. (1 (27)), 106–116. (In Russian). <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2019-1-106-116> EDN: UIGUZZ.
Власова М.А. Некоторые аспекты внедрения цифровых технологий в базовых секторах экономики России // Дружеровский вестник. 2019. № 1 (27). С. 106–116. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2019-1-106-116> EDN: UIGUZZ.
- Yakovleva-Chernyshova, A.Yu. & Druzhinina, A.V. (2021) Legal Regulation of Digitalization Processes in Russia: Civil Law Aspect. *Legal Studies*. (8), 51–62. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2021.8.36270> EDN: AAPBDZ.
Яковлева-Чернышева А.Ю., Дружинина А.В. Правовое регулирование процессов цифровизации в России: гражданско-правовой аспект // Юридические исследования. 2021. № 8. С. 51–62. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2021.8.36270> EDN: AAPBDZ.
- Zernikov, K.A. (2011) The Internet and Politics. *Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 2 (5), 82–84. (In Russian). EDN: NDDEND.

Зерников К.А. Интернет и политика // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. Т. 2. № 5. С. 82–84. EDN: NDDEND.

Сведения об авторах:

Алексеева Марина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет; 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

ORCID: 0000-0003-1436-6946; SPIN-код: 6127-0904

e-mail: alekseeva80@yandex.ru

Подройкина Инна Андреевна – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Ростовский филиал Российской таможенной академии; 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, проспект Буденновский, 20

ORCID: 0000-0001-8711-1122; SPIN-код: 7548-1725

e-mail: 919820@mail.ru

Рыбак Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственной технической университет; 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

ORCID: 0000-0002-7280-867X; SPIN-код: 4796-6517

e-mail: Svetoch2504@mail.ru

About the authors:

Marina V. Alexeeva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Head of the Department of the Theory and History of State and Law, Don State Technical University; 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1436-6946; SPIN-code: 6127-0904

e-mail: alekseeva80@yandex.ru

Inna A. Podroykina – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Rostov Branch of the Russian Customs Academy; 20 Budennovsky Avenue, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8711-1122; SPIN-code: 7548-1725

e-mail: 919820@mail.ru

Svetlana V. Rybak – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, the Head of the Department of Civil Law, Don State Technical University; 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7280-867X; SPIN-code: 4796-6517

e-mail: Svetoch2504@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-548-564>
EDN: OSPQEM

Научная статья / Research Article

Экосистема в современном праве: варианты теоретического обоснования и правового регулирования

С.А. Агамагомедова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация
 saniyat_aga@mail.ru

Аннотация. На основе анализа возникновения и эволюции понимания категории экосистемы в науке (от природных к цифровым) в исследовании выявлена неоднозначность её трактовки в современной науке и действующем законодательстве, установлено соотношение цифровой платформы и экосистемы. Последняя как разновидность социально-экономических систем рассматривается в качестве формы партнерства, совокупности сервисов, комплекса услуг, уровня развития цифрового взаимодействия, бизнес-модели, среды для инновационного и цифрового роста. Развитие теории в современной науке позволяет говорить об экосистемном подходе как о самостоятельном методе научного анализа. В работе систематизированы признаки и структура экосистемы, её уровни и виды, а также определены проблемы и приоритеты правового воздействия. Междисциплинарная природа категории предопределила использование соответствующих методов: исторического, сравнительного, системного анализа, классификации и формализации. Резюмируя, экосистема (цифровая экосистема) может рассматриваться в правовой науке как межотраслевой институт, объединяющий нормы информационного, административного, финансового, банковского, гражданского и иных отраслей права, в совокупности направленных на регулирование отношений как внутри структуры экосистем, так и между ними, обеспечение устойчивого экономического развития, свободы конкуренции и безопасности участников. Отмечена трансформация базовых принципов, закладываемых в понимание экосистемы в социально-экономической сфере в условиях цифровизации, в частности в обосновании механизма посредничества в цифровой коммуникации в рамках экосистемы. Обоснован транснациональный характер современных экосистем. Сделан вывод о нецелесообразности позиционирования экосистемы в качестве обособленного объекта правового регулирования; взамен предложена регуляция трёх аспектов её функционирования: корпоративного, конкурентного и потребительского. Установлена необходимость превентивного государственного воздействия в данной сфере, сочетающего методы обеспечения информационной безопасности и стимулирования развития экосистем.

Ключевые слова: природная экосистема, цифровая экосистема, цифровая платформа, экосистемный подход, сервис, услуги

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Агамагомедова С.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 21 мая 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Агамагомедова С.А. Экосистема в современном праве: варианты теоретического обоснования и правового регулирования // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 3. С. 548–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-548-564> EDN: OSPQEM

Ecosystem in Modern Law: Theoretical Approaches and Legal Regulation

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

 saniyat_aga@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of how the concept of “ecosystem” has emerged and evolved in science from natural ecosystems to digital ecosystems, this article identifies ambiguities in the interpretation of the concept in contemporary scholarship and current legislation and establishes the relationship between a digital platform and an ecosystem. An ecosystem, understood as a type of socio-economic system, is considered a form of partnership, a set or complex of services, a level of development of digital interaction, a business model, and an environment for innovation and digital development. The development of ecosystem theory in modern science makes it possible to regard the ecosystem approach as an independent method of scientific analysis. The article systematizes the features and structure of ecosystems, their levels and types, and the main problems and priorities for legal regulation. The interdisciplinary character of the ecosystem concept dictated the use of interdisciplinary methods; the study employs historical and comparative analysis, system analysis, classification, and formalization. In summary, an ecosystem, including a digital ecosystem, may be regarded in legal scholarship as an intersectoral legal institution encompassing norms from information, administrative, financial, banking, civil, and other branches of law that collectively regulate interactions within and between ecosystems, ensure sustainable economic development, freedom of competition, and the safety of participants. The paper draws attention to a transformation of the fundamental principles that underlie the understanding of socio-economic ecosystems in the context of digitalization, particularly in the justification of the mediation mechanism in digital interactions within the ecosystems. The transnational character of modern ecosystems is also substantiated. The article argues that treating the ecosystem as a single, autonomous object of legal regulation is inappropriate; instead, regulatory attention should focus on three aspects of its functioning: corporate, competition-related, and consumer-related. Finally, the paper substantiates the need for preventive state intervention that combines information-security measures with policies aimed at stimulating ecosystem development.

Keywords: natural ecosystem, digital ecosystem, digital platform, ecosystem approach, service, services

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: May 21, 2025

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Agamagomedova, S.A. (2026) Ecosystem in Modern Law: Theoretical Approaches and Legal Regulation. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 548–564. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-548-564> EDN: OSPQEM

Введение

Цифровые технологии кардинально изменили нашу жизнь и продолжают это делать. Меняются формы и скорость создания, сбора, хранения и передачи информации, запросы и предпочтения потребителей товаров и услуг, характер связей всех участников экономического и любого иного социального взаимодействия. Последнее сегодня не представляется без цифровых платформ и экосистем, все прочнее входящих в нашу жизнь и одновременно упрощающих ее, делающих ее более комфортной и, в то же время, требующих качественно новых инструментов регулирования и арбитража.

Понятие экосистемы вошло в жизнь практически каждого потребителя. Мы ежедневно совершаем сотни и тысячи транзакций, удовлетворяя свои обычные и неординарные потребности, выбирая информацию, товары и услуги, осуществляя финансовые операции, и просто общаемся с иными гражданами, организациями, государством. Значительная часть этих действий совершается нами посредством экосистем, наиболее известными среди которых являются такие отечественные экосистемы, как «Сбер» и «Яндекс», имеющие более 100 млн пользователей, а также VK (90 млн), МТС (79,7 млн) и «Мегафон» (более 74 млн). Российские экосистемы пока что находятся на стадии формирования и не вносят значительного вклада в макроэкономические показатели. К тому же средняя чистая прибыль у отечественных игроков почти в 60 раз меньше, чем у мировых лидеров¹. При этом помимо коммерческих экосистем в России сформирована и успешно функционирует государственная цифровая экосистема «Госуслуги».

В законодательстве использование понятия экосистемы осторожное, неоднозначное, противоречивое и непоследовательное. Определенное смешение горизонтальных и вертикальных конструкций, пространственных (эколого-географических) и информационных (цифровых) подходов мы наблюдаем в нормативно-правовом массиве, когда законодатель (зачастую даже в одном нормативно-правовом акте) использует такие категории как «уникальная экосистема озера Байкал», «цифровая экосистема Северного морского пути», «цифровая экосистема „Одно окно“» и многие другие².

Актуальность обозначенной теме исследования придает и внесение в феврале 2025 г. Минэкономразвития России проекта федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» в Правительство РФ. Законопроект направлен на создание правовых основ платформенной экономики, регулирование отношений между операторами платформ, их партнерами и пользователями³. Несмотря на то, что в сферу действия данного законопроекта разработчиками включена определенная категория платформ (посреднических цифровых платформ), его подготовка видится важным шагом в регулировании создания и функционирования цифровых платформ и экосистем.

¹ Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию. Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Москва, 2022. 55 с. URL: https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

² Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.12.2022).

³ Минэкономразвития внесло законопроект «О платформенной экономике» в Правительство РФ. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_vneslo_zakonoproekt_o_plattformennoy_ekonomike_v_pravitelstvo_rf.html (дата обращения: 20.05.2025).

Нами предпринята попытка определить понятие экосистемы в правовой науке и законодательстве, выделить признаки и структуру экосистемы, ее уровни и виды, а также обозначить современные проблемы и приоритеты правового регулирования функционирования экосистем.

Понятие экосистемы в современной науке

Советский энциклопедический словарь содержал следующее определение экосистемы: экосистема (от греч. *oikos* – жилище, местопребывание и система) – единый природный комплекс, образованный живыми организмами и средой их обитания, в котором живые и косные компоненты связаны между собой обменом веществ и энергии. Понятие экосистемы применяется к природным объектам различной сложности и размеров. Часто термины «экосистема» и «биогеоценоз» употребляют как синонимы⁴, хотя имеет место и их разграничение (Grigor'eva & Grigor'ev, 2012).

Первоначальный смысл категории экосистемы в науке был связан с экологией. Позже данный экологический подход был распространен на социальное взаимодействие и развитие. Ученые сравнивают функционирование экосистемы с процессами, которые составляют физиологическое функционирование в организме, и позиционируют эти функции в качестве основы для устойчивого предоставления «товаров» и «услуг», от которых зависят люди (Christensen & Franklin, 1997:1–2).

Под **социально-экономической экосистемой** понимается локализованный комплекс организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований, способный к длительному самостоятельному функционированию за счет кругооборота ресурсов, продуктов и систем (Kleiner, 2019:40). По сути, социально-экономическая экосистема основывается на создании, дифференцировании и обороте информации (по аналогии с оборотом вещества и энергии в природных экосистемах), которая определяет природу услуг, предоставляемых потребителям в рамках экосистемы. Экосистемы – это тип социально-экономических систем (Kleiner, 2018:6).

В России наиболее показательны экосистемы в финансовой сфере (банковские и иные). Так, в докладе Банка России для общественных консультаций экосистема (цифровая экосистема) определена как совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний (или компании и партнеров), позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого интегрированного процесса. Экосистема может включать в себя закрытые и открытые платформы. Предлагаемая экосистемой линейка сервисов удовлетворяет большинство ежедневных потребностей клиента или выстроена вокруг одной или нескольких его базовых потребностей⁵.

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы в качестве национальных интересов в области цифровой экономики определены, в том числе, формирование новых рынков, основанных на использовании информационных и коммуникационных технологий, и обеспечение лидерства на этих рынках за счет эффективного применения знаний, развития

⁴ Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.). Москва : Советская Энциклопедия, 1981. С. 1550.

⁵ Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Москва, Банк России, 2021. 45 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

российской экосистемы цифровой экономики. Под последней в данном документе понимается партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан⁶.

Экосистема понимается как уровень, промежуточный между предприятием как первичным элементом экономических связей и рынком (отраслевым и (или) территориальным) в целом. Такая экосистема играет роль естественного системного окружения предприятия, что позволяет перенести внимание с изучения рынка в целом на промежуточную структуру (между предприятием и рынком) (Kleiner, 2019:40).

Достаточно распространено современное понимание экосистемы в качестве бизнес-модели. Цифровая экосистема позиционируется как клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жилье, развлечения и т.д.)⁷. Существуют и иные трактовки экосистемы в целом и отдельных ее разновидностей. Так, к примеру, предпринимательская экосистема рассматривается современными учеными как источник предпринимательских возможностей (окно возможностей) (Trabskaja & Mets, 2019).

Применительно к цифровой отрасли экосистема понимается как среда, обеспечивающая условия для инновационного развития и распространения цифровых сервисов, цифровых продуктов, приложений и устройств в конкретном секторе цифровой экономики (Akarkin et al., 2017:22).

Таким образом, понятие экосистемы в современной науке отличается неоднозначностью трактовки. Экосистема как разновидность социально-экономических систем сегодня позиционируется в качестве формы партнерства, совокупности (системы) сервисов, комплекса услуг, уровня развития цифрового взаимодействия, бизнес-модели, среды для инновационного и цифрового развития.

Отдельно следует, на наш взгляд, остановиться на разграничении категорий «цифровая платформа» и «экосистема». В данном случае мы имеем дело с несколькими вариантами соотношения рассматриваемых категорий.

Во-первых, следует выделить подходы, объединяющие данные категории и рассматривающие их в качестве синонимов. отождествление их при этом весьма условно, так как ученые в конечном итоге признают факт того, что множество сервисов и платформ со временем формируются в отдельную экосистему (Gabov, 2022).

Во-вторых, это подходы, разграничивающие их на основе различных критериев (количественного и качественного свойства). Платформенные модели (подразумевающие цифровые и технологические платформы) и экосистемы слабо и нечетко, но разграничиваются. Согласно глоссарию, предлагаемому в докладе Банка России, понятие экосистемы шире и включает в себя закрытые и открытые платформы⁸.

⁶ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

⁷ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». Май, 2021. 22 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

⁸ Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Москва, Банк России, 2021. 45 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

Принято считать, что оба рассматриваемых понятия появились эволюционно из мира офлайн, а впоследствии с развитием цифровизации офлайн-платформы и экосистемы (торгово-логистические и сервисные комплексы в городах, аэропортах, на вокзалах, в торгово-развлекательных центрах, кинотеатрах и др.) начали трансформироваться в цифровые.

Упомянутый нами выше законопроект определяет цифровую платформу как информационную систему и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг⁹.

Сегодня под цифровой платформой понимается также бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией, включая предоставление продуктов/услуг/ информации собственного производства. В то же время под цифровой экосистемой понимается клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две и более группы продуктов, услуг, информации, то есть две и более цифровые платформы¹⁰. Понимание экосистемы как «куста платформ» достаточно распространено (Samsonova et al., 2022).

В отдельных случаях законодатель утверждает определенный перечень сервисов и цифровой инфраструктуры, реализуемых в целях формирования конкретной экосистемы, к примеру, экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза¹¹.

Г.Б. Клейнер считает, что каждая экосистема содержит в своем составе кластеры, платформы, сети и инкубаторы (Kleiner, 2018:11), а платформенная составляющая экосистем играет роль, скорее, связующего звена, или пограничной полосы между экосистемой и окружающим миром (Kleiner, 2018:13).

В-третьих, имеют место подходы, в рамках которых цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ¹². Полагаем, экосистема представляет собой не просто сумму, блок двух или более цифровых платформ. Подобное объединение несет большее – формирует качественно новую ценность взаимодействия между экосистемой и потребителями, ценность, безусловно представляющую собой конкурентное преимущество и имеющую экономическую стоимость. А.В. Габов справедливо обращает внимание на то, что экосистема позволяет ее участнику реализовывать множество интересов, причем не только экономических (Gabov, 2022). Как правило, базовый или «якорный» бизнес постепенно обрастает

⁹ Проект Федерального закона «О платформенной экономике в Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 02/04/11-24/00152517) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.11.2024) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://regulation.gov.ru/> по состоянию на 22.11.2024.

¹⁰ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 06.05.2025).

¹¹ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 № 29 «О перечне сервисов и цифровой инфраструктуры, реализуемых в целях формирования экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 31.12.2020.

¹² Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». Май, 2021. 22 с. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

иными сервисами, роль, привлекательность и прибыльность которых может возрастать и со временем доминировать в структуре экосистемы в целом.

Безусловно, развитие платформ и экосистем – это современный тренд. Клиенты выбирают экосистемы – классические бизнес-модели уступают по удобству, выбору и цене для клиентов. Ведущие компании мира строят экосистемы, поддерживая свою долгосрочную привлекательность и развитие¹³.

Таким образом, концепция экосистем, зародившаяся в естествознании, достаточно успешно «прижилась» в социально-экономическом пространстве. В настоящее время можно говорить не просто об эволюции концепции экосистем в теории социальных наук, но и о развитии и продвижении специализированного научного подхода – экосистемного подхода в исследовании современных социальных институтов, явлений и процессов. Особое значение данный подход имеет в регулировании экономических процессов. Неслучайно регулятор в лице Банка России описывает и прогнозирует оптимальную структуру российского рынка с точки зрения дальнейшего успешного развития на нем платформенных и экосистемных решений. Экосистемный подход, экосистемные решения, влекущие снижение издержек за счет сетевого управления и по сути создающие новые экономические и иные ценности, в современной экономике должны быть обеспечены в правовом и инфраструктурном отношении с учетом того, что накопленный опыт регулирования в данной сфере к цифровым платформам и экосистемам может быть применим только частично. Цифровые платформы и экосистемы требуют качественно новых инструментов правового регулирования.

Экосистема в законодательстве и правовой науке

С учетом природной, естественной этимологии понятия экосистемы в правовой науке она в качестве объекта анализа впервые исследуется в рамках науки экологического права. Более того, М.М. Бринчук позиционирует экосистемный подход в качестве одного из принципов экологического права (Brinchuk, 2012:4).

Статья 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержит понятие естественной экологической системы¹⁴, в экологическом законодательстве экосистемы относятся к новому поколению природных объектов¹⁵, а устойчивое функционирование естественных экологических систем оценивается законодателем как один из показателей (критериев) благоприятной окружающей среды (Brinchuk, 2012:6).

Цифровая экосистема в отличие от естественной экологической системы сознательно генерируется человеком (новое поколение искусственной экологической системы) и основана на обмене информацией в цифровой форме (цифровой информацией).

¹³ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 06.05.2025).

¹⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 15.12.2023 № 3664-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли экологии и природопользования, относящейся к сфере деятельности Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2024. № 1 (Часть IV). Ст. 280.

В.К. Андреев понимает под цифровыми платформами и экосистемами определенным образом связанную совокупность различных сервисов (Andreev, 2022). Специалисты правомерно выделяют «два типичных для экосистем отраслевых ствола, которые обрастают новыми ветками, – банки и интернет-компании»¹⁶. Основа экосистемы – цифровой сервис, виртуальное посредничество, оказание услуг различного свойства в цифровой среде взаимодействия. Выделяя разновидность правовой экосистемы, ученые полагают, что реалистичный вариант правовой экосистемы на цифровой платформе, как и большинство инноваций, следует искать не столько в области технологий, сколько в области бизнес-моделей (Samsonova et al., 2022).

Полагаем, **экосистема (цифровая экосистема)** может рассматриваться в современной правовой науке в качестве межотраслевого института, включающего в себя нормы информационного, административного, финансового, банковского, гражданского и иных отраслей права, в совокупности направленных на регулирование взаимодействия как в рамках внутренней структуры экосистем, так и между ними (различными экосистемами), обеспечение устойчивого экономического развития, свободы конкуренции и безопасности участников подобного взаимодействия.

Экосистемы по сути – новое поколение единиц экономического анализа и одновременно объектов правового регулирования межотраслевой природы. При этом считаем необходимым обратить внимание на определенную трансформацию основополагающих принципов, закладываемых в понимание экосистемы в социально-экономической сфере в условиях цифровизации. Базовым принципом экосистемы в биологии (экосистема как единый природный комплекс) выступал оборот веществ и энергии в целях устойчивого, экологически направленного функционирования и развития экосистемы (экосистемы, в которой комфортно всем ее элементам). Аналогичный принцип ставился во главу угла и первоначального периода развития теории экосистем применительно к бизнес-процессам (предпринимательские экосистемы и др.), когда основу экосистемы составляло эффективное (неконфликтное, взаимовыгодное, оптимальное) взаимодействие множества элементов, рассматриваемых в рамках определенной экосистемы конкретного уровня.

В основу же понимания экосистемы (цифровой экосистемы) в современной действительности (с правовых, экономических, цифровых, организационно-финансовых и иных позиций) ставится, на наш взгляд, концепция посредничества (агрегатора, платформы, сервиса, «связки» и др.). Ученые справедливо отмечают, что процесс цифровизации внес в существующие отношения значительную корректировку в виде фигуры посредника (Gabov, 2022). Таким образом, в офлайн-взаимодействии необходимости в посреднике не было, цифровое взаимодействие потребовало его создания и включения в систему связей, основанных на обмене (обороте) цифровой информации. Современное экономическое и иное социальное взаимодействие в цифровой среде может быть оптимальным, эффективным, максимально выгодным всем сторонам подобного взаимодействия только при условии полноценного функционирования посредника в лице цифровых платформ. Многообразие последних (отражающее многообразие предоставляемых ими услуг), их взаимодополняемость и сопряженность друг с другом, способность к обновлению (самообновлению) и актуализа-

¹⁶ Тутов Б. Как и зачем нужно регулировать новые экосистемы: советы Банку России. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/447193-kak-i-zacem-nuzno-regulirovat-novye-ekosistemy-sovety-banku-rossii> (дата обращения: 13.05.2025).

ции выступают условиями эффективности функционирования экосистемы как комплекса, совокупности, реестра платформ. Услуги, в том числе услуги по предоставлению информации, выступают своего рода первичным элементом обмена (взаимодействия) внутри и вне экосистемы, аналогом вещества и энергии в природных экосистемах. Интересно, что понятие «экосистемных услуг» применяется и в отношении последних (Neang et al., 2019).

Признаки и структура экосистемы

Представляется, что можно выделить два ключевых условия (основания) для формирования современного понимания экосистемы. Во-первых, это цифровизация социального взаимодействия (включая цифровые платформы в финансовой сфере и электронную коммерцию), во-вторых, это изменение поведения клиентов (изменение не просто потребительских предпочтений или клиентских запросов, а, по сути, трансформация традиционного образа жизни людей).

Полагаем, что государство присутствует в любой экосистеме, при этом оно по-разному может позиционироваться и называться (регуляторные рамки, регулятор, государство – цифровая платформа, законодательство, правительство и др.), может меняться уровень его присутствия в экосистеме (увеличиваться или снижаться на различных этапах жизненного цикла экосистемы). При этом исследователи выделяют несколько секторов государственного воздействия в экосистеме, к примеру, в зависимости от категории услуг, предоставляемых потребителям определенным государственным сектором. По их мнению, государство также субсидирует отрасль возобновляемых ресурсов в своей стране не только с целью поддержания минимального запаса этого ресурса для поддержки основного взаимозаменяемого возобновляемого ресурса, но и с целью оказания помощи в предоставлении общих общественных услуг (Whitmore, 2007).

С учетом того, что крупнейшие отечественные экосистемы сегодня представлены в существенной степени банковским сектором, современные ученые активно исследуют банковские экосистемы (Mikheeva, 2022) и включают в их структуру следующие элементы: 1) данные в цифровом виде; 2) информационно-телекоммуникационная инфраструктура; 3) информационные технологии; 4) рынок банковских услуг (Uzdenov, 2022).

В нормативно-правовом массиве структура конкретной экосистемы ограничивается перечнями цифровых платформ (платформ цифровых сервисов) и элементов инфраструктуры (информационной, технической и др.), необходимых для полноценного функционирования экосистемы (к примеру, цифровая экосистема Северного морского пути)¹⁷.

При теоретическом конструировании внутренней структуры современной экосистемы имеет место проблема позиционирования потребителей (клиентов) услуг, предоставляемых цифровыми платформами в рамках экосистемы. Неоднозначность их правового и одновременно «экосистемного» статуса заключается в том, что, с одной стороны, они выступают потребителями сервисов экосистемы (потребительские отношения), с другой стороны, они рассматриваются в качестве участников

---

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 12.01.2023 № 8 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на обеспечение создания цифровой экосистемы Северного морского пути» // Собрание законодательства РФ. 23.01.2023. № 4. Ст. 636.

экосистемы, ее составных элементов. Более того, в последнем случае именно их наличие, их причастность («связанность») к поставщику услуг обуславливает само позиционирование цифрового сервиса (совокупности цифровых сервисов) в качестве экосистемы. Неслучайно, исследователи банковских экосистем признают, что именно наличие в банках большой клиентской базы дает им возможность формировать экосистемы и эффективно ими управлять (Mikheeva, 2022).

Виды и уровни экосистем

Экосистемы могут образовываться и по территориальному, и по смешанным признакам (Kleiner, 2018:6). В отдельных случаях исследователи сочетают отраслевые и территориальные подходы к изучению экосистем, к примеру, когда говорят об агроэкосистеме определенного природного объекта (Neang et al., 2019).

Полагаем, что критерий территории сегодня имеет в экосистеме как типе социально-экономической (не природной и не биологической) системы второстепенное значение с учетом того, что цифровая среда современного взаимодействия элементов экосистемы в определенной степени нивелирует пределы, границы государств, национальные юрисдикции. На трансграничный характер цифровых платформ обращают внимание ведущие ученые (Gabov, 2022). Тем не менее и в нормативно-правовом поле, и в научных исследованиях пространственный аспект экосистемного подхода сохраняется¹⁸. Ученые в свою очередь обосновывают теоретические основы предпринимательской экосистемы, позиционируемой в качестве инструмента управления изменениями на основе местоположения (O'Connor et al., 2018) и выделяют специфику региональных предпринимательских экосистем (Barinova, Zemtsov & Tsareva, 2018; Gamidullaeva & Agamagomedova, 2021).

Пирамида уровней научного и (или) нормативного позиционирования экосистем сегодня весьма внушительна: от экосистемы персонала отдельной компании¹⁹ до глобальной экосистемы (Whitmore, 2007:23–46). В юридической литературе используется категория «правовая экосистема в целом» (Samsonova et al., 2022).

Достаточно распространено выделение экосистемы цифровой отрасли, под которой понимается среда, обеспечивающая условия для инновационного развития и распространения цифровых сервисов, цифровых продуктов, приложений и устройств в конкретном секторе цифровой экономики (Akatkin et al., 2017:22).

Весьма обширна классификация предпринимательских экосистем. Так, Д. Мур выделял множество разновидностей предпринимательских экосистем: сильные и слабые, новые и зрелые, живые и мертвые, конкурирующие и кооперирующие, даже маргинальные предпринимательские экосистемы (Moore, 1993:75–83).

К одной из разновидностей инновационных и предпринимательских систем ученые относят мобильные экосистемы (Doroshenko & Shelomentsev, 2017:218). В Докладе Банка России обозначены экосистемы на начальном этапе своего

¹⁸ Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23.11.2020 № 29 «О перечне сервисов и цифровой инфраструктуры, реализуемых в целях формирования экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 31.12.2020.

¹⁹ Волкова А. Экосистема персонала компании: правовое регулирование и управление // ЭЖ-Бухгалтер. 2023. № 9. С. 9.

формирования или нишевые экосистемы, экосистемы-монополии²⁰. Распространено выделение образовательных (Wu & Lin, 2019) и промышленных (Kleiner, 2018) экосистем. При этом в качестве национальной специфики России признается лидирующая роль финансового сектора в создании экосистем, делается вывод о том, что российские технологические компании также двигаются в экосистемном направлении, расширяя линейку своих сервисов, в том числе начиная предлагать клиентам финансовые услуги²¹.

Важное значение имеет выделение двух видов цифровых платформ и экосистем: национальные и иностранные, которым еще предстоит дать определения и критерии разграничения²². В условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета для России данное разграничение особенно актуально.

Современные национальные стандарты используют такие разновидности экосистем, как «цифровая экосистема социального страхования»²³, а ученые выделяют и исследуют банковские экосистемы (Mikheeva, 2022; Uzenov, 2022), цифровую экосистему авторского права и смежных прав (Gots & Bliznets, 2021), информационную (цифровую) экосистему адвокатуры (Gavrilov & Volodina, 2019) и др. Причем в отдельных случаях речь идет не о традиционных сервисах предоставления товаров и услуг. Так, под информационной (цифровой) экосистемой адвокатуры ученые понимают единую цифровую среду адвокатуры, обусловленную «оцифровкой» внутрикорпоративных бизнес-процессов адвокатуры и адвокатской деятельности (Gavrilov, 2020). Другим примером экосистемы, имеющей косвенное отношение к интернет-коммерции, может служить предлагаемая учеными цифровая экосистема авторского права и смежных прав (Gots & Bliznets, 2021).

В одних случаях учеными используется понятие экосистемы, в других – цифровой экосистемы. А отдельные авторы исследуют одну экосистему в рамках иной, более широкой (Gavrilov & Volodina, 2019). Полагаем, что современная экосистема – всегда цифровая, всегда связана с оборотом информации в цифровой форме, с большими данными, которые сами по себе представляют исключительную ценность. В целях комплексного решения задач цифровизации предприятий в России функционирует электронный ресурс Эффективность.рф – цифровая экосистема для предприятий²⁴.

Отдельным направлением для перспективных научных исследований в рассматриваемой сфере следует, на наш взгляд, считать разграничение экосистем на коммерческие и государственные, а также построение теоретических моделей их эффективного сопряжения. Помимо государственной экосистемы «Госуслуги» в действующем законодательстве имеет место обозначение и иных видов цифровых

²⁰ Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Москва, Банк России, 2021. 45 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 07.05.2025).

²¹ Там же.

²² Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». Май, 2021. С. 4. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

²³ «ГОСТ Р 70486-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Единая технология «Цифровой социальный юрист» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 23.11.2022 № 1360-ст). Москва : ФГБУ «Институт стандартизации», 2022.

²⁴ Комплексное решение задач цифровизации предприятий. URL: <https://эффективность.рф/> (дата обращения: 08.05.2025).

платформ и экосистем, в организации (субсидировании и иной поддержке) которых участвует государство²⁵.

Стратегия развития финансового рынка РФ до 2030 года упоминает категорию «экосистемы с финансовой составляющей»²⁶, что представляется обоснованным с точки зрения того, что многие зарождавшиеся как финансовые экосистемы в последующем включают в себя цифровые платформы, оказывающие услуги нефинансового свойства. Типичной разновидностью экосистемы с финансовой составляющей выступает банковская экосистема (Uzdenov, 2022).

Критерии классификации экосистем можно и дальше дополнять, однако не это является целью данного исследования. Гораздо важнее, на наш взгляд, выделить типовые признаки современного понимания экосистемы, позволяющие выработать единые принципы и способы правового регулирования их функционирования.

Проблемы и приоритеты правового регулирования экосистем

Правовое регулирование экосистем сегодня осуществляется фрагментарно, то есть, в большей степени на уровне концепций регулирования и локальных актов стратегического планирования в определенных отраслях.

Представители исполнительной власти обращают внимание на необходимость формирования регуляторной среды для развития технологий, благоприятных условий для развития эффективной конкуренции, обеспечения защищенности граждан и поставщиков услуг, технологического суверенитета и устойчивого социально-экономического развития в условиях цифровой экономики²⁷. Представляется важным тот факт, что эксперты выделяют в деятельности современных экосистем не только правовые, но и политические риски. Среди первых называются риски олигополизации рынка и угрозы для безопасности данных пользователей. К опасностям политического свойства относится потенциальная способность управлять общественным мнением, создавать повестку и цензурировать любое высказывание²⁸.

²⁵ См.: Постановление Правительства РФ от 26.12.2022 № 2439 «О государственной поддержке акционерного общества „Российский экспортный центр“, г. Москва, в целях создания на базе его цифровой платформы сервисов цифровой экосистемы „Одно окно“ в рамках инициативы социально-экономического развития Российской Федерации „Цифровая экосистема «Одно окно» экспортера», внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу „Российский экспортный центр“, г. Москва, в целях развития инфраструктуры повышения международной конкурентоспособности и признания утратившими силу некоторых положений актов Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами предоставления субсидии из федерального бюджета акционерному обществу „Российский экспортный центр“, г. Москва, в целях создания на базе его цифровой платформы сервисов цифровой экосистемы „Одно окно“ в рамках инициативы социально-экономического развития Российской Федерации „Цифровая экосистема «Одно окно» экспортера») // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть I). Ст. 258.

²⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть III). Ст. 476.

²⁷ Акиншина Ю., Алтатова И. Минэкономразвития представило концепцию регулирования экосистем. Для человека и бизнеса // Российская газета. 31 мая 2021 года. URL: <https://rg.ru/2021/05/30/minekonomrazvitiia-predstavilo-koncepciiu-regulirovaniia-ekosistem.html> (дата обращения: 16.05.2025).

²⁸ Бойко А., Гринкевич Д. В правительстве готовят общие принципы регулирования экосистем. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2021/09/28/888797-obschie-printsipi-ekosistem> (дата обращения: 16.05.2025).

Несмотря на то, что контуры современной «своего рода экосистемной конституции»²⁹ пока размыты, на основе проведенного анализа современного понимания и использования категории экосистемы в современном законодательстве и правовой науке можно выделить проблемы, на решение которых призвано быть направлено правовое регулирование в рассматриваемой сфере.

Правовое регулирование создания и функционирования экосистем фрагментарно, имеет межотраслевой (сквозной) и транснациональный характер, направлено на решение нескольких важных проблем.

1. Защита прав потребителей (включая обеспечение свободы перехода потребителей от одной экосистемы к другой, свобода выбора экосистемы).

2. Вопросы конкуренции. Причем следует выделить два уровня конкуренции: в рамках внутреннего рынка и на уровне международном; между отечественными экосистемами и в рамках взаимодействия национальных и иностранных экосистем.

3. Предсказуемость, пропорциональность и превентивность регулирования.

4. Обеспечение информационной безопасности (контроль за содержанием контента, сохранностью персональных данных пользователей и др.).

5. Стимулирование инноваций, предпринимательской и иной экономической активности, создания новых экосистем.

6. Проблема соотношения бизнес-экосистем и государственных цифровых платформ и экосистем (государство как цифровая платформа).

В качестве проблем правового регулирования функционирования и развития экосистем ученые называют подвижность границ экосистемы и трудности отнесения ее к отдельному объекту правового регулирования (Egorova, 2021:147), сложности определения правового статуса участников экосистемы (наличие традиционного организационно-правового статуса и потенциальная возможность наделения экосистемы относительно новой правосубъектностью (наложение статусов)) (Andreev, 2022) и др.

В регуляции экосистем можно выделить два основных подхода: проектный (обозначение в качестве экосистем конкретных национальных проектов или их составляющих (экосистема Национальной технологической инициативы, цифровая экосистема нацпроекта «Производительность труда» и др.)) и целевой (оптимизация уже функционирующих экосистем, регуляция взаимодействия ее элементов, а также ее связей с иными экосистемами).

Функционирование и развитие экосистем различной природы должно осуществляться в поле зрения государства. Внимание государства к экосистемам должно выражаться в превентивной регуляции, в контроле и надзоре за их деятельностью и одновременно в стимулировании их развития. В рамках развития финансового рынка РФ предусмотрено выстраивание система надзора Банка России во взаимодействии с иными контрольно-надзорными органами за деятельностью экосистем с финансовой составляющей³⁰.

²⁹ Бойко А., Гринкевич Д. В правительстве готовят общие принципы регулирования экосистем. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2021/09/28/888797-obschie-printsipi-ekosistem> (дата обращения: 16.05.2025).

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (часть III). Ст. 476.

Полагаем, что приоритетом правового регулирования экосистем должно стать не специальное регулирование (в котором экосистема – отдельный, самостоятельный объект правового регулирования), а оптимизация всех отраслей законодательства, так или иначе задействованных в регуляции функционирования экосистем сегодня. Нужно регулировать взаимодействие, во-первых, внутри экосистемы (корпоративный аспект), во-вторых, между различными экосистемами (конкурентный аспект) и, в-третьих, между экосистемами и потребителями ее ценностей (аспект защиты прав потребителей). При этом меры защиты потребителей и меры защиты конкуренции применительно к экосистемам трансформируются, требуют постоянного обновления подходов и критериев оценки.

Особо следует обратить внимание на вопросы информационной безопасности, которые пронизывают все выделенные нами аспекты (как внутриорганизационные, так и внешненаправленные). И государству здесь, безусловно, принадлежит особая роль.

Стратегически государству нужно стимулировать создание цифровых платформ (в том числе государственных) с привлечением частных инвестиций и на основе данных из внешней экосистемы, объективирующей потребности в цифровых сервисах и детерминирующей архитектуру цифровой платформы (Samsonova et al., 2022).

Заключение

Применительно к типу предпринимательских экосистем ученые справедливо отмечают тот факт, что своеобразная «природная» междисциплинарность понятия «предпринимательская экосистема» не только позволяет, но и предопределяет применение различных методологических подходов к ее изучению, в том числе эволюционного, институционального, контекстуального, социокультурного и др. Представляется, что данная позиция может быть использована к любому иному типу современных экосистем. Междисциплинарность закономерно выступает в качестве принципа исследования экосистем в современной науке.

Экосистема в современной науке многолика: она рассматривается как разновидность социально-экономических систем, как самостоятельный исследовательский подход, как уровень, как единица экономического анализа и нормативной регуляции, как характер экономических и иных связей, как стадия цифрового развития (зрелости) компании, как модель корпоративного управления, как форма экономического роста.

Это новое поколение экономических субъектов, единиц экономического анализа и одновременно объектов правового регулирования.

Проведенными нами небольшой анализ позволяет выделить несколько существующих подходов к научному обоснованию экосистем: традиционный (биологический); универсальный (как универсальный научный подход к объекту анализа любого уровня и любой природы); цифровой (согласно которому экосистема – совокупность цифровых платформ (цифровых сервисов)); корпоративный (экосистема как модель корпоративного управления) и другие. При этом последующие (или более поздние) варианты научного позиционирования экосистемы закономерно проецируют на себя базовые приемы исследования экосистем первичного научного обоснования, то есть природных экосистем. Представляется, что в этой связи достаточно успешно могут быть применены к современным цифровым экосистемам такие

традиционные и универсальные для природных экосистем приемы, как позиционирование в качестве нового поколения экономических, правовых и цифровых объектов, отождествление устойчивого функционирования экосистем с показателями благоприятной и безопасной цифровой среды.

Экосистема создает новую ценность как для потребителей, так и для своего развития, что в конечном итоге делает ее ценной и полезной для общества в целом. Применительно к природным экосистемам традиционно обосновывается необходимость поддержания биоразнообразия экосистем. Полагаем, что развитие многообразия социально-экономических экосистем, поддержание их конкурентного, урегулированного правом сосуществования в целях эффективного обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций выступают приоритетами государственного регулирования в данной сфере.

References / Список литературы

- Akatkin, Yu.M., Karpov, O.E., Konyavsky, V.A. & Yasinovskaya, E.D. (2017) Digital Economy: Conceptual Architecture of the Digital Industry Ecosystem. *Business Informatics*. (4 (42)), 17–28. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2017.4.17.28> EDN: VXTIPIJ.
- Акаткин Ю.М., Карпов О.Э., Конявский В.А., Ясиновская Е.Д. Цифровая экономика: концептуальная архитектура экосистемы цифровой отрасли // Бизнес-информатика. 2017. № 4 (42). С. 17–28. <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2017.4.17.28> EDN: VXTIPIJ.
- Andreev, V.K. (2022) On the Ecosystem and Legal Issues of the Digital Economy. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. (1 (25)), 15–19. (In Russian). EDN: HHIKLO.
- Андреев В.К. Об экосистеме и правовых проблемах цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 1 (25). С. 15–19. EDN: HHIKLO.
- Barinova, V.A., Zemtsov, S.P. & Tsareva, Yu.V. (2018) Entrepreneurship and institutions: Is there a connection at the regional level in Russia? *Issues of Economics*. (6), 1–25. (In Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-92-116> EDN: XPUDWX.
- Баринаова В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В. Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 92–116. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-92-116> EDN: XPUDWX.
- Brinchuk, M.M. (2012) Natural Ecological Systems and Environmental Law (Part 2). *Astrakhan Bulletin of Environmental Education*. (3 (21)), 4–17. (In Russian). EDN: PUQKZD.
- Бринчук М.М. Естественные экологические системы и экологическое право. Часть 2 // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 3 (21). С. 4–17. EDN: PUQKZD.
- Christensen, N.L. & Franklin, J.F. (1997) Ecosystem Function and Ecosystem Management. In: Simpson, R.D. & Christensen, N.L. (eds.) *Ecosystem Function & Human Activities*. Springer, Boston, MA Publ., pp. 1–23. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-6049-4_1
- Doroshenko, S.V. & Shelomentsev, A.G. (2017) Entrepreneurial Ecosystem in Contemporary Socioeconomic Research. *Journal of Economic Theory*. (4), 212–221. (In Russian). EDN: ZVMLAZ.
- Дорошенко С.В., Шеломенцев А.Г. Предпринимательская экосистема в современных социоэкономических исследованиях // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 212–221. EDN: ZVMLAZ.
- Egorova, M.A. (2021) Legal conditions for creating digital ecosystems. In: Blazheeva, V.V. & Egorova, M.A. (eds.) *Law and society in the era of socio-economic transformations of the 21st century: The experience of Russia, the EU, the USA and China*. Moscow, Prospekt Publ., pp. 144–148. (In Russian). EDN: AFPASR.

- Егорова М.А. Правовые условия создания цифровых экосистем // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая : коллективная монография к 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва : Проспект, 2021. С. 144–148. EDN: AFPASR.
- Gabov, A.V. (2022) Online dispute resolution of participants in digital platforms (ecosystems). *Bulletin of the civil process*. 12 (1), 208–235. (In Russian). <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-1-208-235> EDN: KTJCHG.
- Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 1. С. 208–235. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2022-12-1-208-235> EDN: KTJCHG.
- Gamidullaeva, L.A. & Agamagomedova, S.A. (2021) Entrepreneurial ecosystems: Impact on the quality of life in a region. *Global Business and Economics Review*. 25 (1), 68–88. <https://doi.org/10.1504/GBER.2021.116621> EDN: IMMFWW.
- Gavrilov, S.N. (2020) Conceptual and terminological basis of the informational (digital) ecosystem of the legal profession: A conceptual approach to the formation. *Advokatskaya praktika*. (4), 53–64. (In Russian). EDN: CUKHLK.
- Гаврилов С.Н. Понятийно-терминологическая основа информационной (цифровой) экосистемы адвокатуры: концептуальный подход к формированию // Адвокатская практика. 2020. № 4. С. 53–64. EDN: CUKHLK.
- Gavrilov, S.N. & Volodina, S.I. (2019) Information (digital) ecosystem of the legal profession in the context of the ecosystem of the digital economy of Russia. *Actual problems of Russian law*. (6 (103)), 156–166. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.156-166> EDN: CMOGPF.
- Гаврилов С.Н., Володина С.И. Информационная (цифровая) экосистема адвокатуры в контексте экосистемы цифровой экономики России // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 156–166. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.103.6.156-166> EDN: CMOGPF.
- Gots, E.V. & Bliznets, I.A. (2021) Development of the Digital Ecosystem of Copyright and Related Rights: Fiction or Reality. *Lawyer*. (9), 12–18. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-9-12-18> EDN: PQEWME.
- Гоц Е.В., Близнец И.А. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. 2021. № 9. С. 12–18. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2021-9-12-18> EDN: PQEWME.
- Grigor'eva, E.A. & Grigor'ev, A.I. (2012) Modern understanding of systemic concepts and terms in ecology. *Omsk Scientific Bulletin*. (2 (106)), 152–155. (In Russian). EDN: PBDFTL.
- Григорьева Е. А., Григорьев А. И. Современное понимание системных понятий и терминов в экологии // Омский научный вестник. 2012. № 2 (106). С. 152–155. EDN: PBDFTL.
- Kleiner, G.B. (2018) Socio-economic ecosystems in the light of the system paradigm. In: Kleiner, G.B. & Shchepetova, S.E. (eds.) *Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference-Biennale*. Moscow, Publishing Prometej, pp. 4–14. (In Russian). <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014> EDN: RLWNNS.
- Клейнер Г.Б. Социально-экономические экосистемы в свете системной парадигмы // Системный анализ в экономике – 2018 : сб. трудов V Междунар. науч.-практ. конф.-биеннале / под общ. ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. 2018. С. 4–14. <https://doi.org/10.33278/SAE-2018.rus.005-014> EDN: RLWNNS.
- Kleiner, G.B. (2019) Economics of ecosystems: A step into the future. *Economic revival of Russia*. (1 (59)), 40–45. (In Russian). EDN: YYIULJ.
- Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1 (59). С. 40–45. EDN: YYIULJ.

- Mikheeva, I.E. (2022) Unfair practices in banking ecosystems. *Actual Problems of Russian Law*. 17 (7 (140)), 59–70. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.059-070> EDN: ZAWKQM.
- Мухеева И.Е. Недобросовестные практики в деятельности банковских экосистем // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7 (140). С. 59–70. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.059-070> EDN: ZAWKQM.
- Moore, J. F. (1993) Predators and prey: A new ecology of competition. *Harvard Business Review*. 71 (3), 75–83.
- Neang, M., Méral, P., Aznar, O. & Déprés, C. (2019) Correction to: Trade-offs Between Ecosystem Services and Opportunity Costs in Maintaining the Tonle Sap Lake Agro-ecosystem (Cambodia). In: Stewart, M. & Coclanis, P. (eds.) *Water and Power. Advances in Global Change Research*. 64, 89–114. Cham, Springer Publ. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90400-9_6
- O'Connor, A., Stam, E., Sussan, F. & Audretsch, D.B. (2018) Entrepreneurial Ecosystems: The Foundations of Place-based Renewal. In: O'Connor, A., Stam, E., Sussan, F., Audretsch, D. (eds.) *Entrepreneurial Ecosystems. International Studies in Entrepreneurship*. Vol. 38. Cham, Springer Publ., pp. 1–21. https://doi.org/10.1007/978-3-319-63531-6_1
- Samsonova, M.V., Streltsova, E.G., Chaikin, A.V. et al. (2022) *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects*. In: Streltsov, E.G. (ed.) Moscow, Infotropic Media Publ. (In Russian).
- Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы: монография / Самсонова М.В., Стрельцова Е.Г., Чайкина А.В. и др.; отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 336 с.
- Trabskaja, J. & Mets, T. (2019) Ecosystem as the Source of Entrepreneurial Opportunities. *Foresight and STI Governance*. 13 (4), 10–22. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.4.10.22>
- Uzdenov, Sh.Sh. (2022) The concept of a “Bank ecosystem”. *Banking law*. (3), 46–54. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2022-3-46-54> EDN: RRGJY.
- Узденов Ш.Ш. Понятие «банковская экосистема» // Банковское право. 2022. № 3. С. 46–54. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2022-3-46-54> EDN: RRGJY.
- Whitmore, H.W. (2007) The Government Sectors. In: *The World Economy, Population Growth, and the Global Ecosystem*. New York, Palgrave Macmillan Publ., pp. 23–46. https://doi.org/10.1057/9780230607309_3
- Wu, S. & Lin, C.Y. (2019) Introduction. In: *Innovation and Entrepreneurship in an Educational Ecosystem*. Singapore, Springer Publ., pp. 1–20. https://doi.org/10.1007/978-981-32-9445-5_1

Сведения об авторе:

Агамагомедова Саният Абдулганиевна – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Институт государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 119019, Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-8265-2971; SPIN-код: 6403-7316

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Administrative Law and Administrative Process Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka St., Moscow, 119019, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8265-2971; SPIN-code: 6403-7316

e-mail: saniyat_aga@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-565-582>
EDN: OTRDMD

Научная статья / Research Article

Конституционное правоприменение: структурно-содержательный анализ

Р.А. Ромашов¹, А.Г. Самусевич^{2,3}

¹Мурманский Арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация

²Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Российская Федерация

³Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация
romashov_tgp@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что конституционное правоприменение остается противоречивым правовым институтом, который не в полной мере отражен в исследованиях ученых-конституционалистов и теоретиков права. В рамках исследования авторы приводят структурно-содержательный анализ понимания конституционного правоприменения в России на фоне перехода к новому этапу конституционного развития. Переосмысление сущности конституционного правоприменения сопровождается необходимостью преодоления сложных правовых, политических и идеологических противоречий. Цель исследования заключается в комплексном подходе к конституционному правоприменению и формированию его полноценной концепции. Применены соответствующие методы научного познания для углубленного изучения концепций конституционного права. Исследование основано на рациональном и методологическом подходе, направленном на прояснение традиционных гуманитарных концепций правоприменения конституционного права, основанных на принципах естественного права. По результатам исследования формулируется определение конституционного правоприменения, а также дается анализ различных видов конституционного правоприменения, что способствует более глубокому пониманию процесса применения норм Конституции. Кроме того, авторы исследуют конституционное правоприменение в контексте соотношения с концепцией «живой конституции». В заключении дается определение конституционного правоприменения, а также проводится анализ различных его видов, среди которых: прямое, производное, эксклюзивное и интерпретационное конституционное

правоприменение. Такой подход способствует более глубокому пониманию процесса реализации норм Конституции различными субъектами.

Ключевые слова: живая конституция, конституционные нормы, субъекты конституционного правоприменения, интерпретационная деятельность

Вклад авторов: Ромашов Р.А. – разработка концепции исследования, научное редактирование и рецензирование текста, обобщение результатов в заключительной части; Самусевич А.Г. – сбор и анализ нормативно-правовых актов и научной литературы, подготовка и оформление рукописи, написание основного текста статьи. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках инициативной НИОКР № 124050700059-3.

Поступила в редакцию: 29 июля 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Ромашов Р.А., Самусевич А.Г. Конституционное правоприменение: структурно-содержательный анализ // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 565–582. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-565-582> EDN: OTRDMD

Constitutional Law Enforcement: Structural and Substantive Analysis

Roman A. Romashov¹ , Aleksey G. Samusevich^{2,3}

¹Murmansk Arctic University, *Murmansk, Russian Federation*

²Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), *Irkutsk, Russian Federation*

³Irkutsk National Research Technical University, *Irkutsk, Russian Federation*
romashov_tgp@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic stems from the fact that constitutional law enforcement remains a controversial legal institution that has not yet been fully examined by constitutional law scholars and legal theorists. In this article, the authors offer a structural and substantive analysis of constitutional law enforcement in Russia in the context of the transition to a new stage of constitutional development. Reconsideration of the nature of constitutional law enforcement requires overcoming complex legal, political and ideological contradictions. The purpose of the study is to develop an integrated approach to constitutional law enforcement and to construct a comprehensive concept of this institution. Appropriate methods of scientific inquiry were employed to examine existing concepts of constitutional law. The study is based on rational and methodological approaches aimed at clarifying traditional concepts of constitutional law enforcement in the humanities that are grounded in the principles of natural law. The results include a formulated definition of constitutional law enforcement and an analysis of its various types, which contributes to a deeper understanding of the application of constitutional norms. In addition, the authors examine constitutional law enforcement in the context of its relationship with the concept of a “living constitution.” The article identifies and analyzes several forms of constitutional law enforcement — direct, derivative, exclusive, and interpretative — thus providing a more nuanced view of how constitutional norms are implemented by different actors.

Keywords: living constitution, constitutional norms, subjects of constitutional law enforcement, interpretive activity

Authors' Contribution: R.A. Romashov – development of the research concept, scientific editing and review of the text, synthesis of the results in the final section; A.G. Samusevich – collection and analysis of legal acts and scientific literature, preparation and formatting of the manuscript, rafting of the main text of the article. Both authors have read and approved the final version.

Data Availability Statement. All data obtained during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was prepared as part of the initiative R&D project No. 124050700059-3.

Received: July 29, 2025

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Romashov, R.A., Samusevich, A.G. (2026) Constitutional Law Enforcement: Structural and Substantive Analysis. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 565–582. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-565-582> EDN: OTRDMD

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в современной доктрине конституционного права до настоящего времени отсутствует определение конституционного правоприменения и не определены критерии соотношения понятий «действие», «реализация» и «применение» конституции. Отмеченная неопределенность негативно сказывается на эффективности конституционно-правового регулирования, а это, в свою очередь, влечет за собой делегитимацию «Основного закона» в субъективном правосознании.

Целью осуществленного исследования является комплексный анализ конституционного правоприменения как системного элемента механизма конституционно-правового регулирования.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих научных задач:

- осуществление общетеоретической характеристики механизма правового регулирования с определением места в нем института применения права;
- выполнение сопоставительного анализа категорий «действие», «реализация», «применение» права в контексте теоретической модели реалистического позитивизма;
- рассмотрение конституционного правоприменения в качестве средства практического воплощения принципа «прямого действия конституции»;
- изучение особенностей субъектного состава правоотношений в сфере конституционного правоприменения;
- исследование современной отечественной концепции «живой конституции»;
- определение места института конституционного правоприменения в системе «жизнеобеспечения» действующего «основного закона».

В ходе исследования авторы использовали как общенаучные, так и конкретно-правовые методы исследования, среди которых важную роль сыграл междисциплинарный синтез. Это позволило логичным образом объединить общетеоретические концепции с отраслевыми структурами и практической реализацией принципов и положений Конституции Российской Федерации.

Механизм правового регулирования и место в нем института применения права

В современной отечественной теории права механизм правового регулирования (далее – МПР) традиционно рассматривается в качестве совокупности правовых средств, посредством которых осуществляется регулятивно-охранительное воздействие формальных источников права на общественные отношения. При этом в качестве этапов процесса правового регулирования выделяются: разработка и принятие нормативного правового акта, юридический факт правомерного либо противоправного деяния, обусловленное этим фактом правоотношение, результат правового воздействия, выраженный в решении субъекта правоприменения по рассматриваемому делу, а также в позитивных или негативных последствиях, закрепленных в санкциях реализуемых правовых норм. Анализ подходов к пониманию МПР позволяет констатировать, что в ряде источников допускается «смешение» материальной (институциональной) и процессуальной (субстанциональной) составляющих данного феномена.

Фундаментальные основы учения о правоприменении как стадии механизма правового регулирования были заложены в трудах С.С. Алексеева (Alekseev, 1981) и В.М. Горшенёва (Gorshenev, 1972), которые рассматривали правоприменение как властную организационную деятельность компетентных органов, обеспечивающую реализацию правовых норм. Классическое определение правоприменения как особой формы реализации права, сочетающей черты иных форм и проявляющейся в деятельности полномочных органов, дано В.В. Лазаревым (Lazarev, 1972).

По мнению авторов, материальными элементами МПР являются объект правового регулирования, нормативные и организационные основы формирования и функционирования структур, реализующих регулятивные и охранительные функции, связанные с правовым воздействием, субъектный состав регулятивно-охранительных правоотношений, а также функциональные компетенции, объединяющие знания, навыки и умения, с помощью которых управомоченные субъекты реализуют возложенные на них функции.

Процессуальный компонент МПР состоит из регулирующих и охранительных правовых отношений, посредством которых и в рамках которых участвующие субъекты осуществляют свои права и обязанности в пределах своей функциональной компетенции. При реализации содержательных характеристик процесса правового регулирования целесообразно проводить различие между публично-правовыми и частноправовыми отношениями.

В рамках публично-правовых отношений существует иерархическое структурирование субъектного состава, предполагающее взаимодействие между субъектами власти и субъектами подчинения. Основным методом регулирующего и защитного воздействия применительно к публично-правовым отношениям является повелительный (приказной) императив, посредством которого субъекты власти вырабатывают поведенческие предписания, обязательные для субъектов подчинения. Последние не имеют возможности отказаться от выполнения адресованной им воли «вышестоящих» лиц, а также лишены права выбирать различные средства исполнительной деятельности. Формальными источниками публичного права являются нормативные правовые акты и публичные контракты, исходящие от государства и обеспеченные при их реализации системой государственных гарантий и санкций.

В сфере публично-правового регулирования субъектами правоприменительной деятельности являются исключительно представители государства (коллективные и индивидуальные). Предметную область публичного правоприменения составляют общественные отношения, связанные с разрешением споров о праве, а также с негативной (ретроспективной) юридической ответственностью, предусмотренной за несоблюдение порядка исполнения публичных обязанностей и нарушение публичных запретов.

Публичное правоприменение является формой властеотношений, в рамках которых государство, представленное компетентными органами и должностными лицами, опирается в своей деятельности на легальное государственное принуждение, выступающее в качестве гаранта реализации публично-правовых обязанностей, а также осуществления юридической ответственности за совершаемые субъектами правонарушения.

Соотношение понятий «действие», «реализация», «применение» Конституции

Рассмотрение конституции как юридической формы (источника) национального права актуализирует проблему ее практического воплощения. В Конституции РФ 1993 г.¹ говорится о прямом действии «основного закона» (ч. 1 ст. 15). При этом не вполне понятно, какую смысловую нагрузку несет термин «действие». С одной стороны, действие – это фактор, определяющий «наполнение» конституционной формы юридической силой. В этом контексте мы можем сослаться на точку зрения Б.С. Эбзеева, который отмечает, что «действие Конституции» имеет динамический аспект, означающий ее интеграцию в ткань общественных отношений как ограничение публичной власти и гарантию прав личности как основные критерии «правовости» государства с присущим ему верховенством закона (Ebzeev, 2008).

Как видится, в качестве источника национального права выступает только «действующая» конституция. Соответственно, конституционные акты, утратившие юридическую силу, перестают действовать, «переходя» в разряд исторических артефактов, лишенных возможности оказывать регулятивно-охранительное воздействие на общественные отношения.

В этой связи считаем верным следующее утверждение: «Конституция – это не священное писание, а документ, созданный конкретными людьми в довольно сложной социально-политической ситуации и содержащий множество внутренних противоречий. Соответственно, и Президент государства, и члены Конституционного Суда являются не жрицами, которые служат Конституции как тотемическому символу и обладают сверхъестественными возможностями общения с доступным только им «конституционным духом», а чиновниками, работающими на определенных должностях, которые в силу своего служебного положения наделены компетенцией, позволяющей им осуществлять конкретную законотворческую, правотворческую и правоприменительную деятельность в конституционной сфере» (Romashov, Vetyutnev & Tonkov, 2015).

Тем не менее, отметим, что в рамках инструментального подхода действие конституции означает ее реализацию – практическое воплощение конституционных

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 12.06.2025).

норм и принципов, выраженных в юридически значимых результатах оценки. При таком понимании представляется целесообразным различать непосредственное и опосредованное действие конституции.

В свою очередь, юридическими формами непосредственного действия конституции являются: соблюдение конституционных запретов, исполнение конституционных обязанностей и использование конституционных возможностей. Во всех перечисленных формах результат действия (реализации) конституции определяется субъективными деяниями лица (как физического, так и юридического), непосредственным образом в этом результате заинтересованного.

Для более полного понимания представленной темы приведем несколько примеров.

Статья 13 (часть 5) Конституции РФ запрещает создание и деятельность «общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя...». Соблюдение этого запрета выражается в несовершении индивидуальными и коллективными субъектами деяний, указанных в статье.

Статья 57 определяет обязанность каждого «платить законно установленные налоги и сборы». Реализация данного нормативного положения осуществляется путем своевременных платежей. При этом неисполнение данной конституционной обязанности, равно как исполнение с нарушением действующего правового порядка, является правонарушением и влечет привлечение виновного субъекта к юридической ответственности.

В ч. 2 статьи 37 содержится норма, в соответствии с которой «граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти...». Реализация такой возможности не предполагает принудительного обеспечения и обеспечивается исключительно субъективным волеизъявлением, которое считается осуществленным как в случае совершения субъектом определенных действий (выдвижением собственной кандидатуры на представительную должность, непосредственным голосованием за одного из кандидатов и т.п.), так и сознательного добровольного бездействия.

Во всех приведенных примерах результат правового воздействия достигается за счет деяний, совершаемых субъектами непосредственно в этих результатах заинтересованных. Однако в большинстве случаев обеспечить действие конституции исключительно в форме ее непосредственной реализации представляется невозможным, а это, в свою очередь, влечет необходимость «включения» механизма опосредованной реализации (действия) конституции в форме конституционного правоприменения.

Исходя из проведенного анализа форм реализации конституционных норм, можно предварительно определить понятие «реализация конституционных норм» следующим образом: *целенаправленная правомерная деятельность субъектов конституционных правоотношений, в результате которой формируются субъективные права и юридические обязанности* (Samusevich, 2023).

Как и было отмечено ранее, реализация конституционных норм осуществляется, помимо прочего, посредством правоприменения. Это обусловлено тем, что ряд конституционных норм не может быть реализован путем исполнения, соблюдения или использования.

Авторы поддерживают и разделяют позицию В.В. Лазарева, полагающего, что «...правоприменение, являясь своего рода посредником между нормами права и их адресатами, обеспечивает реализацию правовых требований таким образом, который наиболее точно соответствует целям, поставленным государством в правовых нормах. Не предоставление прав и обязанностей, не создание правовых отношений, а надлежащее осуществление существующих прав и обязанностей, нормальное функционирование системы правовых отношений является частью целей правоохранительной деятельности» (Lazarev, 1979).

Принимая за основу дальнейших рассуждений процитированную точку зрения, следует выделить признаки института применения права:

- выделение в субъектном составе правоприменительных отношений субъектов, наделенных специальными компетенциями в определенной предметом регулирования (охраны) сферы правоприменительной деятельности;
- обусловленность правоприменительных отношений самостоятельными целевыми установками, непосредственным образом не связанными с личными интересами субъектов правоприменения;
- процессуальный порядок применения права, включающий стадии формирования фактического состава с последующей его юридической квалификацией, а также постановлением, принятием и оглашением решения;
- оформление принятого решения актом применения права.

Переходя от общей теории права к отраслевой практике, стоит отметить, что конституционное правоприменение выступает в качестве особой процессуальной формы опосредованной реализации конституционных норм. Рассмотрим эти особенности применительно к конституционному правоприменению.

В качестве специальных субъектов конституционного правоприменения представляется возможным рассматривать как типичных (государственные органы и должностные лица, общественные организации со статусом юридического лица, правосубъектные индивиды – физические лица), так и нетипичных (государство, народ, президент) правоприменителей. Рассмотрение президента в качестве нетипичного субъекта правоприменения обусловлено его рассмотрением как высшего органа государственной власти, в структуре которого представлены действующий Президент (гражданин РФ, обладающий правовым статусом президента) и его администрация, выступающая в качестве «материального придатка» института президентской власти, и как высшего должностного лица в иерархической «вертикали» единой системы публичной власти. Кроме того, специфическая роль президента в механизме конституционного правоприменения определяется его статусом – «гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина», а также prerogatives в сфере конституционного правотворчества.

Целевыми установками, определяющими направленность «вектора» конституционного правоприменения, выступают стратегические приоритеты общенационального (государственного) развития непосредственным образом не связанные с личными «симпатиями и антипатиями» вовлеченных в конституционные правоотношения лиц.

Процесс конституционного правоприменения представлен тремя видовыми формами: применение норм действующей конституции, изменение действующей конституции, разработка и принятие новой конституции. В каждой из перечисленных форм можно выделить вышеперечисленные этапы правоприменительной

деятельности, однако их субъектный состав, предметная область, целевые установки и содержательное наполнение наглядным образом свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к их аналитическому рассмотрению.

С учетом вышесказанного следует разграничивать акты конституционного правоприменения с выделением актов применения действующей конституции, а также актов, закрепляющих внесенные в конституцию изменения и легализующих факт вступления в юридическую силу новой конституции.

Институт конституционного правоприменения в механизме реализации «живой» конституции

В настоящее время формальными источниками, в совокупности формирующими национальную конституционно-правовую систему, являются Конституция Российской Федерации 1993 года с внесенными в нее поправками в сочетании с нормативными актами толкования Конституционного Суда Российской Федерации. В совокупности эти правовые формы образуют феномен «живой конституции», которая существенно отличается по своему теоретическому пониманию от своей советской аналогии, представленной исключительно «писаной конституцией» (Romashov, 2022).

Вместе с тем можно подчеркнуть, что введение в отечественную юридическую терминологию понятий «живое право» и «живая конституция» связано в первую очередь с активизацией интегративных типов правопонимания, «пришедших» в условиях «новой» России на смену ортодоксальному позитивизму советского периода и предполагающих соединение в единой понятийной конструкции нормативистского, естественно-правового и социолого-исторического подходов.

Различные подходы к пониманию «живой конституции», по мнению Л.Г. Берлявского, опираются на эволюционную концепцию конституционной интерпретации, так как они исходят из признания принципа конституционного развития и доктрины толкования Конституции как основной прерогативы высшей судебной инстанции (Berlyavsky, 2015).

В свою очередь, В. И. Червонюк в исследовании приходит к выводу, что «живая конституция» – это одновременно свойство и особый «настрой» конституционной системы к использованию регулятивного потенциала (силы) конституции в изменяющейся социально-правовой среде, обеспечивая тем самым стабильность конституционного строя, создавая комфортные условия для функционирования государственных институтов, реализации и защиты прав и свобод. В этом смысле «живая конституция» – это национальная конституция, которая постоянно адаптируется к меняющемуся конституционному порядку (Chervonyuk, 2018).

Как отмечает Н.Т. Леоненко, смысловое преобразование аутентичного текста Конституции, осуществляемое путем нормативного толкования ее положений и принципов, является естественным и неотвратимым процессом, при котором происходит существенная трансформация значения отдельных конституционных статей без формальной коррекции текста за счет эволюционирующей судебной практики (Leonenko, 2019).

Теория «живой» конституции может применяться не только в рамках официального толкования Конституции Российской Федерации, но и в других сферах деятельности Суда. Это включает как абстрактный, так и конкретный конституционный контроль, в ходе которых Суд имеет возможность давать гибкое и развивающееся

толкование Основного закона, необходимое для аргументации в конкретных делах (Chervonyuk, 2020).

Стоит особо подчеркнуть, что понимание действующей Конституции Российской Федерации как «живой», с одной стороны, предполагает возможность внесения текстовых изменений по инициативе главы государства, президента, а с другой стороны, допускает смысловую коррекцию конституционных норм путем официального толкования Конституционным Судом РФ. Хотя решения Конституционного Суда РФ формально не являются конституционными законами, их юридическая значимость, по меньшей мере, равна положениям аутентичного текста Конституции.

Таким образом, в контексте концепции «живой» конституции, конституционное правоприменение следует рассматривать и как средство практического выражения «юридической жизни» Конституции, как основного закона государства и общества на современном историческом этапе, и как практического инструмента конституционного нормотворчества, посредством которого «жизнь» Конституции формируется и видоизменяется.

Виды конституционного правоприменения

Конституционное правоприменение как сложное и многомерное явление может быть классифицировано по различным основаниям. В зависимости от предметной области, субъектного состава и целевой направленности представляется возможным выделить несколько основных видов: прямое, производное и интерпретационное. Кроме того, особая роль главы государства в конституционном процессе позволяет говорить о необходимости обособления эксклюзивного конституционного правоприменения, осуществляемого Президентом Российской Федерации.

При этом важно учитывать, что предлагаемая классификация строится не только на общетеоретических представлениях о правоприменении, но и на конституционно-правовой специфике. В силу учредительного характера Конституции, ее прямого действия и особого статуса субъектов конституционных правоотношений границы между правоприменением, правотворчеством и иными формами реализации права в ряде случаев оказываются подвижными. Выделяемые далее виды отражают эту специфику и позволяют, с одной стороны, сохранить связь с классической теорией, а с другой – учесть реальные особенности конституционной практики.

Прямое конституционное правоприменение (в широком смысле) охватывает случаи, когда конституционные нормы реализуются непосредственно теми субъектами, которые обладают учредительной или высшей конституционной компетенцией, – народом, Президентом РФ, Конституционным Судом РФ.

С позиций общей теории права деятельность этих субъектов может квалифицироваться по-разному: участие народа в референдуме традиционно относится к правотворчеству, акты Президента – к сфере его дискреционных полномочий, а решения Конституционного Суда РФ – к интерпретационной практике. Однако в конституционно-правовом измерении все эти формы объединяет то, что они обеспечивают непосредственную реализацию Конституции без необходимости в дополнительных правовых механизмах, опираясь на прямое действие Основного закона (ч. 1 ст. 15).

Принятие Конституции на референдуме 1993 года и одобрение поправок 2020 г. – это акты, в которых народ непосредственно осуществляет свою учредительную власть (ст. 3 Конституции РФ). Характеризуя роль народа в конституционном процессе, Ю.И. Скуратов отмечает, что «коллективная личность – российский народ

(многонациональная российская нация) – не только является основой большинства евразийских теорий, но и выступает в качестве главного действующего лица в реальной политике. От социального и духовного благополучия этого народа зависит судьба российской государственности и будущее Евразии» (Skuratov, 2017).

Эта характеристика подчеркивает, что участие народа в референдумах и голосованиях по конституционным вопросам не может сводиться к обычному правотворчеству, а представляет собой реализацию его учредительной власти. Хотя в строгом смысле слова референдум – это правотворчество, его значение для конституционного правоприменения состоит в том, что он задает нормативную основу, которая в дальнейшем подлежит применению всеми иными субъектами. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 21.03.2007 № 3-П², решения, принятые на референдуме, «обладают императивным характером и не нуждаются в каком-либо дополнительном утверждении». Тем самым акты народа имеют прямое действие и обязательны для всех правоприменителей.

Свойство прямого действия Конституции РФ означает, что ее нормы могут применяться судами и иными органами непосредственно, без отсылки к конкретизирующему законодательству. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31.10.1995 № 8³, суды обязаны применять Конституцию в качестве акта прямого действия, в частности, когда положения Конституции не требуют дополнительной регламентации или когда закон противоречит ей.

В научной юридической литературе справедливо обращается внимание на то, что прямое действие Конституции предоставляет человеку и гражданину возможность отстаивать свои нарушенные права, ссылаясь на ее нормы, даже в отсутствие каких-либо дополнительных актов, способствующих наиболее полному соблюдению конституционных норм (Anichkin & Ryakhovskaya, 2018).

Таким образом, прямое конституционное правоприменение в узком смысле – это деятельность судов и органов власти по разрешению конкретных дел на основе непосредственно конституционных норм, а также реализация гражданами своих прав, гарантированных прямым действием Конституции РФ.

В настоящей работе мы используем термин «прямое» в более широком значении, чтобы подчеркнуть особую роль субъектов, стоящих у истоков конституционного регулирования.

Президент РФ как гарант Конституции (ст. 80) и Конституционный Суд РФ как орган конституционного контроля также участвуют в прямом конституционном правоприменении, но их деятельность будет подробнее рассмотрена в рамках эксклюзивного и интерпретационного видов соответственно.

Под *производным конституционным правоприменением* понимается деятельность судов, органов государственной власти и должностных лиц по применению законов и подзаконных нормативных актов, которые приняты на основе и во исполнение Конституции РФ.

---

² По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа : Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.2007 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 14. ст. 1741.

³ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

В отличие от прямого применения, где конституционная норма выступает непосредственным регулятором, здесь конституционное содержание реализуется опосредованно – через отраслевое законодательство, конкретизирующее конституционные положения. Именно такой способ применения составляет основной массив правоприменительной практики, поскольку большинство общественных отношений урегулировано не непосредственно Конституцией РФ, а развивающимися ее законами.

В повседневной деятельности правоприменитель, как правило, ссылается на конкретный закон или подзаконный акт, а не прямо на Конституцию РФ. Это не означает, что Конституция игнорируется, – напротив, ее требования учитываются через принцип иерархии нормативных актов. Как отмечается в литературе, именно в процессе трансформации относительно общих конституционных установлений в конкретные и безусловные нормы конституционные предписания обретают свою практическую действенность. Верховенство Конституции в этой модели обеспечивается требованием соответствия всех правовых актов ее нормам, а оценка такого соответствия (конституционности) возлагается на специально уполномоченные органы конституционного контроля (Antonenko, 2013).

Важно подчеркнуть, что производное правоприменение не исключает возможности прямого применения Конституции в случаях, предусмотренных законом или выявленных судом. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31.10.1995 № 8, суд, применяя закон, обязан исходить из конституционного толкования соответствующих норм, а при обнаружении противоречия между законом и Конституцией – применять непосредственно Конституцию. Таким образом, производное и прямое правоприменение находятся в тесной взаимосвязи, обеспечивая единство конституционно-правового регулирования.

Примером производного конституционного правоприменения может служить деятельность судов по применению налогового законодательства. Конституционный принцип равенства налогообложения (ст. 57 Конституции РФ) реализуется через нормы Налогового кодекса РФ, а споры о его нарушении разрешаются судами с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В Постановлении от 13.03.2008 № 5-П⁴ Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобы граждан на положения Налогового кодекса о налоговых вычетах, сформулировал правовые позиции, исходя из конституционных принципов равенства и справедливости. Суд указал, что налоговое законодательство должно применяться с учетом конституционных требований, и задал параметры, которые обязаны учитывать все правоприменители. В этом решении Конституционный Суд РФ не заменяет собой законодателя, но задает конституционные рамки, которые обеспечивают конституционное измерение производного правоприменения в налоговой сфере.

Таким образом, производное конституционное правоприменение выступает основным механизмом повседневной реализации Конституции, обеспечивая ее «присутствие» в самых различных сферах правового регулирования через отраслевое законодательство и судебную практику. Оно не противопоставляется прямому применению, а дополняет его, образуя целостную систему конституционно-правового воздействия.

⁴ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений подпунктов 1 и 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Аникина, Н.В. Ивановой, А.В. Козлова, В.П. Козлова и Т.Н. Козловой : Постановление Конституционного Суда РФ от 13.03.2008 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2008. № 12. Ст. 1183.

Интерпретационное нормотворчество как инструмент конституционного правоприменения. Рассуждая о сущности конституционного правоприменения, мы приходим к выводу, что его особой формой является интерпретационная деятельность, придающая конституционному правоприменению содержательный смысл, наделяющая его динамическими характеристиками и содействующая повышению эффективности самого процесса правоприменения.

В современной юридической науке сохраняется дискуссия о природе решений Конституционного Суда РФ. С одной стороны, они выносятся по конкретным делам и, следовательно, являются актами правоприменения. С другой – сформулированные в них правовые позиции имеют общеобязательное значение, восполняют пробелы и фактически выступают в роли нормативных регуляторов, что сближает их с правотворчеством.

Эта двойственность породила в литературе понятие «интерпретационное нормотворчество», которое, при всей его условности, позволяет подчеркнуть особую, синкретичную природу деятельности Конституционного Суда РФ, не укладывающуюся в жесткую дихотомию «правоприменение – правотворчество».

Использование данного термина в настоящей работе отражает стремление авторов зафиксировать эту специфику, не отрицая при этом классических теоретических конструкций, а дополняя их применительно к конституционно-правовой материи.

Официальное нормативное толкование конституционных норм, имеющее общеобязательное значение, относится к исключительной компетенции Конституционного Суда РФ. При этом элементы интерпретации присутствуют в деятельности любого суда, применяющего конституционные нормы, однако именно решения Конституционного Суда РФ задают параметры понимания конституционных положений для всех правоприменителей. Как отмечает С.Л. Сергевнин, «Конституционный Суд – это особый судебный орган, осуществляющий конституционный контроль. Он занимается интерпретацией (толкованием) нормативных актов, которые стали предметом судебного разбирательства. В некоторых случаях эта деятельность осуществляется в рамках текущего правоприменительного процесса» (Sergevnnin, 2012).

Примером может служить Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П⁵, в котором суд, истолковав конституционный принцип неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ) во взаимосвязи с положениями Жилищного кодекса РФ, признал неконституционным сложившееся в правоприменительной практике понимание норм о наследовании. Тем самым Конституционный Суд РФ не только разрешил конкретное дело (правоприменительный аспект), но и сформулировал правовую позицию, обязательную для всех судов при применении соответствующих законоположений (интерпретационный аспект, выходящий за рамки конкретного дела). Аналогичным образом в Постановлении от 19.04.2016 № 12-П⁶ Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобы граждан на нарушения уголовно-процессуального законодательства, дал толкование понятия «законный

⁵ По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 1. ст. 79.

⁶ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Gladkov против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

состав суда» (ст. 47 Конституции РФ), указав, что оно должно пониматься не формально, а как гарантия права на справедливое правосудие, что повлекло корректировку судебной практики по уголовным делам.

В контексте рассматриваемой проблемы возникает ряд сложных теоретических и прикладных вопросов, требующих дальнейшего изучения. Необходимо исследовать взаимосвязь между интерпретационной деятельностью и эффективностью реализации конституционных норм, определить точное место и роль толкования в процессе применения конституционного права. Сложившаяся в современной России концепция конституционной интерпретации исходит из того, что она является кульминационным моментом, вершиной юридической деятельности в сфере конституционного правоприменения. Д.А. Липинский и А.А. Иванов отмечают, что Конституционный суд РФ часто ориентируется на такой подход, согласно которому в качестве действительно действующего («живого») права необходимо определять не то, что декларируется на государственном уровне, даже в акте конституционного характера, а то, что воплощено в реальную судебную практику толкования, которая не только констатирует наличие неопределенностей в правовом регулировании, но и формулирует правовые позиции, существенно влияющие на процесс корректировки различных отраслей законодательства (Lipinsky & Ivanov, 2024).

Подводя итог анализу категорий «интерпретация» и «конституционное правоприменение», можно сделать вывод, что интерпретация как форма конституционного правоприменения характеризуется особой активностью субъектов соответствующих правоотношений с соблюдением определенных правил и процедур, установленных правовыми нормами. Интерпретация конституционных норм наполняет конституционное правоприменение содержательным смыслом, придавая ему динамические характеристики и способствуя достижению эффективности самого процесса применения. В то же время интерпретация (толкование) выступает как отдельный этап в процессе применения положений Конституции, суть которого заключается в правильном понимании применимой нормы (Samusevich, 2024).

Эксклюзивное конституционное правоприменение. Особого внимания в рамках предлагаемой классификации заслуживает деятельность главы государства, которая не укладывается в стандартные представления о правоприменении как применении готовых норм к типовым ситуациям. Речь идет об эксклюзивном конституционном правоприменении – особом виде деятельности, специальным субъектом которой выступает Президент Российской Федерации.

Теоретическое обоснование выделения данного вида базируется на уникальном конституционном статусе Президента. Согласно статье 80 Конституции РФ Президент является главой государства, гарантом Конституции, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти. Эта функция не сводится к простому исполнению предписаний – она предполагает наличие дискреционных полномочий, позволяющих действовать в ситуациях, которые не урегулированы детально, но требуют конституционно значимых решений. Как сложилось в отечественной юриспруденции, Президент, будучи носителем верховной публичной власти, осуществляет деятельность, которая по своей правовой силе и последствиям носит правоприменительный характер, однако источником и пределом его полномочий является непосредственно Конституция, что делает его деятельность высшей формой реализации государственной воли в рамках, установленных правом.

Наиболее ярким примером эксклюзивного конституционного правоприменения стала инициатива Президента РФ в ходе конституционной реформы 2020 г.

Предложенный главой государства порядок одобрения поправок к статьям 3–8 Конституции РФ предусматривал два обязательных условия: направление Закона о поправке в Конституционный Суд РФ для проверки его соответствия положениям глав 1, 2 и 9 Конституции, а также последующее вынесение вопроса на общероссийское голосование. Примечательно, что такая процедура не была прямо предусмотрена ни самим Основным законом, ни Федеральным законом от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»⁷. Тем не менее, она была реализована и получила конституционно-правовую легитимацию.

Эксклюзивность данного процесса заключается в том, что Президент действовал в условиях нормативной неопределенности: не применял готовую норму (поскольку она отсутствовала) и не создавал новую норму в законодательном порядке (что заняло бы время и не гарантировало легитимности), а предложил конституционную модель – способ реализации конституционных ценностей, обеспечивающий легитимность изменений и опирающийся на его статус гаранта Конституции РФ. Конституционный Суд РФ в Заключении от 16.03.2020 № 1-3⁸ фактически признал правомерность такого подхода, указав, что предложенный Президентом механизм не противоречит основам конституционного строя и направлен на реализацию воли народа. В экспертном сообществе вопрос о допустимости данной процедуры также обсуждался, и в итоге были даны положительные заключения.

Таким образом, эксклюзивное конституционное правоприменение характеризуется:

- особым субъектом – Президентом РФ как гарантом Конституции;
- действиями в ситуации нормативной неопределенности (пробельности), когда отсутствует готовая правовая норма, но требуется конституционно значимое решение;
- использованием дискреционных полномочий, вытекающих из статьи 80 Конституции;
- последующей легитимацией через конституционный контроль (Заключение КС РФ) и/или прямое волеизъявление народа;
- сочетанием элементов правоприменения (реализация конституционных полномочий) и элементов правотворчества (восполнение пробелов, инициирование новых процедур), что не отменяет его правоприменительной природы, а подчеркивает ее сложный, синкретичный характер.

Как отмечает Н.А. Глебова, дискуссии по поводу конституционных изменений 2020 года не утихают, что свидетельствует об эволюции механизма конституционных преобразований без формального пересмотра соответствующих конституционных норм (Glebova, 2021).

В этом смысле эксклюзивное конституционное правоприменение выступает инструментом эволюционной адаптации конституционного порядка, позволяя главе государства в критически важных для развития страны ситуациях обеспечивать баланс между стабильностью Основного закона и необходимостью его динамической реализации.

⁷ Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 10. ст. 1146.

⁸ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.

Заключение

Проведенное исследование показало, что конституционное правоприменение представляет собой сложный и многомерный феномен, не сводимый к классическим общетеоретическим схемам. Учредительный характер Конституции, ее прямое действие и особый статус субъектов конституционных правоотношений обуславливают необходимость выделения нескольких видов конституционного правоприменения, различающихся по предметной области, субъектному составу и целевой направленности.

В рамках исследования обоснована классификация, включающая прямое, производное, интерпретационное и эксклюзивное конституционное правоприменение. Прямое правоприменение связано с деятельностью народа как носителя учредительной власти и реализацией принципа прямого действия Конституции судами и иными органами. Производное правоприменение выступает основным механизмом повседневной реализации конституционных норм через отраслевое законодательство. Интерпретационное правоприменение, осуществляемое Конституционным Судом РФ, сочетает разрешение конкретных дел с формированием общеобязательных правовых позиций, что позволяет говорить об «интерпретационном нормотворчестве» как особой форме конституционно-правовой деятельности. Эксклюзивное правоприменение, субъектом которого выступает Президент РФ как гарант Конституции, проявляется в ситуациях нормативной неопределенности и обеспечивает эволюционную адаптацию конституционного порядка.

Предложенная классификация опирается на анализ реальной правоприменительной практики, включая решения Конституционного Суда РФ, разъяснения Верховного Суда РФ и деятельность главы государства, что позволяет рассматривать ее не только как теоретическую конструкцию, но и как инструмент описания реальных процессов реализации Конституции.

Таким образом, конституционное правоприменение может быть определено как особый вид организационной деятельности компетентных субъектов (народа, органов государственной власти, должностных лиц), наделенных полномочиями по непосредственной или опосредованной реализации конституционных норм в конкретных жизненных ситуациях, обеспечивающий воплощение принципов и положений Основного закона в жизнь. Дальнейшее исследование данной проблематики может быть связано с углубленным анализом эффективности каждого из выделенных видов и их влияния на стабильность конституционного правопорядка.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1981) *General Theory of Law*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (In Russian).
 Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 томах. Т. 1. Москва : Юридическая литература, 1981. 360 с.
- Anichkin, E.S. & Ryakhovskaya, T. I. (2018) Direct effect and application of provisions of the Constitution of the Russian Federation: the question of the delimitation of concepts. *Law Enforcement Review*. 2 (1), 31–39. (In Russian).
 Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 31–39.
- Antonenko, V.M. (2013) Contemporary implementation models of constitution and principle of direct action of constitution. *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 13 (2), 115–126. (In Russian). EDN: SAGYXN.

- Антоненко В.М. Современные модели реализации конституции и принцип ее прямого действия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. № 2. С. 115–126. EDN: SAGYXN.
- Berlyavsky, L.G. (2015) The development of the evolutionary concept of constitutional interpretation. *Law Bulletin of the Rostov State University of Economics*. (1-2 (73-74)), 12–17. (In Russian). EDN: XELQEB.
- Берлявский Л.Г. Развитие эволюционной концепции конституционной интерпретации // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2015. № 1-2 (73-74). С. 12–17. EDN: XELQEB.
- Chervonyuk, V.I. (2018) Concept of “the live constitution” in the Russian constitutional discourse. *International Journal of Constitutional and State Law*. (4), 18–25. (In Russian). EDN: POGZCO.
- Червонюк В.И. Концепт «живой конституции» в российском конституционном дискурсе // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 18–25. EDN: POGZCO.
- Chervonyuk, V.I. (2020) Transformation of the idea of a “living constitution” in Russian constitutional practice. *Law and State: the theory and practice*. (2 (182)), 124–128. (In Russian). EDN: QARPWU.
- Червонюк В.И. Трансформация идеи «живой конституции» в российской конституционной практике // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 124–128. EDN: QARPWU.
- Ebzeev, B.S. (2008) The constitution of the Russian federation: direct effect and conditions of implementation. *State and Law*. (7), 5–15. (In Russian). EDN: JHKZWL.
- Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7. С. 5–15. EDN: JHKZWL.
- Glebova, N.A. (2021) On the problems of legal technique of amendments to the Constitution of the Russian Federation. In: *Tambov Legal Readings named after F. N. Plevako: proceedings of the V International Scientific and Practical Conference*. Tambov, Publishing house “Derzhavinsky”, pp. 321–324. (In Russian). EDN: OZNHZM.
- Глебова Н.А. О проблемах юридической техники поправок к Конституции Российской Федерации // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. С. 321–324. EDN: OZNHZM.
- Gorshenev, V.M. (1972) *Methods and Organizational Forms of Legal Regulation in Socialist Society*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (In Russian).
- Горшенёв В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юридическая литература, 1972. 258 с.
- Lazarev, V.V. (1972) *Application of Soviet Law*. Kazan, Kazan University Press. (In Russian). EDN: VMPYVB.
- Лазарев В.В. Применение советского права. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. 200 с. EDN: VMPYVB.
- Lazarev, V.V. (1979) The importance of procedural norms in ensuring the effective operation of law enforcement entities. In: Yaroslavl State University. *Actual problems of the legal process in the national state: interuniversity thematic collection*. Yaroslavl, Yaroslavl State University, pp. 14–18. (In Russian).
- Лазарев В.В. Значение процессуальных норм в обеспечении эффективной деятельности правоприменяющих субъектов // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: межвузовский тематический сборник. Вып. 1. Ярославль : Ярославский государственный университет, 1979. С. 14–18.
- Leonenko, N.T. (2019) The phenomenon of a “living constitution” and the status of the head of state. *Russian Juridical Journal*. (3 (126)), 63–74. (In Russian). EDN: XBODIX.

- Леоненко Н.Т. Феномен «живой конституции» и статус главы государства // Российский юридический журнал. 2019. № 3 (126). С. 63–74. EDN: XBODIX.
- Lipinsky, D.A. & Ivanov, A.A. (2024) Manifestations of Legal Anomy in the Field of Implementation of Constitutional Norms. *Ex Jure*. (4), 7–25. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2024-4-7-25> EDN: LIBDYK.
- Липинский Д.А., Иванов А.А. Проявления юридической аномии в сфере реализации конституционных норм // *Ex Jure*. 2024. № 4. С. 7–25. <https://doi.org/10.17072/2619-0648-2024-4-7-25> EDN: LIBDYK.
- Romashov, R.A., Vetyutnev, Yu.Y. & Tonkov, E.N. (2015) *Law – is the language and scale of freedom*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ. (In Russian).
- Ромашов Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы: монография. СПб. : Алетейя, 2015. 445 с.
- Romashov, R.A. (2022) Constitutional and legal systems of the modern world: Experience of comparative analysis (article 3). *Leningrad Legal Journal*. (3 (69)), 36–50. (In Russian). https://doi.org/10.35231/18136230_2022_3_36 EDN: BSZWDU.
- Ромашов Р.А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 3) // Ленинградский юридический журнал. 2022. № 3 (69). С. 36–50. https://doi.org/10.35231/18136230_2022_3_36 EDN: BSZWDU.
- Samusevich, A.G. (2023) Forms of implementation of constitutional norms: theory and practice. *Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. (3 (106)), 43–52. (In Russian). <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.90.23.004> EDN: PLRPSG.
- Самусевич А.Г. Формы реализации конституционных норм: теория и практика // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 43–52. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2023.90.23.004> EDN: PLRPSG.
- Samusevich, A.G. (2024) Interpretative activity as a form of constitutional law enforcement: (Part 1). *Theory of State and Law*. (1 (35)), 259–271. (In Russian). https://doi.org/10.47905/MATGIP.2024_1_35_259 EDN: PZRAZB.
- Самусевич А.Г. Интерпретационная деятельность как форма конституционного правоприменения (часть 1) // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 259–271. https://doi.org/10.47905/MATGIP.2024_1_35_259 EDN: PZRAZB.
- Sergevnin, S.L. (2012) Normative and interpretative aspects of constitutional control activities. *Proceedings of the North-West Academy of Public Administration*. 3 (1 (5)), 198–209. (In Russian). EDN: PDXBYD.
- Сергеев С.Л. Нормотворческие и интерпретационные аспекты конституционно-контрольной деятельности // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2012. Т. 3. № 1 (5). С. 198–209. EDN: PDXBYD.
- Skuratov, Yu. I. (2017) The “people” category in Russian constitutional law (Eurasian tradition and modernity). *Lex Russica*. (10 (131)), 9–26. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.131.10.009-026> EDN: ZQMUQF.
- Скуратов Ю.И. Категория «народ» в конституционном праве России (евразийские традиции и современность) // *Lex Russica*. 2017. № 10 (131). С. 9–26. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.131.10.009-026> EDN: ZQMUQF.

Сведения об авторах:

Ромашов Роман Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет; Российская Федерация, 183010, г. Мурманск, ул. Спортивная, д. 13

ORCID: 0000-0001-9777-8625; SPIN-код: 6330-8912

e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и теории права, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); Российская Федерация, 664011, г. Иркутск, Некрасова, д. 4; доцент кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет; Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83

ORCID: 0000-0003-0845-1343; SPIN-код: 7942-7187

e-mail: samusevich79@mail.ru

About the authors:

Roman A. Romashov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Department of Theory and History of State and Law, Murmansk Arctic University; 13 Sportivnaya st., Murmansk, 183010, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9777-8625; SPIN-code: 6330-8912

e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Aleksey G. Samusevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice; 4 Nekrasov st., Irkutsk, 664011, Russian Federation; Associate Professor, Department of Jurisprudence, Irkutsk National Research Technical University; 83 Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0845-1343; SPIN-code: 7942-7187

e-mail: samusevich79@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-583-598>
EDN: PCERYC

Научная статья / Research Article

Правовая регламентация искусственного прерывания беременности: от Русского царства до Российской Федерации

А.Н. Довнар

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва,
Российская Федерация
 adovnar@hse.ru

Аннотация. Право на искусственное прерывание беременности (аборт) сегодня в российском законодательстве отсутствует, предусмотрена лишь правовая регламентация его совершения в случае отказа женщины от зачатого ею ребенка в пределах принятия решения по вопросу о материнстве. Следует признать, что самостоятельное принятие женщиной такого решения посредством обращения за медицинским вмешательством с целью избавления от беременности влечет за собой столкновение частного и публичного интересов. *Цель исследования* – выявление причин усугубления конфликта между интересами беременной женщины, стоящей перед выбором сохранения или умерщвления ребенка, и государством, радеющем о сбережении и преумножении нации. В исследовании использованы диалектический, формально-юридический, конкретно-исторический и иные методы. Автором исследуется специфика осмысления отечественным законодателем возможности совершения аборта и динамики ее закрепления в источниках права своего времени, от царства до Федерации. Отмечается, что изменение отношения к репродуктивному потенциалу человека зависело от общественно-политической формации конкретной исторической эпохи, где поначалу была сильной роль общественных институтов (главным образом Русской православной церкви), которая со временем ослабевала, а затем вновь начала возвышаться, что неизбежно оказывало и продолжает оказывать влияние на консерватизм или либерализацию нормативного регулирования в означенной сфере. Исследователь приходит к выводу, что возникла необходимость переоценки расширительного понимания репродуктивной свободы женщины и ее отражения на законодательном уровне в нашей стране.

Ключевые слова: медицинское право, аборт, права женщин, права пациентов, медицинская помощь, репродуктивные технологии, вспомогательные репродуктивные технологии, демографическая безопасность, национальные интересы

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 14 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Довнар А.Н. Правовая регламентация искусственного прерывания беременности: от Русского царства до Российской Федерации // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 3. С. 583–598. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-583-598> EDN: PCERYC

Legal Regulation of Artificial Termination of Pregnancy: From the Russian Tsardom to the Russian Federation

Alexey N. Dovnar

National Research University “Higher School of Economics”, *Moscow, Russian Federation*
 adovnar@hse.ru

Abstract. Russian legislation currently does not recognize a right to artificial termination of pregnancy (abortion); it only regulates the procedure for its performance when a woman decides not to carry her pregnancy to term within the framework of determining whether to become a mother. A woman’s independent decision to seek medical intervention to terminate her pregnancy results in a conflict between private and public interests. The purpose of this study is to identify the causes of the intensifying conflict between the interests of a pregnant woman who faces the choice of preserving or ending the life of a child, and the interests of the state, which seeks to preserve the nation and promote its population growth. The study employs dialectical, formal legal, specific historical, and other research methods. The author analyzes the specifics of the Russian legislator’s understanding of the right to abortion and the dynamics of its entrenchment in the legal sources of different periods, from Tsardom to the modern Federation. It is noted that changes in attitudes toward human reproductive potential depended on the socio-political configuration of each historical era: initially, the role of public institutions (primarily the Russian Orthodox Church) was strong, later it weakened, and more recently it has begun to grow again, which has inevitably influenced and continues to influence the degree of conservatism or liberalization of regulation in this sphere. The study concludes that there is a need to reassess the broader understanding of women’s reproductive freedom and to ensure its adequate reflection at the legislative level in Russia.

Keywords: medical law, abortion, women’s rights, patients’ rights, medical care, reproductive technologies, assisted reproductive technologies, demographic security, national interests

Data Availability Statement. All data obtained during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: March 14, 2025

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Dovnar, A.N. (2026) Legal Regulation of Artificial Termination of Pregnancy: From the Russian Tsardom to the Russian Federation. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 583–598. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-583-598> EDN: PCERYC

Введение

Среди вариаций репродуктивного поведения, которые реализуются женщиной на основе апелляции к правовой регламентации принятия ею решения вопроса о материнстве, закрепленных в федеральном законодательстве, наиболее противоречивой является возможность искусственного прерывания беременности, которое

выражается в ее возможности через самостоятельное решение вопроса о материнстве обратиться за медицинским вмешательством и избавиться от зачатого ею ребенка.

Противоречивость заявленной возможности обусловлена столкновением частного и публичного интересов. С одной стороны, сами роженицы, желающие прервать беременность, и группы активистов, выступающих за законодательно регламентированное поведение женщины при волеизъявлении на аборт, настаивают на необходимости обеспечения свободы потенциальной мамы, которая вправе сама распоряжаться своим телом. С другой стороны, дает о себе знать глубокий демографический кризис, который вкупе с естественной убылью населения и низкими показателями рождаемости¹ усугубляется критической статистикой диагностирования нарушений фертильности², где немалую долю занимают последствия некогда совершенного прерывания беременности. Все перечисленное в совокупности провоцирует демографическое неблагополучие, которое ослабляет возможности укрепления государственного суверенитета (Zhukov, 2023:848).

В продолжение предпринятого нами исследования мы проследим основные вехи становления и развития регламентации искусственного прерывания беременности (аборта) в нашей стране на периоде от Русского царства до Российской Федерации. В фокусе нашего внимания будет динамика оформления специфического репродуктивного выбора женщины на законодательном уровне и его влияния на здоровье потенциальной мамы, главным образом через провоцирование бесплодия и необходимость применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) с целью преодоления физической невозможности зачать и выносить своего ребенка. Вместе с тем нам важно отразить взаимосвязь принятия женщиной решения вопроса о материнстве с перспективами сохранения популяции населения и обеспечения демографической безопасности Российского государства.

Ретроспектива эволюционирования возможности прервать беременность: от Русского царства до крушения Российской империи

Если обратить внимание на историческую ретроспективу нормативного регулирования искусственного прерывания беременности, то будет видно, что оно отличалось амплитудными колебаниями то в сторону запрета, то в сторону разрешения. Периодическая изменчивость законодателя в фокусе поднятой проблематики объяснялась конкретным историко-политическим и социально-религиозным контекстом, предопределяющим логику формулирования запрещающих и управомочивающих норм, а вслед за ним и практику применения легальных категорий.

Совершенно естественно, когда брачно-семейные институты в XV–XVII вв. были подчинены Русской православной церкви, занимавшей превалирующее положение в обществе, тогда восприятие специфической возможности потенциальной мамы находилось не просто под запретом (из чего логически следовало отсутствие нормативного регулирования данного аспекта в гражданском законодательстве того времени), но и в случае его нарушения сурово каралось, поскольку, как отмечают

¹ Демография // Официальный портал Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 19.01.2025).

² Суммарные потери в рождаемости из-за бесплодия в России оценили в 17–21 % // Медвестник. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Summarnye-poteri-v-rojdaemosti-iz-za-besplodiya-v-Rossii-ocenili-v-17-21.html> (дата обращения: 19.01.2025).

Е.Н. Гнатик и Е.А. Сокова, законодательство государства того времени было сформировано на основе морально-религиозных установок (Gnatik & Sokova, 2015:66). Свидетельством обозначенной суровости служило наложение такого церковного наказания, как епитимья на 15 лет, причем не только за обращение к бабкам-повитухам, но и за самостоятельное «вытравливание» зачатого ребенка с использованием всевозможных видов зелья (Danilova, 2023:71).

Одно дело, когда за прерывание беременности посредством «вытравливания» носимого во чреве матери чада полагалась долголетняя епитимья, которая хотя и подкреплялась всеобщностью влияния распоряжений духовенства на жизнь мирян, однако в ситуации, когда человек деятельно не исповедовал православие, а был верующим только на словах, могла не восприниматься нарушителями запретов как нечто существенное, сказывающееся на их самоощущении или беззаботности жизни. Совсем другое дело, когда за соответствующее деяние виновных могли приговорить к смертной казни, как того предписывала статья 26 главы XXII Соборного уложения 1649 года³.

Далее в ходе ретроспективного анализа законодательства в области интересного для нас вопроса следует сказать, что В.И. Жуков отмечает, будто император Петр I Алексеевич Романов своим указом отменил смертную казнь за искусственное прерывание беременности, тем самым смягчив наказание (Zhukov, 2019:41), введенное при царе Алексее Михайловиче Романове. В свою очередь, О.Г. Печникова, с одной стороны, справедливо указывает, что отныне государство взяло на себя попечение о детях, появившихся в результате нежелательной беременности, с другой – что ответственность за помещенных в гошпитали⁴ детей возлагалась на них и потому за умерщвление находящихся там детей надлежало применять смертную казнь (Pechnikova, 2013:69). Таким образом, произошла как бы смена субъектов, которые наказывались за лишение жизни рожденных детей: некогда были матери, а теперь работники гошпиталей. Однако мы позволим себе не согласиться с обеими точками зрения.

В обоснование своей позиции обратимся к именному указу от 4 ноября 1715 г. «О сделании в городах при церквях гошпиталей для приема и содержания незаконнорождаемых детей»⁵. Для нас представляет интерес следующая часть предложения из петровского указа: «а ежели такая незаконнорождающая явятся во умерщвлении тех младенцев, и оныя за такая злодейственные дела сами казнены будут смертию»⁶. Из нее видно, что произошла не отмена смертной казни, а изменение основания для ее применения: отныне подлежали казни женщины, которые будут застигнуты за убийством своих незаконнорожденных детей после их рождения.

Правды ради скажем, что смертная казнь как вид уголовного наказания за преступления в сфере охраны репродуктивного потенциала матери и здоровья ребенка все же со временем действительно была отменена с принятием в 1845 г. первого

³ Тихомиров М.Н. Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие для высш. школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 292.

⁴ Именно гошпитали, как-то обозначено в Полном собрании законов Российской империи, а не госпитали, как мы привыкли говорить современным русским литературным языком.

⁵ Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. 4 : 1700-1712 : [№ 2477]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 30.01.2025).

своего рода уголовного кодекса в истории императорской России – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных: ни в одной из имеющихся статей, посвященных прерыванию беременности или смерти младенца до (сразу после) рождения, не имеется санкции на применение смертной казни.

Когда в 1857 г. был принят Устав врачебный, появился ряд запретов для повивальных бабок, статьей 248 запрещено употреблять средства для искусственного прерывания беременности: «Повивальная бабка не должна ни по чьей просьбе употреблять никаких средств для произведения преждевременного от беременности разрешения, но обязана и при выкидышах и преждевременных родах подавать возможное пособие. В случае же, если кто-либо будет просить ее о произведении преждевременного разрешения от беременности, она должна доносить о том немедленно надлежащему начальству», а в статье 245 сказано о недопустимости убивать ребенка с внешне выраженными увечьями здоровья: «Когда родится странный и необыкновенный урод, то бабка не должна лишать сего уroda жизни, но о том немедленно и обстоятельно доносить местному врачу или врачебному управлению, смотря по удобности места»⁷.

Несмотря на отмеченную нами выше гуманизацию уголовного наказания за преждевременное от беременности разрешение, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. появляются новые составы преступлений, где субъектами выступают не только повивальная бабка и потенциальная мама, но и врач, акушер, аптекарь, а также лицо из числа перечисленных, которое ранее было судимо за подобное преступление. Так, повивальной бабке под угрозой уголовного наказания запрещалось производство, хотя и без умысла, преждевременного от беременности разрешения (статья 1090), немедленное недонесение о том надлежащему начальству в случае, если кто-либо будет просить ее о произведении преждевременного разрешения от беременности (статья 1091). В свою очередь самой беременной женщине уголовным законом было запрещено по собственному произволу или по согласию с другим употреблять какое-либо средство для изгнания плода своего (абзац четвертый статьи 1933).

Не обошлось в первом своего рода уголовном кодексе императорской России без установления надлежащей ответственности по двум отдельным составам: 1) для лиц, кто без ведома и согласия беременной женщины умышленно каким бы то ни было средством произведут изгнание плода ее (статья 1932) и 2) для лиц, кто с ведома и по согласию самой беременной женщины употребит с умыслом какое-либо средство для изгнания плода ее (статья 1933). Вместе с тем Уложение 1845 г. предусматривало ужесточение наказания для специальных субъектов: «Наказания, определяемые в предшедших 1932 и 1933 статьях, возвышаются одною степенью, если в употреблении средств для изгнания плода беременной женщины изобличены врач, акушер, повивальная бабка или аптекарь, или же когда дознано, что подсудимый был уже и прежде виновен в сем преступлении» (статья 1934).

По нашему мнению, весьма примечательна тенденция либерализации отечественного законодательства, которая наметилась со времени правления Петра Великого и продолжилась после, вплоть до предреволюционной эпохи: в последнем акте

⁷ Свод законов Российской империи. Издание в 16 томах. Том XIII. Уставы об общественном презрении, врачебный // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.01.2025).

уголовного закона Российской империи – Уголовном уложении 1903 г. предусматривается разделение запретов на искусственное прерывание беременности для, с одной стороны, так называемого специального субъекта – повивальной бабки (статья 196) и врача (статья 466), а, с другой стороны, самой потенциальной матери (статья 465) или вовсе виновного без его конкретизации (статьи 466 и 469).

Ретроспектива эволюционирования возможности прервать беременность: от крушения Российской империи до распада Союза ССР

Поистине переломным моментом в истории нормативного регулирования искусственного прерывания беременности стало изменение общественного и политического строя в нашей стране с приходом советской власти. Так, с изданием декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» отношения в брачно-семейной сфере более не входили в мандат деятельности церковных институций (пункт 8), а потому, с одной стороны, священнослужители лишались права и возможности применять какие бы то ни было юридико-канонические санкции к мирянам за нарушение ими доселе незыблемых установлений (пункт 11), тогда как не принадлежащие к клиру люди возымели полную свободу от довлеющей над ними ответственности за вседозволенность в реализации своего репродуктивного выбора и претворении в жизнь соответствующего потенциала, с другой – из действовавших к моменту смены общественно-политической формации актов уголовного законодательства 1845 и 1903 годов были легально изъяты всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было или неисповеданием никакой веры (пункт 3)⁸. Таким образом, стало понятно, что Советское государство продемонстрировало свое отношение к праву женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве, в том числе (что мы оцениваем крайне негативно) через прерывание беременности и отказ от своего материнства еще до рождения чада.

Поскольку отныне для женщины, имеющей намерение лишить жизни развивающегося в ее утробе нового человека, не устанавливалось ранее применяемой ответственности за «вытравливание» плода из организма матери с помощью ядов или за преждевременное от беременности разрешение, можно было свободно избавляться через абортивную практику от зачатого ребенка, тем более, когда к тому на государственном уровне создавались условия, начиная от легализации специфического медицинского вмешательства посредством принятия совместного постановления Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин» и завершая реальным производством операций подобного рода в условиях советских больниц, которые позднее А.А. Попов назовет настоящей «индустрией абортов» (Роров, 1994). Как отмечалось в тексте документа, оба народных комиссариата постановили допустить легализацию абортов, обосновывая женскую вынужденность прибегать к операциям посредством моральных пережитков прошлого и экономическим неблагополучием настоящего. Но, что гораздо интереснее, принимаемое решение органы исполнительной власти Советской Республики обосновали заботой об охране здоровья женщины и интересах расы от невежественных и корыстных хищников, одновременно считая метод репрессий в этой области абсолютно

⁸ Декрет СНК РСФСР от 23.01.1918 «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (утратил силу) // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1990, № 21, ст. 241.

не достигающим цели⁹. Если с последним тезисом (о репрессиях) еще можно отчасти согласиться, то с пониманием искусственного прерывания беременности как разновидности охраны здоровья женщины согласиться ни в коем случае не представляется возможным, о чем будет написано далее.

Через четыре года развития «индустрии аборт»⁹, 3 ноября 1924 г., издано соответствующее постановление, и начали свою работу так называемые абортные комиссии, которые выдавали направления на бесплатное абортирование, руководствуясь, по мнению С.И. Даниловой, классовым подходом (Danilova, 2023:72), а по мнению Н.Л. Пушкаревой социальным положением (Pushkareva, 2020:170) потенциальных рожениц. Как бы там ни было, очередность, согласно градации Б.П. Денисова и В.И. Сакевича, выстраивалась следующим образом: незамужние безработные — незамужние — занятые с ребенком — многодетные — жены рабочих — остальные застрахованные — остальные граждане (Denisov & Sakevich, 2014). Неизбежно, если потенциальная мама не получала соответствующего направления, то ей оставалось прибегать к оплате медицинского вмешательства в свою репродуктивную систему с целью избавления от вынашиваемого ею ребенка. Куда более плачевной ситуация была для сельской местности, где по понятным причинам не наблюдалось обилия абортных комиссий, что неизбежно приводило, как считает А.Б. Генс, к обострению проблемы незаконных абортов (Gens, 1927:23).

Несмотря на то, что законодательное одобрение абортов было введено с аргументацией о тяжелых экономических условиях настоящего и признавалось как временная мера, действующая, пока не повысится уровень благосостояния советских людей, «индустрия абортов» привела к тому, что правительству Советской Республики пришлось принимать альтернативные меры, которые бы позволили при пока сохранении возможности женщины на прерывание беременности снизить спрос на подобного рода медицинское вмешательство, угрожающее демографическим дисбалансом. Именно поэтому в 1926 году запретили абортную практику для женщин, которые зачали ребенка впервые, поскольку это с высокой клинической вероятностью влекло диагностирование бесплодия, а в 1930 году был введен запрет на бесплатность искусственного прерывания беременности. Отрадно, что запретами дело не ограничилось, но еще до их введения на всесоюзном уровне был объявлен курс на дальнейшее экономическое укрепление и развитие страны, популяризацию советского законодательства об алиментах, организацию коммунального обслуживания семьи и создание учреждений по охране материнства и младенчества, проведение ознакомительной работы с женщинами через консультации и гинекологические амбулатории, а также широкую социальную помощь нуждающимся в ней потенциальным мамам (Gens, 1926:95).

В 1936 году наблюдается не иначе как амплитудно резкое изменение политики государства в отношении репродуктивной свободы женщины: с изданием совместного постановления ЦИК и СНК Союза ССР проведение искусственного прерывания беременности запрещалось как в больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных, за исключением тех случаев, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей и только в обстановке больниц

⁹ Постановление Наркомздрава РСФСР, Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин» // Собрание узаконений РСФСР, 1920, № 90, ст. 471.

и родильных домов¹⁰. Очевидно, что с введением запрета на искусственное прерывание беременности, с учетом обозначенного исключения из него, устанавливалась соответствующая уголовная ответственность.

Следует признать позднее обнаруживающуюся дальновидность исполнительной власти Советского государства, которое с введением ограничительных мер в сфере репродуктивной свободы человека и гражданина, с одной стороны, остановило повсеместное использование национальной системы здравоохранения в противоречащих ее назначению целях, с другой – сократило подчас объективно неоправданную убыль населения в условиях, как мы теперь знаем, приближавшейся перспективы военного времени и впоследствии длящейся в течение четырех лет Великой Отечественной войны. Представляется, что фактическое финансирование абортот в период сражения с фашистской Германией нанесло бы еще больший ущерб демографии Союза ССР, чем нам известно на сегодня.

После окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн восстановлением народнохозяйственной жизни в Советской Республике ее Верховный Совет постановил отменить ранее введенный запрет на производство абортот. В своем указе от 23 ноября 1955 года высший орган государственной власти, по нашему мнению, употребляет два друг другу противоречащих тезиса. Так, согласно анализируемому документу наблюдается непрерывный рост сознательности и культурности женщин и поэтому можно отказаться от запрещения абортот в законодательном порядке¹¹. В обоснование вводимого запрета на ограничения поставляется устранение большого вреда, причиняемого здоровью женщины абортотами, производимыми вне лечебных учреждений и часто невежественными лицами. Однако если у советских женщин вырос уровень сознательности и при этом в нашей стране, согласно преамбуле указа, сохраняются и, можно предположить, расширяются меры поощрения материнства, а также меры воспитательного и разъяснительного характера, то отмена запрета представляется противоречащей тому, о чем сказано выше, и негативно влияет, не будем об этом забывать, на демографическую стабильность Советского государства: понятно же, что если меры поддержки достаточны, то и к абортот прибегать не придется. Если же отменяется запрет на искусственное прерывание беременности, значит, не все было радужно, как нам представляют.

Ожидаемо следующим шагом после отмены запрета на искусственное прерывание беременности стало издание приказа Минздрава СССР, которым утверждалась инструкция, где перечислялись социальные показания к абортот: развод или смерть мужа во время беременности, пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы, многодетность (свыше 5 детей) или лишение прав материнства, беременность после изнасилования или инвалидность у ребенка¹².

¹⁰ Постановление ЦИК СССР N 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортот, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» (утратил силу) // Собрание законодательства СССР, 1936, № 34, ст. 309.

¹¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23.11.1955 «Об отмене запрещения абортот». URL: <https://base.garant.ru/70486510/> (дата обращения: 12.02.2025).

¹² Приказ Минздрава СССР от 31.12.1987 года № 1342 «Об утверждении Инструкции о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям» (утратил силу) // Документ опубликован не был. URL: <https://clck.ru/36zSxS> (дата обращения: 12.02.2025).

Считаем важным разобрать представленные основания. Развод, смерть мужа, осуждение к лишению свободы, беременность в результате изнасилования – случаи, наличие которых для аборта является дискуссионным, хотя и в некоторой степени оправданным, поскольку женщина лишается отцовской поддержки, воспитание ребенка в колонии негативно скажется на его психике, изнасилование в момент совершения преступления является неопишуемым стрессом для потерпевшей, а рожденный таким образом ребенок будет лишь напоминать о пережитом – все перечисленные ситуации объяснимы, хотя, повторимся, дискуссионны.

Вместе с тем с включением в перечень социальных показаний к аборту таких ситуаций, как многодетность, лишение прав материнства и инвалидность у ребенка никак нельзя согласиться. Непонятно, по каким критериям многодетность считалась именно от рождения свыше 5 детей. При наличии такого количества детей, исходя из упоминаемых нами ранее распорядительных актов советской власти, надлежало оказывать необходимые меры поддержки многодетности, а не предоставлять женщине возможность только лишь по данному основанию прервать беременность и лишить жизни шестого и последующих детей. Лишение прав материнства не должно было попасть в перечень социальных показаний к аборту, поскольку при беременности лишенной прав на своих детей женщины для рожденного ею ребенка ничто не мешало применить режим устройства детей в государственные учреждения для сирот и оставшихся без попечения родителей.

Отдельного внимания с нашей стороны заслуживает такое социальное основание для аборта, как инвалидность ребенка. Непонятно, о каком ребенке в данном случае идет речь? С одной стороны, если имеется в виду именно зачатый, но еще нерожденный ребенок, то его инвалидность зачастую имеет призрачную перспективу и нередко не подтверждается после появления на Божий свет. К тому же в случае признания ожидающего своего рождения ребенка человеком неприемлемо кого-то помимо него самого наделять правом распоряжаться, по сути, чужой жизнью, кому-то помимо него самого решать, жить в состоянии инвалидности или предпочесть покинуть этот мир еще до рождения. С другой стороны, мы полагаем, если в перечне оснований для проведения операции по искусственному прерыванию беременности присутствует что-то кроме медицинских к тому показаний¹³, значит, находящийся в утробе матери ребенок не признается человеком – субъектом права, пусть и с усеченной или ограниченной правоспособностью. В такой ситуации государство вновь ставит женщину перед сложнейшим выбором, который заключается в фактическом даровании жизни уже рожденным детям (вне зависимости от наличия или отсутствия инвалидности первого и последующих детей) и лишении жизни тех из них, кто еще не успел родиться. Здесь недвусмысленно можно усмотреть стремление государства частично снять с себя ответственность в последующем содействии маме, раздумывающей оставить ребенка-инвалида или нет, в его воспитании и полноценной социальной адаптации.

---

¹³ По нашему мнению, при наличии медицинских показаний к искусственному прерыванию беременности речь должна идти об оказании помощи матери, у которой помимо беременности имеютсяотяг-щающие ее состояние здоровья факторы. При необходимости выбора, кого спасать, надлежит исходить из жизнеспособности матери и ребенка, где приоритет должен отдаваться тому из пациентов, у которого клинические возможности выжить выше.

Ретроспектива эволюционирования возможности прервать беременность: от распада Союза ССР до наших дней

В 1991 г., с распадом Советского Союза, в нормативном регулировании репродуктивных прав человека и гражданина проявляется небывалая либерализация, которая стала возможной ввиду резкого снижения социально-экономического развития страны в целом и, как следствие, благополучия соотечественников. Исполнительная власть Российского государства предоставила женщине расширенный перечень социальных показаний к аборту, который теперь состоял из 13 пунктов¹⁴. Позднее, в 2003 г., довольно широкий, на наш взгляд, перечень социальных показаний к искусственному прерыванию беременности был сокращен до 4 пунктов¹⁵. Данное обстоятельство заслуживает поддержки, однако оценивается нами как половинчатая мера, поскольку с 2011 г., когда был принят Федеральный закон от 21.11.2011 № 223-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», всем женщинам, вне зависимости от медицинских и социальных показаний, было предоставлено безапелляционное право самостоятельно решать вопрос о материнстве¹⁶, что в контексте расположения диспозиции нормы в статье 56 под наименованием «Искусственное прерывание беременности» некоторыми расценивается как простор для лишения жизни зачатого, но еще не рожденного ребенка.

На основе апелляции к высшей ценности прав человека нам могут возразить, что сегодня недопустимо вмешиваться в частную жизнь половых партнеров, поскольку, во-первых, искусственное прерывание беременности обозначено как разновидность медицинской помощи¹⁷, во-вторых, наличествующее экономическое благополучие большей части населения не позволяет женщине решать вопрос о материнстве в пользу рождения детей, в-третьих, медицинское вмешательство для содействия в избавлении от развивающегося внутриутробно организма, в частности, заявляется Н.Е. Русановой абсолютно безопасным (Rusanova, 2023:483). Примечательно, что, например, Е.О. Руденская и М.А. Глазырин высказывают опасения, что ухудшение позиций права на аборт (наверное, имеется в виду практика постепенного отказа от его совершения врачами или же тенденция к ограничениям и запрету на легальном уровне¹⁸) приведет к развитию «абортного туризма» или появлению теневых фирм, специализирующихся на абортах (Rudenskaya & Glazyrin, 2020:170). Здесь

¹⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 08.05.1996 г. № 567 «Об утверждении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности» (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации, 13.05.1996, № 20, ст. 2355.

¹⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 11.08.2003 № 485 «О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности» (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации, 18.08.2003, № 33, ст. 3275.

¹⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.

¹⁷ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.11.2011, № 48, ст. 6724.

¹⁸ На момент проведения исследования восемнадцать регионов (Астраханская, Курганская, Калининградская, Тверская, Курская, Кировская, Орловская, Омская, Псковская, Пензенская, Смоленская, Вологодская, Новгородская области, Забайкальский и Приморский края, а также республики Мордовия, Коми и Крым) нашей страны приняли решение не проводить искусственное прерывание беременности в частных медицинских клиниках и ввели административную ответственность за склонение женщин к аборту.

же можно указать, что среди участников конференции «Эволюция семейного и наследственного права», которая прошла 20 октября 2023 года на факультете права НИУ ВШЭ, где принял участие автор исследования, высказывались мнения: запрет для пациентки на искусственное прерывание беременности следует расценивать как принуждение к рождению детей¹⁹, а также как нарушение права достоинства личности²⁰.

Полагаем, приведенными аргументами оппонирование к возможности для женщины на искусственное прерывание беременности не ограничивается, ведь общеизвестно, что *Quot homines, tot sententiae* (сколько голов, столько и мнений), где преобладающим является лишь тезис, который с большей или меньшей убедительностью подкрепляется доводами тех, кто берет на себя смелость его отстаивать. Что интересно, подавляющее большинство из названных выше точек зрения относится к, условно говоря, той ситуационной группе, когда искусственное прерывание беременности совершается по желанию женщины, которая зачастую не отличается наличием у нее иных оснований к абортированию, кроме личного желания, стоящей перед выбором рождения или умерщвления своего ребенка. Как бы там ни было, считаем важным отреагировать на довольно распространенные в социуме точки зрения, которые приведены выше.

Так, искусственное прерывание беременности действительно находится среди оказываемых сегодня видов медицинской помощи²¹. Однако не стоит забывать, что беременность – не болезнь, а потому «лечить» от нее не нужно. Совершенно очевидно, что раз беременность – не болезнь, значит, нельзя говорить об обоснованности применения аборта (который является средством избавления от состояния беременности) в качестве медицинского вмешательства, направленного на оказание помощи и, как следствие, восстановление здоровья. Напротив, искусственное прерывание беременности не лечит «болезнь», а провоцирует новые, о чем будет написано далее.

Что касается экономического неблагополучия населения, то несколько его не отрицая, отметим, что сегодня есть выход: определиться с вариантом размещения и отдать ребенка на временное пребывание в соответствующие учреждения. Под соответствующими учреждениями в настоящем исследовании мы понимаем как светские организации, такие как интернаты и детские дома, куда ребенок будет помещен с учетом его наилучших интересов в соответствии с семейным законодательством нашей страны²², так и церковные дома для мамы, созданные в епархиях почти всех субъектов Российской Федерации²³. Положительная практика временного

¹⁹ Такое мнение высказал Антон Александрович Иванов – кандидат юридических наук, научный руководитель факультета права НИУ ВШЭ, профессор департамента частного права факультета права НИУ ВШЭ.

²⁰ Такое мнение высказала Мария Владимировна Посадкова – соискатель департамента публичного права факультета права НИУ ВШЭ, преподаватель кафедры медицинского права Сеченовского университета.

²¹ Приказ Минздрава России от 20.10.2020 № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю „акушерство и гинекология“» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.11.2020 № 60869) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 13.11.2020.

²² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.01.1996, № 1, ст. 16.

²³ Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к участникам X Общецерковного съезда по социальному служению // Официальный портал Русской Православной Церкви Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5808471.html> (дата обращения: 13.02.2025).

проживания детей в таких учреждениях себя зарекомендовала (Dovnar, 2021:82), в том числе за счет временного характера пребывания в них детей, которые имеют возможность видаться со своими родителями до нормализации экономического состояния семьи, где будет проходить их дальнейшее воспитание. Примечательно, что в церковных домах для мамы дети размещаются вместе со своими родителями на весь срок их пребывания в таких приютах Русской православной церкви²⁴.

Наконец, о «безопасности» искусственного прерывания беременности не может быть и речи, поскольку даже в информированном добровольном согласии, которое подписывает женщина перед операцией, приведены удручающие последствия²⁵, главным из которых является бесплодие, именно за его преодолением вынуждена будет позднее обратиться прервавшая беременность, в том числе за счет использования ВРТ²⁶. Следует иметь в виду, что помимо бесплодия прерывание беременности влечет за собой и иные последствия для здоровья женщины: задержки развития плода (Spiridenko, Petrov & Palieva, 2021), перфорация матки, воспаление внутренней оболочки матки, спайки в маточной области (Alekhina et al., 2019:17), внутриутробная синехия и внематочная беременность (Petrov, Uzbekova & Sereda, 2022:132).

Если с аргументами так называемой первой ситуационной группы, выступающей за право женщины на аборт при отсутствии у нее на то обусловленных чем-то иным, кроме собственного желания, причин, мы разобрались, то относительно других вариаций обстоятельств, при которых потенциальная мама решается на избавление от зачатого ею ребенка, следует сказать следующее: сегодня в России осталось одно социальное основание к аборту – беременность в результате изнасилования. Прерывание беременности по данному основанию мы предлагаем считать второй ситуационной группой. Впредь до изменения криминогенной ситуации в Российском государстве к лучшему, в том числе минимизации количества преступлений против половой неприкосновенности личности²⁷ при одновременном расширении мер психологической и иной поддержки потерпевших по данным составам противоправных деяний необходимо сохранить данное основание к аборту. Согласимся с Н.В. Ростовцевой и К.С. Ючинсоном: к введению ограничительных мер необходимо подходить очень взвешенно (Rostovtseva & Hutchinson, 2023:278). При этом такое сохранение должно быть временным, чтобы все институты государства и общества не оставили решение данного вопроса на долгосрочную перспективу, а по прошествии времени и вовсе забыли. Также недопустимы злоупотребления пациентов и медицинских организаций по данному основанию.

Наконец, при третьей ситуационной группе, которая обуславливается наличием медицинских показаний к аборту, речь должна идти об оказании помощи матери, у которой помимо беременности имеютсяотягощающие ее состояние здоровья

²⁴ Кризисный центр «Дом для мамы» // Официальный сайт православной службы «Милосердие». URL: <https://miloserdie.help/projects/krizisnyy-tsentr-dom-dlya-mamy/> (дата обращения: 13.02.2025).

²⁵ Приказ Минздрава России от 07.04.2016 № 216н «Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины» (Зарегистрировано в Минюсте России 04.05.2016 № 42006) // Российская газета, № 105, 18.05.2016.

²⁶ Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020.

²⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

факторы. При необходимости выбора, кого спасать, надлежит исходить из жизнеспособности матери и ребенка, где приоритет должен отдаваться тому из пациентов, у которого клинические возможности выжить выше. Таким образом, мы разделяем оказание медицинской помощи как средства нормализации удовлетворительного состояния здоровья пациента, где беременности сопутствуют иные болезненные состояния, и беременность как нормальный этап реализации женщиной своего репродуктивного потенциала, при котором не требуется, как мы ранее отмечали, лечения через медицинское вмешательство, поскольку беременность – не болезнь.

Напоследок нельзя не сказать о стремительном эволюционировании в лучшую сторону отношения к институту семьи и практике деторождения, а, лучше сказать, многодетности в нашей стране. Достаточными к упоминанию будут Указ о духовно-нравственных ценностях²⁸ и Указ о мерах поддержки многодетных семей²⁹, а также многие-многое другие законодательно оформленные новеллы, которые сформировали на государственном уровне недвусмысленное восприятие в качестве приоритетов сохранение и преумножение многонационального народа России. По нашему мнению, сохранение возможности совершения аборта как антипод заботе о многоаспектном благополучии женщины препятствует достижению национальных целей развития, что постепенно необходимо устранять с привлечением всех заинтересованных сторон доброй воли.

Заключение

Подводя итог, отметим, что при взвешивании всех «за» и «против» в контексте предпринятого нами исследования стоит отказаться от возможности искусственного прерывания беременности по первой ситуационной группе (желание женщины). При этом право на принятие женщиной решения о материнстве посредством отказа от него для второй и третьей ситуационных групп (по социальному и медицинским показаниям) необходимо сохранить согласно приведенному выше обоснованию. Обозначенное категорирование оснований к прерыванию беременности, в том числе однозначность в отказе от его совершения для первой ситуационной группы производится, чтобы не прибегать к преодолению бесплодия с помощью ВРТ, когда женщина, которая некогда прервала свою беременность, обращается в учреждение здравоохранения за содействием в преодолении физической невозможности самостоятельно зачать, выносить и родить своего здорового ребенка. Сюда же мы относим неизбежную после совершения аборта вовлеченность системы здравоохранения в преодоление иных нозологий у женщины, которые приводились в основном тексте исследования. Учитывая социальную ориентированность Российского государства, его институции при сохранении нынешней либерализации законодательства в анализируемой сфере вынуждены будут не только включиться в оказание специализированного медицинского вмешательства, но и нести соответствующие затраты, что приведет к дисбалансу частного и публичного интересов.

²⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 14.11.2022, № 46, ст. 7977.

²⁹ Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.01.2024, № 5, ст. 665.

В предпринятом нами исследовании мы исходили из того, что права отдельного человека (в данном случае женщины), согласно Конституции Российской Федерации, конечно, являются высшей ценностью, однако, нужно иметь в виду, что сегодня в условиях, как мы писали выше, глубокого демографического кризиса, близкого к катастрофе, настало время думать не только о благе (которое нередко не является таковым на самом деле по приведенным ранее основаниям) решающихся прервать свою беременность, но и об интересах населения Российского государства и национальной безопасности последнего. В противном случае мы рискуем оказаться в ситуации, когда все достижения народа в политической, экономической и социальной сферах окажутся невостребованными ввиду вымирания и в среднесрочной перспективе отсутствия нации.

References / Список литературы

- Alekhina, A.G., Petrov, Yu.A., Blesmanovich, A.E. & Galushchenko, E.M. (2019) The Impact of Abortion on the Reproductive Capabilities of Women. *The Journal of Scientific Articles Health and Education Millenium*. 21 (1), 15–19. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2226-7425-2019-21-1-15-19> EDN: LYSYXN.
- Алехина А.Г., Петров Ю.А., Блесманович А.Е., Галущенко Е.М. Влияние искусственного прерывания беременности на репродуктивные возможности женщин // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2019. Т. 21. № 1. С. 15–19. <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2226-7425-2019-21-1-15-19> EDN: LYSYXN.
- Danilova, S.I. (2023) Abortions in Russia: Historical and Modern Aspects. *Grazhdanin i pravo*. (7), 70–79. (In Russian). EDN: DFMOOV.
- Данилова С.И. Аборты в России: исторический и современный аспекты // Гражданин и право. 2023. № 7. С. 70–79. EDN: DFMOOV.
- Denisov, B.P. & Sakevich, V.I. (2014) An essay on the history of birth control in Russia: a wandering demographic policy. In: Denisenko, M.B. & Elizarov, V.V. (eds.) *Population development and demographic policy. In memory of Kvasha, A.Ya.: Collection of articles*. Moscow, MAKSPress, pp. 186–208. (In Russian).
- Денисов Б.П., Сакевич В.И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А.Я. Кваши: сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, В.В. Елизарова. М. : МАКС Пресс, 2014. С. 186–208.
- Dovnar, A.N. (2021) The right to abortion: a conflict of worldviews and theoretical and practical attempts to overcome it. In: Chekulaeva, S.S. & Kravchenko, A.G. (eds.) *Modern problems of Russian civil law: an electronic scientific publication: a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference "XIV Ovchinnikov Scientific Readings" (May 24, 2021)*. Vladivostok, VSUES Publishing House, pp. 79–83. (In Russian).
- Довнар А.Н. Право на аборт: конфликт мировоззрений и теоретико-практические попытки его преодоления // Современные проблемы российского гражданского права: электронное научное издание: сб. науч. статей по материалам Всеросс. науч.-практ. конф. «XIV Овчинниковские научные чтения» (24 мая 2021 г.) / под общ. ред. С.С. Чекулаева, А.Г. Кравченко. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2021. С. 79–83.
- Gens, A.B. (1926) Verification of our policy on abortion. In: *Proceedings of the III All-Union Congress on the Protection of Motherhood and Infancy, Moscow, December 1–7, 1925*. Moscow, Okhrana materinstva i mladenchestva Publ., pp. 80–95. (In Russian).
- Генс А.Б. Проверка нашей политики по вопросу об абортах // Труды III Всесоюзного съезда по охране материнства и младенчества, Москва, 1–7 декабря 1925 года. Москва : Охрана материнства и младенчества, 1926. С. 80–95.

- Gens, A.B. (1927) *Abortions in 1925*. Moscow, TSSU SSSR Publ. (In Russian).
Генс А.Б. Аборты в 1925 году. Москва : ЦСУ СССР, 1927. 82 с.
- Gnatik, E.N. & Sokova, E.A. (2015) Ethical and Legal Status of Abortion: History and Current State of a Problem. *RUDN Journal of Law*. (4), 64–74. (In Russian). EDN: VFZLWF.
Гнатик Е.Н., Сокова Е.А. Этический и юридический статус плодизгнания: история и современное состояние проблемы // *RUDN Journal of Law*. 2015. № 4. С. 64–74. EDN: VFZLWF.
- Spiridenko, G.Yu., Petrov, Yu.A. & Palieva, N.V. (2021) Artificial termination of pregnancy is a topical problem of the medical society. *Medical & Pharmaceutical Journal "Pulse"*. 23 (12), 28–34. (In Russian). <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2021-23-12-28-34> EDN: AAEEUF.
Спириденко Г.Ю., Петров Ю.А., Палиева Н.В. Искусственное прерывание беременности – злободневная проблема медицины и общества // *Медико-фармацевтический журнал «Пульс»*. 2021. Т. 23. № 12. С. 28–34. <https://doi.org/10.26787/nydha-2686-6838-2021-23-12-28-34> EDN: AAEEUF.
- Pechnikova, O.G. (2013) Legal regulation of maternity and childhood protection in the reign of Peter the Great. *Leningrad Legal Journal*. (1 (31)), 67–73. (In Russian). EDN: QARAFB.
Печникова О.Г. Правовое регулирование охраны материнства и детства в царствование Петра I // *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 1 (31). С. 67–73. EDN: QARAFB.
- Petrov, A.Yu., Uzbekova, L.D. & Sereda, E.V. (2022) Immediate and long-term consequences of an artifactual termination of pregnancy. *International Research Journal*. (6-2 (120)), 131–134. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.055> EDN: FUUGIG.
Петров А.Ю., Узбекова Л.Д., Середя Е.В. Ближайшие и отдаленные последствия артифициального прерывания беременности // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 6–2 (120). С. 131–134. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.055> EDN: FUUGIG.
- Popov, A.A. (1994) A brief history of abortion and demographic policy in Russia. *Family planning in Europe*. (1), 5–7. (In Russian).
Попов А.А. Краткая история аборта и демографической политики в России // *Планирование семьи в Европе*. 1994. № 1. С. 5–7.
- Pushkareva, N.L. (2020) The centennial anniversary of sexual reform in Russia (the origins and consequences of the Decree of the People's Commissariat of Health and the People's Commissariat of Justice of the RSFSR dated 18.11.1920). In: Veremenko, V.A. & Shaidurov, V.N. (eds.) *Reforms in the daily life of the Russian population: history and modernity: Materials of the international scientific conference Vol. 2*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 167–172. (In Russian). EDN: YXITCF.
Пушкарева Н.Л. Столетний юбилей сексуальной реформы в России (истоки и последствия Постановления Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18.11.1920 г.) // *Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдунов. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина*, 2020. Т. 2. С. 167–172. EDN: YXITCF.
- Rostovtseva, N.V. & Hutchinson, C.S. (2023) Artificial Termination of Pregnancy by Woman Request: Russian and French Experience. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 16 (4), 259–281. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.259.281> EDN: RDZHUM.
Ростовцева Н.В., Ючинсон К.С. Правовые основы искусственного прерывания беременности по желанию женщины: опыт России и Франции // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 16. № 4. С. 259–281. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2023.4.259.281> EDN: RDZHUM.
- Rudenskaya, E.O. & Glazyrin, M.A. (2020) The right of the embryo to life and the right to abortion: the problem of correlation. In: Ural State Law University. *International & Domestic Law*:

Proceedings of the XV Annual All-Russian Conference on National and International Law (Yekaterinburg, December 18, 2020). Yekaterinburg, Educational and Scientific Laboratory Publishing House Sapientia, pp. 168–171. (In Russian). EDN: BAMHQG.

Руденская Е.О., Глазырин М.А. Право эмбриона на жизнь и право на аборт: проблема соотношения // *International & Domestic Law: Материалы XV Ежегодной всеросс. конф. по национальному и международному праву (Екатеринбург, 18 декабря 2020 года).* Екатеринбург : «Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2020. С. 168–171. EDN: BAMHQG.

Rusanova, N.E. (2023) Reproductive aspects of demographic policy. *Russia: trends and development prospects*. 18 (1), 483–485. (In Russian). EDN: AWPNPV.

Русанова Н.Е. Репродуктивные аспекты демографической политики // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2023. Т. 18. № 1. С. 483–485. EDN: AWPNPV.

Zhukov, V.I. (2019) Demography: national interests, ethics and law. *State and Law*. (1), 39–46. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013207690003647-3> EDN: YXZLFR.

Жуков В.И. Демография: национальные интересы, этика и право // *Государство и право*. 2019. № 1. С. 39–46. <https://doi.org/10.31857/S013207690003647-3> EDN: YXZLFR.

Zhukov, V.I. (2023) Saving the population in the paradigm of state legal sovereignty: norms, deviations, challenges, solutions. *RUDN Journal of Law*. 27 (4), 837–858. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858> EDN: FODKRH.

Жуков В.И. Сбережение населения в парадигме государственного правового суверенитета: нормы, отклонения, вызовы, решения // *RUDN Journal of Law*. 2023. Т. 27. № 4. С. 837–858. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-4-837-858> EDN: FODKRH.

Сведения об авторе:

Довнар Алексей Николаевич – юрисконсульт, Центр правовых экспертиз и сопровождения образовательной деятельности Дирекции по правовым вопросам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11

ORCID: 0009-0007-6879-052X; SPIN-код: 1189-1937

e-mail: adovnar@hse.ru

About the author:

Alexey N. Dovnar – Legal Counsel, Center for Legal Expertise and Educational Support, Directorate for Legal Affairs, National Research University Higher School of Economics; 11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-6879-052X; SPIN-code: 1189-1937

e-mail: adovnar@hse.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL LAW. FOREIGN LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-599-616>
EDN: PCSNTE

Научная статья / Research Article

Правовые аспекты реализации международных договоров в правовой системе Китая согласно Закону КНР о внешних сношениях 2023 года

В. Гу

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
1042225079@rudn.ru

Аннотация. Международные договоры, как важный источник международного права, являются способом взаимодействия и регулирования международных отношений каждого суверенного государства по различным сферам. При этом международные договоры оказывают влияние на национальное законодательство. Этот процесс приводит к взаимодействию международной и национальной систем права между собой, что часто имеет свои сложности и особенности на практике. Именно поэтому для каждой национальной системы права важно определять место и правовой статус подписанных международных договоров, а также иные особенности их реализации. Данная статья посвящена правовому анализу фундаментального и всеобъемлющего нормативно-правового акта, Закона о внешних сношениях Китайской Народной Республики 2023 г., и выявлению формально-юридических и иных особенностей места международного договора в национальной правовой системе Китая согласно данного Закона. Особое внимание уделяется изучению ключевых положений данного документа (в т.ч. анализируется принцип добросовестного выполнения международно-правовых обязательств), их правовой значимости и практической реализации такими государственными органами, как Всекитайское собрание народных представителей, его Постоянный комитет и Государственный совет. Также в статье исследуются механизмы взаимодействия внутреннего законодательства с международными договорными обязательствами КНР, оценена система иерархии источников, а также выявлены правовые пробелы и вызовы, возникающие при их применении. В заключении на основе сравнительно-правового анализа делается вывод о необходимости доработки национальных правовых инструментов для эффективного выполнения международных обязательств Китая, в том числе предлагаются возможные пути совершенствования законодательных механизмов.

© Гу В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: международное право, национальное законодательство КНР, Конституция, источник международного права, принцип международного права, принцип добросовестного выполнения обязательств

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 29 марта 2025 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Гу В. Правовые аспекты реализации международных договоров в правовой системе Китая согласно Закону КНР о внешних сношениях 2023 года // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 599–616. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-599-616> EDN: PCSNTE

Legal Aspects of the Implementation of International Treaties in the Chinese Legal System under the 2023 Foreign Relations Law of the People's Republic of China

Wenshuo Gu

RUDN University, Moscow, *Russian Federation*

1042225079@rudn.ru

Abstract. International treaties, as an important source of international law, serve as a means of interaction and regulation of international relations of sovereign states across various spheres. At the same time, they exert a significant influence on national legislation, creating interaction between international and domestic legal systems that often involves specific practical complexities and challenges. For this reason, each national legal system must determine the place and legal status of the international treaties it has concluded, as well as other specific features of their implementation. This article provides a legal analysis of a fundamental and comprehensive normative act, the 2023 Law of the People's Republic of China on Foreign Relations, and examines the formal-legal and other characteristics of the position of international treaties within China's national legal system under this Law. Special attention is given to the key provisions of the document (including an analysis of the principle of good-faith performance of international legal obligations), their legal significance and their practical implementation by such bodies as the National People's Congress, its Standing Committee, and the State Council. The article also explores the mechanisms through which domestic legislation interacts with China's international treaty obligations, assesses the hierarchy of legal sources, and identifies legal gaps and challenges that arise in the course of their application. On the basis of comparative legal analysis, it concludes that China's national legal instruments require further refinement to ensure the effective fulfilment of its international obligations and proposes possible directions for improving legislative mechanisms.

Keywords: international law, national legislation of the PRC, Constitution, source of international law, principle of international law, principle of good-faith performance of obligations

Data Availability Statement. All data obtained during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: March 29, 2025

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Gu Wenshuo (2026) Legal Aspects of the Implementation of International Treaties in the Chinese Legal System under the 2023 Foreign Relations Law of the Peoples Republic of China. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 599–616. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-599-616> EDN: PCSNTE

Введение

В Китае вопрос применения международных договоров на национальном уровне всегда являлся значимой темой в области права и правоприменения. С одной стороны, Китай заключает большое количество многосторонних и двусторонних международных договоров. Согласно статистике Правового департамента Министерства иностранных дел Китая, с момента своего основания (1949 г.) по 31 января 2023 г. Китай заключил около 600 многосторонних и более 25 000 двусторонних международных договоров¹. При этом за период с 1991 г. по начало 2018 г. Китай присоединился к более чем 200 многосторонним международным договорам и заключил свыше 15 000 двусторонних договоров. Тем не менее, вопросы их применения на национальном уровне остаются дискуссионными, в стране остаются законодательные недостатки, связанные с процессом реализации этих договоров, например, отсутствие четко прописанных механизмов имплементации международных договоров в национальную правовую систему, а также разночтения в практике их применения государственными органами. В связи с наличием серых зон в законодательстве исследование фундаментальных положений о международных договорах, содержащихся в Законе о внешних сношениях Китайской Народной Республики 2023 г. (далее – ЗВС), заслуживает особого внимания.

ЗВС является основополагающим законом Китая, играющим обобщающую роль в области законодательства, связанного с внешней политикой. Как ключевой нормативно-правовой акт, ЗВС регулирует три основных вопроса: во-первых, как внутреннее законодательство Китая взаимодействует и соотносится с международным правом; во-вторых, каким образом осуществляется применение международного права, особенно международных договоров, в правовой системе Китая; в-третьих, как распределяются полномочия государственных органов, занимающихся внешними связями².

После принятия ЗВС китайскими учеными были проведены многочисленные исследования, посвященные данному нормативно-правовому акту. Например, Че Пижэо проанализировал роль данного закона в продвижении права во внешних отношениях Китая (Che, 2024:130), а Е Гуйпин на примере практики Гонконга и Макао

¹ 中华人民共和国条约数据库 [База данных международных договоров Китайской Народной Республики]. [Электронный ресурс]. URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/Treaty/web/index.jsp> (дата обращения: 26.03.2024).

² 何其生. 大国博弈与对外关系的法治化 [Хэ Цишэн. Правовая систематизация внешних отношений в условиях соперничества великих держав]. *中国社会科学报*. 2023. 13 января. С. 4, 23–27. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202301/t20230113_5579607.shtml (дата обращения: 26.03.2024).

исследовал, как этот закон служит политике Китая «одна страна – две системы»³. Единственным, кто упомянул в своем исследовании о необходимости сотрудничества между судебными органами в соответствии с ЗВС при применении международных договоров в Китае, стал Цай Коньян (Cai, 2024:58).

В России есть несколько исследователей китайского права, но большинство из них специализируются на гражданском праве (Alekseenko, 2024:287; Troshchinsky & Molotnikov, 2019:318). Лю Цюсэнь рассуждала о международных договорах как источнике китайского права и их связи с Конституцией, а также о том, как применять международные договоры в китайской правовой системе, однако, в ее статье отсутствуют примеры из практики (Liu, 2017:77). Стоит отметить, что ЗВС привлек внимание и российских учёных, но в имеющихся статьях приводится либо общий обзор роли этого закона (Vinogradov, Troshchinsky & Mamykin, 2023:13), либо описывается его влияние на внешнюю политику Китая (Denisov, 2025:21), в одной из статей рассматривается действие международного права в правовой системе Китая и то, как оно применяется (Gavrilov, 2024:138), тем не менее, проблемы реализации международных договоров в китайской правовой системе в контексте данного закона редко рассматривались, также не было предложено конкретных рекомендаций.

Несмотря на серьезность и ценность вышеупомянутых исследований, сложность реализации международных договоров в правовой системе Китая обуславливает необходимость правильного понимания и применения, а также углубленного правового анализа ЗВС. Обозначенный постулат определяет актуальность настоящего исследования.

Дополнительно отметим, что в отличие от иных научных работ, данное исследование впервые системно анализирует влияние ЗВС на реализацию международных договоров в Китае. В частности, в работе рассматриваются:

- 1) закрепление принципа добросовестного исполнения международных договоров;
- 2) место международных договоров в иерархии правовых источников национального законодательства;
- 3) механизмы реализации международных договоров в правовой системе Китая;
- 4) недостатки ЗВС как основы для реализации международных договоров на национальном уровне.

Учитывая вышеуказанные аспекты, цель данного исследования состоит в анализе ЗВС в рамках реализации международных договоров в китайской правовой системе на основе сравнительно-правового, формально-юридического и исторического методов.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В доктрине международного права существуют две основные концепции: во-первых, монистическая теория, утверждающая примат международного права над внутренним законодательством; во-вторых, дуалистическая теория, рассматривающая международное право как две независимые системы. Китайское законодательство сочетает элементы обеих концепций, что делает его уникальным объектом исследования. Настоящая

---

³ Ye Guiping, Fan Xueke. 对外关系法为“一国两制”创造良好国际环境 [Закон о внешних сношениях создаёт благоприятную международную среду для политики «Одна страна – две системы»] // 中国社会科学网 [China Social Sciences Net]. 2023. URL: <http://www.cssn.cn> (дата обращения: 26.03.2024).

работа анализирует правоприменительную практику ЗВС в свете этих теоретических подходов.

Также исследование имеет важное практическое значение, раскрывая правовые механизмы реализации международных договоров в Китае, что необходимо для разработки унифицированного механизма имплементации международных обязательств; усиления роли судов Китая в применении международных договоров и формирования более предсказуемой правовой среды для международных инвесторов.

Кроме того, выводы работы могут быть полезны для российских ученых и практиков, которые исследуют китайское законодательство как с точки зрения международного, так и национального права.

Обзор ключевых положений Закона о внешних сношениях Китая 2023 года в контексте реализации международных договоров

Международные договоры⁴ являются неотъемлемой частью международного права. КНР придерживается данного постулата, что находит своё подтверждение по всему тексту ЗВС.

Термин «международное право» встречается в ст. ст. 19, 32, 33 и 34 ЗВС⁵ в разном контексте. В статье 19 сказано, что КНР «поддерживает международную систему, ядром которой является Организация Объединенных Наций, международный порядок, основанный на международном праве». В статьях 32 и 34 отмечается, что международное право должно соблюдаться с особым учетом его основополагающих принципов. Статья 33 закрепляет право КНР принимать те или иные меры, когда возникают ситуации, связанные с защитой суверенитета, национальной безопасностью и реализацией внешнеполитических интересов КНР «в нарушение международного права». Указанные статьи позволяют сделать вывод, что Китай впервые официально закрепил на законодательном уровне свою приверженность международному праву, несмотря на то, что отсылки к международному праву не раз появлялись в правительственных документах или в официальных речах председателей ранее.

Понятие «международные договоры» упоминается в ст. ст. 10, 12, 30, 31, 34, 36 и 39 ЗВС. Содержание термина, в первую очередь, связано с: 1) заключением международных договоров на основе национального законодательства; 2) добросовестным исполнением международных договоров (*bona fide*), которое также включает принятие необходимых дипломатических мер⁶; 3) верховенством Конституции по

⁴ Прим.: Международные договоры в самом широком смысле включают в себя договоры с различными названиями, которые обычно называют договорами (treaty), конвенциями (convention), протоколами (protocol), соглашениями (agreement), хартиями (charter), пактами (pact) и статутами (statute). И ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. предусматривает, что «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

⁵ Закон о внешних сношениях КНР. Принят в Пекине, 1 июля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/8uhbQVs9-ohgEjm94W7VRg> (дата обращения: 27.03.2024).

⁶ Прим.: например, изменение или прекращение дипломатических и консульских сношений в соответствии с международным договором, обращение с привилегиями и иммунитетами иностранных государств и международных организаций в соответствии с международным договором, сотрудничество правоохранительных и судебных органов в соответствии с международным договором.

отношению к международным договорам Китая; 4) осуществлением и применением международных договоров, т.е. принятием государством соответствующих мер по осуществлению и применению общих норм международного договора, что также включает в себя принцип *ordre public* для защиты интересов государства.

Что касается права заключать международные договоры, то ЗВС повторяет некоторые положения Конституции Китая 2018 г.⁷ и Закона о порядке заключения международных договоров Китая 1990 г.⁸

Толкование полномочий и компетенции китайских государственных органов в процессе реализации международных договоров

В ст. 10 ЗВС закрепляются полномочия Всекитайского собрания народных представителей (далее – ВСНП) и его Постоянного комитета. Фактически формулировка данного положения заимствована и процитирована из п. 15 ст. 67 Конституции⁹. При этом эти полномочия не были отражены ни в одной Конституции КНР до 1982 года, когда они были добавлены в список полномочий ВСНП и его Постоянного комитета. Закон 1990 года о порядке заключения международных договоров содержит аналогичное положение в п. 2 ст. 3.¹⁰

Как отмечает Цзян Чаои, Китай придерживается более мягкого подхода в реализации международных документов по сравнению с национальными нормативно-правовыми актами. Например, чтобы принять или изменить национальный закон, Постоянный комитет ВСНП должен провести не менее трех чтений и публичных консультаций, тогда как ратификация большинства международных договоров может быть завершена только после одного чтения, а орган, отвечающий за их рассмотрение, обычно проводит только формальную проверку. Кроме того, в отличие от России в Китае конкретное применение международных договоров также толкуется Постоянным комитетом ВСНП из-за отсутствия Конституционного суда. Данный факт привел к чрезмерной централизации законодательных функций в данной службе. Также существует предложение о создании независимой комиссии по рассмотрению международных договоров, но оно пока находится в стадии обсуждения и не получило конкретного практического воплощения (Jiang, 2022).

Компетенция Государственного совета по заключению международных договоров с иностранными государствами закреплена в ст. 12 ЗВС и заимствована из п. 9

---

⁷ Конституция КНР (в редакции 2018 г.). Принята в Пекине, 13 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32933985&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 28.03.2024).

⁸ 中华人民共和国缔结条约程序法 [Law of the People's Republic of China on the procedure of the conclusion of treaties]. Adopted at the seventeenth meeting of the Standing Committee of the Seventh National People's Congress on December 28, 1990. [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxgk_674865/zcfg/fl/200403/t20040304_9276665.shtml (дата обращения: 28.03.2024).

⁹ Прим.: Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет ратифицируют и денонсируют международные договоры и важные соглашения, заключенные с иностранными государствами.

¹⁰ Прим.: Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей принимает решение о ратификации и аннулировании договоров и важных соглашений, заключенных с иностранными государствами.

ст. 89 Конституции¹¹. Следует отметить, что управление внешними делами было включено в компетенцию Государственного совета в 1954 г., однако позже, согласно Конституциям 1975 г.¹² и 1978 г.¹³ оно было исключено. Лишь в 1982 г. эта функция была восстановлена¹⁴. В отличие от Конституции 1954 г. в редакции 1982 г. в список полномочий в области внешней политики была добавлена фраза «заключать договоры и соглашения с иностранными государствами», и с тех пор это положение не изменялось. П. 1 ст. 3 Закона о порядке заключения международных договоров 1990 г. аналогичным образом предусматривает¹⁵ и подробно описывает ряд процедурных вопросов, связанных с переговорами, подписанием, ратификацией, утверждением, присоединением, принятием, подачей или регистрацией международных договоров и соглашений.

Из вышеприведённого историко-правового и формально-юридического анализа следует, что Конституция Китая уже включала ключевые положения, касающиеся распределения полномочий по заключению международных договоров (Dai, 2020:28–30), а Закон о порядке заключения международных договоров 1990 г. лишь уточнил конкретные процедурные правила¹⁶.

Закрепление принципа добросовестного выполнения обязательств по международным договорам в Законе о внешних сношениях Китая 2023 года

Ст. 30 ЗВС является первым случаем, когда китайское законодательство предусматривает обязательство добросовестного выполнения международных договоров. Прежде всего, обязательство добросовестного исполнения является проявлением основополагающего принципа международного права *pacta sunt servanda*, означающего, что после заключения договора все стороны должны осуществлять свои права и исполнять свои обязательства в соответствии с положениями международного договора (Anthony, 2013:143). В условиях отсутствия так называемой «исполнительной власти» в международном сообществе и аппарата принуждения несоблюдение государством этого принципа могло бы привести к произвольным нарушениям заключённых международных договоров. Тогда сложно было бы поддерживать стабильные международные отношения и развивать их, что стало бы камнем преткновения

¹¹ Прим.: Государственный совет управляет иностранными делами и заключает договоры и соглашения с иностранными государствами.

¹² 中华人民共和国宪法（1975年）[Конституция КНР (в редакции 1975 г.)]. Принята в Пекине, 17 января 1975 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.12371.cn/2015/03/18/ART11426666984513758.shtml> (дата обращения: 29.03.2024).

¹³ 中华人民共和国宪法（1978年）[Конституция КНР (в редакции 1978 г.)]. Принята в Пекине, 5 марта 1978 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinacourt.org/law/detail/1978/03/id/78535.shtml> (дата обращения: 29.03.2024).

¹⁴ 中华人民共和国宪法（1982年）[Конституция КНР (в редакции 1982 г.)]. Принята в Пекине, 4 декабря 1982 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chinacourt.org/law/detail/1982/12/id/2655.shtml> (дата обращения: 29.03.2024).

¹⁵ Прим.: Государственный совет Китайской Народной Республики, т.е. Центральное народное правительство, заключает договоры и соглашения с иностранными государствами.

¹⁶ Прим.: На основании этого, п. 1 ст. 30 ЗВС устанавливает принцип заключения международных договоров в соответствии с внутренним законодательством, где под Конституцией и другими законами подразумеваются положения Конституции и Закона о порядке заключения международных договоров 1990 г.. Это положение создаёт правовую базу для заключения и участия в международных договорах с другими государствами.

для существования международного права. Более того, если государство-участник не соблюдает действующий и заключенный им договор, его поведение может стать объектом подражания со стороны других государств в качестве «прецедента», в результате чего может быть нанесен ущерб национальным интересам многих государств-участников такого договора. По этой причине в международном праве существуют основные принципы, такие как *pacta sunt servanda* и добросовестное выполнение договорных обязательств. Они получили своё развитие и закрепление в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹⁷ (Abdurakhmanova, 2020:52). Преамбула к Уставу ООН также требует от государств-членов «уважать обязательства, вытекающие из договоров и других источников международного права»¹⁸. Поэтому положения ЗВС о принципе добросовестности при выполнении международных договоров имеют большое позитивное значение.

Кроме того, добросовестное выполнение международных договорных обязательств также закреплено в следующих положениях ЗВС:

1) п. 2 ст. 34 ЗВС предусматривает прекращение дипломатических и консульских отношений, что является первым случаем появления подобного выражения в официальном тексте основного закона¹⁹. Ст. 45 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. устанавливает права и обязанности аккредитуемого и принимающего государств «в случае разрыва дипломатических сношений между двумя государствами либо окончательного или временного отозвания представительства»²⁰. Раздел II главы I Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. также посвящен теме прекращения консульских функций²¹. Китай присоединился к этим двум конвенциям в 1975 и 1979 гг. соответственно, и ст. 34 ЗВС КНР закладывает во внутреннее законодательство основу для осуществления Китаем своих прав и обязанностей в соответствии с этими двумя конвенциями;

2) ст. 36 ЗВС в основном предусматривает привилегии и иммунитеты²². Положения этой статьи соответствуют ранее принятым в КНР Правилам

¹⁷ Венская Конвенция о праве международных договоров. Подписана в Вене, 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/ (дата обращения: 02.04.2024). Прим.: ст. 26 предусматривает, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться, а ст. 27 далее предусматривает, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора.

¹⁸ Устав Организации Объединенных Наций. Подписан в Сан-Франциске, 26 июня 1945 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 02.04.2024).

¹⁹ Прим.: Китайская Народная Республика в соответствии с договорами и соглашениями, которые она заключает или к которым она присоединяется, а также с основополагающими принципами международного права и основополагающими нормами, регулирующими международные отношения, может при необходимости предпринимать дипломатические действия, включая изменение или прекращение дипломатических или консульских отношений с иностранным государством.

²⁰ Венская конвенция о дипломатических сношениях. Подписана в Вене, 18 апреля 1961 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

²¹ Венская конвенция о консульских сношениях. Подписана в Вене, 19 марта 1967 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

²² Прим.: Китайская Народная Республика предоставляет привилегии и иммунитеты дипломатическим учреждениям и должностным лицам других стран, а также международным организациям и их должностным лицам согласно соответствующим законам, а также договорам и соглашениям, которые она заключает или к которым присоединилась. Китайская Народная Республика предоставляет иммунитеты иностранным государствам и их собственности в соответствии с соответствующими законами, а также договорами и соглашениями, которые она заключает или к которым присоединилась.

о дипломатических привилегиях и иммунитетах 1986 г.²³, Правилам о консульских привилегиях и иммунитетах 1990 г.²⁴ и последующему Закону об иммунитетах иностранных государств 2023 г.²⁵, а также международным документам: Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 г.²⁶ и Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 г.²⁷, которые в совокупности обеспечивают правовые гарантии дипломатических и консульских привилегий и иммунитетов, а также иммунитетов иностранного государства;

3) в отношении международного сотрудничества по вопросам реализации правоохранительной и судебной власти в ряде действующих китайских законов также присутствуют положения, как и в п. 2 ст. 39 ЗВС²⁸. Тем не менее, в формулировке ЗВС используется выражение «правоохранительная и судебная власть», которая не ограничивается конкретной областью, как это было раньше.

Анализ иерархии источников права по Закону о внешних сношениях 2023 года

В отношениях между международным и внутренним правом существуют монизм и дуализм (Lukashuk, 2004:187). В монизме выделяют приоритет внутреннего права и приоритет международного права, при этом последний предполагает, что

²³ 中华人民共和国外交特权与豁免条例 [Regulations of the People's Republic of China concerning Diplomatic Privileges and Immunities]. Adopted at the 17th Meeting of the Standing Committee of the Sixth National People's Congress, promulgated by Order No. 44 of the President of the People's Republic of China and effective as of September 5, 1986. [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxgk_674865/zcfg/fl/200403/t20040304_9276664.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

²⁴ 中华人民共和国领事特权与豁免条例 [Правила о консульских привилегиях и иммунитетах КНР]. Приняты в Пекине, 30 октября 1990. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/lbfw_673061/fgzl_673083/202201/t20220114_10495614.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

²⁵ 中华人民共和国外国国家豁免法 [Закон об иммунитетах иностранных государств КНР]. Принят в Пекине, 1 сентября 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202309/content_6901571.htm (дата обращения: 04.04.2024).

²⁶ Конвенция о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций. Принята резолюцией 22 А Генеральной Ассамблеи, 13 февраля 1946 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/privileg.shtml (дата обращения: 04.04.2024).

²⁷ Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений. Принята резолюцией 179 (II) Генеральной Ассамблеи, 21 ноября 1947 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/specagencies_privileges.shtml (дата обращения: 05.04.2024).

²⁸ Прим.: Китайская Народная Республика осуществляет международное сотрудничество по вопросам правоохранительной и судебной власти с другими странами и международными организациями в соответствии с договорами и соглашениями, которые она заключает или к которым она присоединилась, либо в соответствии с принципами равенства и взаимности. 中华人民共和国反洗钱法 [Закон о противодействии отмыванию денег]. Принят в Пекине, 31 октября 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pbc.gov.cn/tiaofasi/144941/144951/2885658/index.html> (дата обращения: 04.04.2024). Например, ст. 27 Закона о противодействии отмыванию денег 2006 г. предусматривает, что Китай в соответствии с заключенными международными договорами, или в соответствии с принципом равенства и взаимности осуществляет международное сотрудничество в борьбе с отмыванием денег. 中华人民共和国反恐主义法 [Закон о борьбе с терроризмом]. Принят в Пекине, 27 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://legalinfo.moj.gov.cn/pub/sfbzhfx/zt/2021zt/2021415qmgiaqr/2021415_flg/202104/t20210407_351617.html (дата обращения: 06.04.2024). Ст. 68 Закона о борьбе с терроризмом 2015 г. (в редакции 2018 г.) предусматривает, что Китай осуществляет антитеррористическое сотрудничество с другими странами, регионами и международными организациями на основе международных договоров или в соответствии с принципом равенства и взаимности.

существует иерархия эффективности правовых норм, составляющих правовую систему, причем внутреннее право получает свою силу из норм международного права. Международный правопорядок определяет сферу эффективности *ratione loci, ratione personae, ratione materiae* внутреннего правопорядка государств, что делает возможным многонациональное правовое сосуществование. Дуализм, напротив, считает, что внутригосударственное право и международное право – это две формально независимые и параллельные правовые системы, различающиеся по предмету, источнику права и регулируемым правоотношениям. Как монизм, так и дуализм являются теориями, выдвигаемыми учеными для объяснения различных подходов, применяемых государствами. На практике ни одно государство не утверждает, что оно полностью придерживается «дуализма» или «монизма» в своей внутренней правовой системе (Spaak, 2013:334). При этом такой источник международного права, как международный договор отдельно рассматривается в контексте его взаимосвязи с внутренним правом.

Что касается иерархии между источниками национального права и международными договорами, как правило, существуют следующие категории. Одна из них заключается в том, что международные договоры не должны противоречить Конституции, но могут применяться в приоритетном порядке по сравнению с другими источниками внутреннего права, что отражает принцип примата международного права²⁹ (Abashidze & Pyashevich, 2020:9). Могут быть и другие модели взаимодействия. Например, в одних странах международные договоры могут проверять на конституционность в соответствии с основным законом государства. В других – международные договоры будут встраиваться в национальную правовую систему, но также не должны противоречить конституции, как в случае с Конституцией Кыргызской Республики 2016 г.³⁰ Правовой статус международных договоров также может приравниваться к внутреннему законодательству³¹, Конституция США 1787 г. тоже признает равный статус обоих³², но в ней имеет место применение принципа *lex posterior derogat legi priori*³³. Кроме того, существуют и менее распространенные практики, например, предусматривающие условное превосходство международных договоров над Конституцией³⁴, придание международным договорам по вопросам защиты

²⁹ Основной закон Федеративной Республики Германии. Принят в Бонне, 23 мая 1949 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (дата обращения: 06.04.2024). Ст. 25.

³⁰ Конституция Кыргызской Республики. Принята в Бишкеке, 28 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202913/edition/1137334/ru> (дата обращения: 06.04.2024). Ст. 6.

³¹ Конституция Республики Корея. Принята в Сеуле, 29 октября 1987 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=35> (дата обращения: 06.04.2024). П.1 ст. 6.

³² Конституции Соединенных Штатов Америки. Принято в Вашингтоне, 28 сентября 1787 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf> (дата обращения: 07.04.2024). Ст. 6.

³³ Прим.: В Соединенных Штатах положения международных договоров исполняются непосредственно в судах, за исключением особых случаев, когда требуется полная сила внутреннего законодательства. Однако это касается только «самоисполнимых» договоров. Различие между «самоисполнимыми» и «несамоисполнимыми» договорами заключается в том, что к первым относятся те, чьи положения достаточно ясны и недвусмысленны, чтобы их можно было напрямую применять в судах, а ко вторым – те, которые налагают только общие обязательства, причем политические обязательства возлагаются только на правительственные ведомства, и которые судам сложно применять напрямую.

³⁴ Прим.: п. 3 ст. 47 Конституции Бангладеша закрепляет за международными договорами, предусматривающими наказание за геноцид, преступления против человечности, военные преступления и другие преступления, статус выше или не ниже статуса Конституции.

и поощрения прав человека того же статуса, что и у Конституции³⁵, или придание международным договорам по иным другим вопросам разной степени юридической силы³⁶.

До введения в действие ЗВС большое внимание в китайской юридической науке уделялось положениям поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации³⁷ (Pervushkin & Fedoseeva, 2021:106). Ст. 79 четко указывает на то, что действие международных договоров в России зависит от положений Конституции (Osminin, 2021).

Положения ЗВС, касающиеся статуса международных договоров, отражены в двух аспектах: во-первых, п. 1 ст. 30 предусматривает, что «государство заключает договоры и соглашения в соответствии с Конституцией и законом», а во-вторых, п. 2 предусматривает, что «договоры и соглашения, заключенные государством, не должны противоречить Конституции». Выражение «не противоречит Конституции» взято из п. 3 ст. 5 Конституции КНР (в редакции 2018 г.)³⁸. На этом фоне законодательные органы признали, что договоры не должны противоречить Конституции.

В Китае из-за отсутствия конституционных положений неясно, являются ли международные договоры неотъемлемой частью китайской правовой системы. С одной стороны, некоторые законы Китая предусматривают приоритет применения международных договоров³⁹. Это свидетельствует о том, что законодательство КНР признает договоры неотъемлемой частью китайской правовой системы. С другой стороны, в «Белой книге»⁴⁰ о правовой системе социализма с китайской спецификой, опубликованной Информационным бюро Госсовета в 2011 г., говорится о том, что правовая система социализма с китайской спецификой не включает международные договоры и обычаи⁴¹.

Кроме того, соотношение между внутренним законодательством Китая и международными договорами характеризуется следующими особенностями: во-первых, добросовестное выполнение международных обязательств по договорам требует, чтобы Китай, присоединившись к международному договору, привел положения своего внутреннего законодательства в соответствие с международным договором, что подразумевает относительный приоритет международных договоров. Во-вторых, некоторые законы предусматривают приоритет применения международных

³⁵ Прим.: в ст. 7 Конституции Бенина подчеркивается, что права и обязанности, провозглашенные и гарантированные Африканской хартией прав человека и народов Организации Африканского Единства, которую Бенин ратифицировал 20 января 1986 г., являются неотъемлемой частью Конституции и законов Бенина.

³⁶ Прим.: ст. 110 Конституции Азербайджана разделяет международные договоры на межгосударственные (interstate) и межправительственные (intergovernmental). Первые – ниже конституции, но выше закона, а вторые ниже конституции и законов.

³⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/614959aa3308e34ecd3d4c7d8140ce24c9f7af69/ (дата обращения: 10.04.2024). Прим.: Поправка к ст. 79.

³⁸ Прим.: п.3 ст.5: «Никакие законы, административные правовые акты и местные правовые акты не должны противоречить Конституции».

³⁹ Например, Закон о торговом мореплавании КНР 1992 г. и Закон о гражданской авиации КНР 1995 г.

⁴⁰ Прим.: белая книга – это официальное сообщение в письменном виде.

⁴¹ 中国特色社会主义法律体系 [Правовая система социализма с китайской спецификой]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2011-10/27/content_2615783.htm (дата обращения: 10.04.2024).

договоров⁴². Таким образом, несмотря на то, что нельзя напрямую утверждать, что международные договоры имеют приоритет над китайским законодательством во всех областях правового регулирования, можно с уверенностью сказать, что не существует случаев на практике, когда международные договоры были бы признаны ниже китайского национального права.

Порядок применения международных договоров в соответствии с китайской правовой системой

Что касается применения международных договоров, понятие «принимать надлежащие меры» в ст. 31 ЗВС – это принципиальное и разрешительное положение, и такие вопросы, как статус международных договоров в правовой системе Китая, порядок их исполнения а также конкретные меры, необходимые для их реализации, требуют дальнейшего уточнения в будущих законах и нормативно-правовых актах.

В ЗВС положения о применении международных договоров можно разделить на следующие четыре категории. Во-первых, если международный договор содержит положения, отличные от китайского законодательства, применяются положения международного договора, за исключением тех положений, к которым Китай сделал оговорку. Во-вторых, исходя из характера международных договоров, например, полный приоритет международных договоров существует в гражданской и коммерческой сфере. В-третьих, в зависимости от вида органов, ратифицирующих международные договоры: договоры, ратифицированные ВСНП, приравниваются к китайским законам, а договоры, ратифицированные Государственным советом – к нормативным актам правительства (постановлениям). В-четвертых, на основании того, в чьем ведении находится затрагиваемый в договоре вопрос (Wu, 2000:25; Che, 2005:97)⁴³.

Однако в целом, исходя из практики, применение международных договоров, подписанных Китаем, можно разделить на шесть способов: прямое применение, косвенное применение, смешанное применение, приоритетное применение, выборочное применение и дублирующее применение (Wang, 2007:138).

1) прямое применение означает непосредственное применение международного договора к вопросам, входящим в сферу его действия. Подавляющее большинство международных договоров в Китае имеют прямое действие без трансформации⁴⁴. Следует отметить, что сюда также относятся случаи, когда соответствующий

---

⁴² 中华人民共和国海商法 [Закон о торговом мореплавании КНР]. Принят в Пекине, 7 ноября 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2020-12/24/content_5572935.htm (дата обращения: 11.04.2024). 中华人民共和国民用航空法 [Закон о гражданской авиации КНР]. Принят в Пекине, 30 октября 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/banshi/2005-08/23/content_25581.htm (дата обращения: 12.04.2024).

⁴³ Прим.: договоры, заключенные от имени государства, приравниваются к законам; договоры, заключенные от имени правительства, приравниваются к нормативным актам правительства (постановлениям); а договоры, заключенные от имени ведомства, приравниваются к ведомственным нормативным актам.

⁴⁴ 中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне КНР]. Принят в редакции в Пекине, 26 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgrw/flfg/4876050.html> (дата обращения: 12.04.2024). Ст. 70.

Закон о внешней торговле КНР. Принят в редакции в Пекине, 6 апреля 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: https://chinalawinfo.ru/economic_law/law_foreign_trade (дата обращения: 12.04.2024). Ст. 6.

договор уже заключен или к нему присоединились, а внутригосударственное законодательство по данному вопросу отсутствует, тогда международные договоры будут иметь прямое действие⁴⁵.

2) приоритетное применение международных договоров означает, если договор, заключенный Китаем или участником которого он является, имеет положения отличные от китайского законодательства, за исключением положений, в отношении которых Китай заявил оговорку, такому договору отдается приоритет в применении, при этом также может быть сделана отсылка к международно-правовым обычаям. Например, ст. 184 Закона о гражданской авиации КНР (в редакции 2021 года)⁴⁶.

3) выборочное применение международных договоров и внутреннего права. Например, п. 4 ст. 4 Закона об иностранных инвестициях КНР 2019 года предусматривает (Voikov, 2019), что «если международными договорами, которые заключены Китайской Народной Республикой, либо участницей которых она является, предусматривается более благоприятный режим допуска иностранных инвесторов могут применяться положения соответствующих международных договоров»⁴⁷. Употребление слова «могут» свидетельствует о том, что данный закон предусматривает выборочное применение международных договоров (Liu, 2018:80).

4) дублирующее применение международных договоров и внутреннего законодательства. П. 1 ст. 5 Закона об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе КНР 1998 года предусматривает, что «любая международная организация, иностранная организация или частное лицо, которые входят в исключительную экономическую зону Китая для осуществления рыболовной деятельности, должны получить разрешение компетентного органа Китая и должны соблюдать законы и правила Китая, а также международные договоры и соглашения, подписанные Китаем с соответствующими странами»⁴⁸.

5) косвенное применение подразумевает преобразование международного договора и обычно сопровождается соответствующим внутренним законодательством. В случае косвенного применения преобразование международного договора можно разделить на две категории. Во-первых, *предварительное преобразование*⁴⁹. Например, в 1995 г. в Китае был принят Закон о гражданской авиации⁵⁰, в котором

⁴⁵ Прим.: например, Китай присоединился к Конвенции о статусе беженцев 1951 г. и Протоколу, касающийся статуса беженцев 1967 г., но поскольку во внутреннем законодательстве Китая нет положений о статусе беженцев, эти конвенции также имеют прямое действие.

⁴⁶ 中华人民共和国民用航空法 [Закон о гражданской авиации КНР]. Принят в редакции в Пекине, 29 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.caac.gov.cn/PHONE/XXGK_17/XXGK/FLFG/201510/P020210813581690541587.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

⁴⁷ Закон об иностранных инвестициях КНР. Принят в Пекине, 15 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://chinawindow.ru/china/legal-information-china/zakon-kitajskoj-narodnoj-respubliki-ob-inostrannyh-investitsiyah/> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴⁸ Закон об исключительной экономической зоне и континентальном шельфе КНР. Принят в Пекине, 26 июня 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.diaoyudao.org.cn/2014-12/11/content_34291834.htm (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁹ Прим.: внутреннее законодательство принимается до ратификации международного договора или присоединения к нему, чтобы соответствовать требованиям международного договора и облегчить его осуществление, или же во внутреннее законодательство вносятся поправки, чтобы по возможности избежать коллизий между внутренним законодательством и международным договором.

⁵⁰ 中华人民共和国民用航空法 [Закон о гражданской авиации КНР]. Принят в редакции в Пекине, 29 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.caac.gov.cn/PHONE/XXGK_17/XXGK/FLFG/201510/P020210813581690541587.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

положения, касающиеся прав гражданских воздушных судов, полностью соответствуют Конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 г.⁵¹, а Постоянный комитет ВСНП принял решение о присоединении к данной Конвенции в 2000 г. в связи с тем, что Китай уже располагал условиями для осуществления данной Конвенции. Во-вторых, *ратификация международного договора или присоединение к нему с последующим принятием внутреннего законодательства*⁵².

б) однако некоторые международные договоры после их трансформации во внутригосударственное законодательство содержат положения, имеющие прямое применение, что приводит к сочетанию прямого и косвенного применения, т.е. **смешанное применение**. Такие случаи можно разделить на две категории: во-первых, они предусматривают приоритетное применение международных договоров, как, например, вышеупомянутый Закон о гражданской авиации КНР 2021 года, который вобрал в себя содержание Конвенции о международном признании прав на воздушные суда 1948 года, но ст. 184 п. 1 данного закона все равно отдает приоритет применению международного договоров. Во-вторых, он относится к режиму прямого применения «договор предусматривает иное» (He, 2023:219)⁵³.

Из приведенного выше анализа видно, что косвенное применение является наиболее безопасным и надежным, но количество международных договоров настолько велико, что все косвенное применение не является необходимым. Что касается прямого применения, то наибольший риск заключается в том, что если международный договор противоречит внутреннему законодательству, то это может нанести ущерб публичным интересам общества.

Перечисленные особенности реализации международных договоров в Китае демонстрируют как нормативную базу, так и существующие правовые пробелы. Важно отметить, что ещё остаются нерешённые вопросы, требующие дальнейшего совершенствования законодательства. Эти аспекты подводят к необходимости оценки возможных путей оптимизации механизмов имплементации международных договоров.

⁵¹ Конвенция о международном признании прав на воздушные суда. Принята в Женеве, 19 июня 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/2659517> (дата обращения: 14.04.2024).

⁵² Прим.: например, Китай присоединился к Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. в 1975 г. и к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. в 1979 г., и обе эти конвенции на тот момент имели прямое внутреннее действие. Впоследствии, в 1986 и 1990 годах, Китай принял Положение о дипломатических привилегиях и иммунитетах Положение о консульских привилегиях и иммунитетах, которые в целом соответствуют данным конвенциям.

⁵³ Прим.: 外交特权与豁免条例 [Regulations of the People's Republic of China concerning Diplomatic Privileges and Immunities]. Adopted at the 17th Meeting of the Standing Committee of the Sixth National People's Congress, promulgated by Order No. 44 of the President of the People's Republic of China and effective as of September 5, 1986. [Electronic source]. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zfxzgk_674865/zcfg/fl/200403/t20040304_9276664.shtml (дата обращения: 18.04.2024). Ст. 27 говорится, что «международные договоры, заключенные Китаем или стороной которых он является, должны рассматриваться в соответствии с положениями международных договоров, за исключением тех положений, в отношении которых Китай сделал оговорки. Если соглашение о дипломатических привилегиях и иммунитетах, заключенное между Китаем и иностранным государством, предусматривает иное, оно должно выполняться в соответствии с положениями соглашения». Таким образом, даже если международный договор был преобразован во внутреннее законодательство, он по-прежнему имеет прямое действие, если в нем не предусмотрено иное.

Закключение

Обобщая вышеизложенные положения о международных договорах, содержащихся в ЗВС, можно сделать следующие выводы:

1) ЗВС представляет собой ключевой нормативный акт, регулирующий внешние отношения страны и играющий важную роль в законодательной системе Китая, связанной с международными государственными взаимодействиями;

2) ЗВС установил принципы заключения международных договоров в соответствии с законом, добросовестным исполнением, верховенством Конституции, а также принятием соответствующих мер по применению международных договоров и соблюдением общественного порядка. Он содержит относительно исчерпывающие положения о заключении, выполнении, реализации и применении международных договоров в Китае, обеспечивая институциональную основу для будущего развития законодательства Китая согласно международным договорам;

3) ЗВС закрепил принцип добросовестного исполнения на официальном уровне и впервые четко определил позицию, согласно которой договоры и соглашения, заключенные или заключаемые государством, не должны противоречить Конституции. При этом, хотя иерархическая связь между договорами и внутренним законодательством Китая не прояснена, в действующих законах нет положений, которые бы устанавливали, что международные договоры применяются в приоритетном порядке по сравнению с внутренним законодательством Китая. Учитывая, что международные договоры содержат многочисленные положения, имеющие прямое применение на китайской территории, договоры, заключенные Китаем или в которых он является стороной, должны составлять неотъемлемую часть китайской национальной правовой системы, за исключением тех, к которым Китай сделал оговорки.

Что касается выполнения и применения международных договоров, то ЗВС в принципе предусматривает, что «государство принимает соответствующие меры для выполнения и применения международных договоров и соглашений», оставляя лауну, которая должна быть оговорена в будущем законодательстве. По этой причине для дальнейшей реализации положений ЗВС необходимо рассмотреть следующие меры.

Во-первых, можно усовершенствовать процедуры проверки и утверждения заключения международных договоров, создать специализированный комитет при ВСНП, который будет анализировать их правовые последствия. Важно внедрить механизм независимой экспертизы подписываемых международных договоров на проверку их соответствия Конституции, а также предусмотреть стратегию переговоров с учетом национальных интересов КНР. Для предотвращения потенциального риска того, что положения международного договора будут противоречить внутреннему законодательству или интересам государства, следует ввести систему правового и экономического анализа содержания договоров до их ратификации или присоединения к ним.

Во-вторых, по отдельным международным договорам, затрагивающим такие важные для общества вопросы, как территориальные споры, права человека и вопросы окружающей среды⁵⁴, возможно предусматривать адаптацию содержания

⁵⁴ Прим.: Эти области – территориальные споры, права человека и окружающая среда – считаются ключевыми, так как затрагивают суверенитет, национальную безопасность и долгосрочное развитие страны. Территориальные вопросы связаны с защитой границ и стратегических ресурсов, права человека – с международными обязательствами и внутренней политикой, а экология – с экономическими и

международных норм в национальное законодательство, например, с учетом национальных традиций и особенностей экономики.

Наконец, положения п. 2 ст. 31 ЗВС следует толковать ограничительно, поскольку они значительно расширяют общественные интересы. Также Верховный суд может рассмотреть вопрос о создании и публикации специального сборника прецедентов для разъяснения ситуаций, в которых применение международного договора нарушает интересы общества.

В целом, Китай демонстрирует приверженность международному праву, активно участвуя в глобальном правовом сотрудничестве и внедряя международные нормы в свою национальную правовую систему. Так, с 2013 г. Китай продвигает инициативу «Один пояс, один путь», и по состоянию на март 2024 г. Китай подписал соглашения о сотрудничестве со 152 странами и 32 международными организациями в рамках этой инициативы. Всё это способствует укреплению международного правопорядка и продвижению верховенства права на глобальном уровне.

References / Список литературы

- Abashidze, A.N. & Ilyashevich, M.V. (2020) Relationship and interaction of international and national law. *Observer*. (8 (367)), 5–21. (In Russian). EDN: DJMLWS.
- Абашидзе А.Х., Ильяшевич М.В. Соотношение и взаимодействие международного и национального права // *Обозреватель*. 2020. № 8 (367). С. 5–21. EDN: DJMLWS.
- Abdurakhmanova, I.V. (2020) On the correlation between the norms of the Constitution of the Russian Federation and an international treaty in the new edition of the Basic Law. In: Abdurakhmanova, I. V. (ed.). *Improvement of Constitutional and Legal Mechanisms of Organization of Public Power in Modern Russia: Public Dialogue*. Don, Azov-Print Publ., pp. 49–56. (In Russian). EDN: RVDPTL.
- Абдурахманова И.В. К вопросу о соотношении норм Конституции Российской Федерации и международного договора в новой редакции Основного закона // *Совершенствование конституционно-правовых механизмов организации публичной власти в современной России: общественный диалог : VII Донской юридический форум: сб. материалов Нац. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. И.В. Абдурахманова*. Москва : Азов-Принт, 2020. С. 49–56. EDN: RVDPTL.
- Alekseenko, A.P. (2024) Legal status of the operator of e-commerce platform operator in China. *Jurisprudence*. 68 (2), 284–302. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.211> EDN: JBRTPM.
- Алексеев А.П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // *Правоведение*. 2024. Т. 68. № 2. С. 284–302. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.211> EDN: JBRTPM.
- Anthony, A. (2013) *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge, Cambridge University.
- Bokov, A.A. (2019) Legal treatment of foreign investment in the PRC. In: Bokov, A.A. (ed.) *Law: History, Theory, Practice: Proceedings of the IX international full-time scientific-practical conference*. Moscow, Empire Publ., pp. 36–45. (In Russian). EDN: LWWOIK.
- Боков А.А. Правовой режим иностранных инвестиций в КНР // *Право: история, теория, практика : сб. матер. IX Междунар. очно-заочн. науч.-практ. конф. / отв. ред. и сост. А.А. Боков*. Москва : Империя, 2019. С. 36–45. EDN: LWWOIK.
- 戴瑞君 (2020) *国际条约在中国法律体系中的地位* [Status of international treaties in the Chinese legal system]. Beijing, China Social Science Press. (In Chinese).
- Dai, Rui Jun. *Guoji tiaoyue zai Zhongguo falü tixi zhong de diwei*. Beijing, China Social Science Press.

промышленными ограничениями. Специальный механизм их применения необходим для баланса между международными нормами и национальными интересами.

- Denisov, I.E. (2025) Legal support for China's foreign policy: strengthening international status and protecting national interests. *World Economy and International Relations*. 69 (1), 17–29. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29> EDN: EXCQHH.
Денисов И.Е. Правовое обеспечение внешней политики КНР: укрепление международного статуса и защита национальных интересов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2025. Т. 69. № 1. С. 17–29. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29> EDN: EXCQHH.
- Gavrilov, V.V. (2024) Effect of International Law in the Legal System of the People's Republic of China. *Journal of Russian Law*. 28 (11), 138–151. (In Russian). <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.11.2> EDN: MACDMY.
Гаврилов В.В. Действие норм международного права в правовой системе Китайской Народной Республики // *Журнал российского права*. 2024. Т. 28. № 11. С. 138–151. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.11.2> EDN: MACDMY.
- Liu, Q. (2017) International treaty as a source of Chinese law. *Agrarian and Land Law*. (7 (151)), 72–80. (In Russian). EDN: ZTPGGX.
Лю Ц. Международный договор как источник китайского права // *Аграрное и земельное право*. 2017. № 7 (151). С. 72–80. EDN: ZTPGGX.
- Liu, Q. (2018) On the international treaties of the People's Republic of China after 1978. *Russian justice*. (3 (143)), 76–84. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2018.3.76-84>
Лю Ц. О международных договорах Китайской Народной Республики после 1978 года // *Российское правосудие*. 2018. № 3 (143). С. 76–84. <https://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2018.3.76-84>
- Lukashuk, I.I. (2004) *Modern Law of Treaties. Vol. 1: Conclusion of international agreements*. Moscow, Walters Kluwer Publ. (In Russian).
Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1 : Заключение международных договоров. М. : Волтерс Клувер, 2004. 658 с.
- Osmenin, B.I. (2021) International Law, Foreign Relations Law and a Conception “Comparative International Law”. *Journal of Russian Law*. 25 (2), 145–159. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.025> EDN: QYJXYJ.
Осминин Б.И. Международное право, право внешних сношений и концепция «сравнительного международного права» // *Журнал российского права*. 2021. Т. 25. № 2. С. 145–159. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.025> EDN: QYJXYJ.
- Pervushkin, T.V. & Fedoseeva, L.Yu. (2021) Opinion of the Venice Commission on the adoption of amendments to Article 79 of the Constitution of the Russian Federation. In: Pervushkin, T. V. (ed.). *Actual problems of history, politics and law: Collection of articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference*. Penza, Penza State Agrarian University Publ., pp. 105–109. (In Russian). EDN: KJLUQT.
Первушкин Т.В., Федосеева Л.Ю. Мнение Венецианской комиссии по вопросу принятия поправок к статье 79 Конституции РФ // *Актуальные проблемы истории, политики и права : сб. статей IX Всеросс. науч.-практ. Конф. / отв. ред. и сост. Т.В. Первушкин*. Москва : Пензенский государственный аграрный университет, 2021. С. 105–109. EDN: KJLUQT.
- Spaak, T. (2013) Kelsen on monism and dualism. *Basic Concepts of Public International Law: Monism & Dualism*. 322–343. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2231530> [Accessed 10th September 2024].
- Troshchinsky, P.V. & Molotnikov, A.E. (2019) Features of legal regulation of the digital economy and digital technologies in China. *Jurisprudence*. 63 (2), 309–326. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207> EDN: YDOOHH.
Трошинский П.В., Молотников А.Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // *Правоведение*. 2019. Т. 63. № 2. С. 309–326. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.207> EDN: YDOOHH.
- Vinogradov, A.O., Troshchinsky, P.V. & Mamkin, I.K. (2023) Foreign Relations Law of the People's Republic of China. *Analytical Notes of IKSA RAS*. (5), 10–15. (In Russian). <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.73.80.002> EDN: RREFGG.

- Виноградов А.О., Трощинский П.В., Мамыкин И.К. Закон КНР о внешних связях // Аналитические записки ИККА РАН. 2023. № 5. С. 10–15. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2023.73.80.002> EDN: RREFGG.
- 王勇 (2007) 条约在中国适用之基本理论问题研究. [Study on the Basic Theoretical Issues on the Application of Treaties in China]. Beijing, Peking University Press. (In Chinese).
- Wang, Yong. Tiaoyue zai Zhongguo shiyong zhi jiben lilun wenti yanjiu. Beijing, Peking University Press.
- 蔡从燕 (2024) 中国条约司法适用制度新论. [Judicial System of Treaty Application in China: New Perspectives]. 法学家 [Jurisprudence]. (6), 51–64. (In Chinese).
- Cai, Cong Yan. Zhong guo tiao yue si fa shi yong zhi du xin lun. Fa xue jia. 2024. № 6. 51–64.
- 车丕照 (2005) 论条约在我国的适用. [On the application of the treaty in my country]. 法学杂志 [Jurisprudence]. (3), 96–99. (In Chinese).
- Che, Pei Zhao. Lun tiao yue zai wo guo de shi yong. Fa xue za zhi. 2005. № 3. 96–99.
- 车丕照 (2024) 《对外关系法》对我国涉外法治的统领 [The "Foreign Relations Law" dominates the rule of law in our country's foreign-related affairs]. 法学杂志 [Journal of Law]. 45 (1), 128–140. (In Chinese). <https://www.doi.org/10.16092/j.cnki.1001-618x.2024.01.001>
- Che, Pei Zhao. Dui wai guan xi fa dui wo guo she wai fa zhi de tong ling. Fa xue za zhi. 2024. T. 45. № 1. C. 128–140. <https://www.doi.org/10.16092/j.cnki.1001-618x.2024.01.001>
- 蒋超翊 (2022) 美国对外关系法的解释与演进及其对中国的启示 [The interpretation and evolution of the U.S. Foreign Relations Law and its implications for China]. 中国法律评论 [China Law Review]. (1), 64–76. (In Chinese).
- Jiang, Chao Yu. Mei guo dui wai guan xi fa de jie shi yu yan jin ji qi dui Zhong guo de qi shi. Zhong guo fa lv ping lun. 2022. № 1. 64–76.
- 何其生 (2023) 国际惯例适用规则的立法范式研究—以我国司法实践为出发点 [Research on the Legislative Paradigm of Applicable Rules of International Practice-Taking our Country's Judicial Practice as the starting point]. 法学研究 [Chinese Journal of Law]. (6), 203–219. (In Chinese).
- He, Qi Sheng. Guo ji guan li shi yong gui ze de li fa fan shi yan jiu – yi wo guo si fa shi jian wei chu fa dian. Fa xue yan jiu. № 6. 203–219.
- 吴慧 (2000) 国际条约在我国国内法上的地位及与国内法冲突的预防与解决 [The status of international treaties in our domestic law and the prevention and resolution of conflicts with domestic law]. 国际关系学报. [Journal of University of International Relations]. (2), 23–28. (In Chinese).
- Wu, Hui. Guo ji tiao yue zai wo guo guo nei fa shang de di wei ji yu guo nei fa chong tu de yu fang yu jie jue. Guo ji guan xi xue bao. 2000. № 2. 23–28.

Сведения об авторе:

Гу Вэнью – аспирант кафедры международного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0009-0009-8484-3796; SPIN-код: 8787-4178

e-mail: 1042225079@rudn.ru

About the author:

Wenshuo Gu – PhD Student, Department of International Law, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0009-0009-8484-3796; SPIN-code: 8787-4178

e-mail: 1042225079@rudn.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, АГРАРНОЕ ПРАВО

LAND LAW, NATURAL RESOURCES LAW, ENVIRONMENTAL LAW, AGRARIAN LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-617-630>
EDN: PFWCIF

Научная статья / Research Article

Совершенствование определения видов разрешенного использования земельных участков: гармонизация земельного и градостроительного законодательства

М.Н. Гаврилюк

Государственный университет по землеустройству, г. Москва, Российская Федерация
 gavrilyulmn@guz.ru

Аннотация. Исследуются различные трактовки правового термина «вид разрешенного использования земельных участков», представленные в юридической литературе. Осуществляется анализ земельного и градостроительного законодательства, регулирующего понятийный аппарат, а также порядок установления, изменения вида разрешенного использования земельных участков. Автор проводит историко-правовой анализ, который позволяет проследить эволюцию легального регулирования понятия «вид разрешенного использования земельного участка». В исследовании осуществляется исследование признаков вида разрешенного использования земельного участка как правовой категории, оценивается роль судебной практики в правоприменении порядка установления и изменения вида разрешенного использования земельных участков, формировании единообразной правоприменительной практики.

Ключевые слова: категория земель, правовой режим земель, правила землепользования и застройки (ПЗЗ)

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

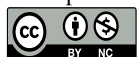
Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 23 февраля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

© Гаврилюк М.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Гаврилюк М.Н. Совершенствование определения видов разрешенного использования земельных участков: гармонизация земельного и градостроительного законодательства // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 617–630. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-617-630> EDN: PFWCIF

Improving the Definition of Permitted Land Uses: Harmonization of Land and Urban Planning Legislation

Maria N. Gavriilyuk

State University of Land Use Planning, *Moscow, Russian Federation*

 gavriilyulmn@guz.ru

Abstract. The article examines different interpretations of the legal term “type of permitted use of land plots” found in legal literature. It analyzes land and urban planning legislation that regulates the conceptual framework and the procedure for establishing and changing the type of permitted use of land plots. A historical and legal analysis is conducted to trace the evolution of the legal regulation of the concept of “type of permitted use of land plots.” The article explores the characteristics of the type of permitted use of a land plot as a legal category and assesses the role of judicial practice in enforcing the procedure for establishing and changing such types, as well as in developing uniform law enforcement practice.

Keywords: land category, legal regime of land, land use and development rules (LUDR)

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

Received: February 23, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Gavriilyuk, M.N. (2026) Improving the Definition of Permitted Land Uses: Harmonization of Land and Urban Planning Legislation. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 617–630. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-617-630> EDN: PFWCIF

Введение

Понятие вида разрешенного использования как правовой категории остается одной из наиболее дискуссионных в науке земельного права, что обусловлено как недостаточной определенностью легальных дефиниций, так и продолжающейся эволюцией законодательного регулирования.

Актуальность теоретического осмысления понятия, правовой природы и значения видов разрешенного использования земельных участков (далее – ВРИ) определяется несколькими факторами. Во-первых, институт находится на стыке земельного и градостроительного права, что создает уникальную правовую конструкцию, сочетающую частноправовые и публично-правовые элементы. Во-вторых, правоприменительная практика свидетельствует о значительном количестве споров, связанных с установлением и изменением ВРИ, что указывает на несовершенство

действующего правового регулирования¹. В-третьих, понимание правовой природы ВРИ имеет непосредственное практическое значение для определения пределов усмотрения органов публичной власти.

Историко-правовой анализ позволяет проследить эволюцию легального регулирования. Первоначальная редакция Земельного кодекса Российской Федерации 2001 г.² (далее – ЗК РФ) содержала лишь общую отсылку к зонированию территорий, не конкретизируя виды разрешенного использования. Принципиальные изменения внес Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ)³, закрепивший деление ВРИ на основные, условно разрешенные и вспомогательные, а также установивший отсылку к Классификатору видов разрешенного использования земельных участков, утв. приказом Росреестра от 10.11.2020 № П/0412.

Существенные изменения были внесены Федеральным законом от 22.07.2008 № 141-ФЗ⁴, который впервые установил связь между ВРИ и градостроительным зонированием.

ГрК РФ подходит к определению ВРИ через категорию градостроительного регламента. Согласно п. 9 ст. 1 ГрК РФ градостроительный регламент устанавливает в пределах территориальной зоны виды разрешенного использования земельных участков. Ст. 37 ГрК РФ закрепляет классификацию ВРИ, выделяя основные, условно разрешенные и вспомогательные виды. Как отмечается в научной литературе, целесообразность института условно разрешенного вида использования может и должна рассматриваться в качестве соотношения балансов публичного и частного интересов (Mayboroda & Mayboroda, 2021).

Основные новеллы законодательного регулирования по установлению и изменению ВРИ вступают в силу с 1 марта 2026 г.⁵, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 295-ФЗ⁶, предусматривающие введение новой главы II.1 ЗК РФ. Земельным законодательством впервые дается легальное определение вида разрешенного использования земельного участка и также впервые определяется, что ВРИ устанавливается для земель всех категорий, в том числе земель запаса, а для земель сельскохозяйственного назначения – ВРИ изменяются и устанавливаются в соответствии с федеральным законом, что является новым в сравнении с ранее действовавшим законодательством (ст. 14.1 ЗК РФ).

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с изменением вида разрешенного использования земельного участка, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3.

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29 октября 2001 г. № 44 ст. 4147.

³ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ // Собрание законодательства от 3 января 2005 г. № 1 (часть I) ст. 16

⁴ Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования земельных отношений» // Собрание законодательства РФ от 28 июля 2008 г. № 30 (часть I) ст. 3597.

⁵ За исключением отдельных положений п. 2 ст. 13 Закона, для которых предусмотрен срок вступления с 1 сентября 2025 г.

⁶ Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 4 августа 2025 г. № 31 ст. 4649.

Методологическую основу настоящего исследования составляет принцип историзма, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии и взаимосвязи с конкретно-историческими условиями.

В науке земельного права сформировалось несколько подходов к определению понятия ВРИ. Профессор О.И. Крассов определяет разрешенное использование как использование земельного участка с учетом целевого назначения, установленных ограничений и обременений, подчеркивая производный характер ВРИ от градостроительного зонирования. О.И. Крассов рассматривает разрешенное использование как публично-правовое ограничение права собственности⁷.

Проф. Г.А. Волков отмечает, что реформирование установления правового режима земельных участков осуществляется с помощью таких правовых средств, как деление земель на категории по целевому назначению и определение разрешенного использования земельных участков (Volkov, 2019).

Профессор А.П. Анисимов рассматривает ВРИ как правовую категорию, определяющую пределы осуществления права собственности, представляющую собой установленные правовыми нормами границы использования земельного участка для определенных целей (Anisimov, 2006).

Профессор С.А. Боголюбов подчеркивает взаимосвязь ВРИ с целевым назначением, рассматривая разрешенное использование как конкретизацию целевого назначения применительно к конкретному земельному участку⁸. Как отмечает Е.Л. Минина: «понятие «разрешенное использование» четко привязано ЗК РФ к зонированию территорий, при этом, например, в целях сохранения наиболее ценных земель – сельскохозяйственных угодий, особо охраняемых природных территорий – необходимо будет установить не менее жесткий порядок изменения их разрешенного использования, чем действующий порядок перевода в другую категорию» (Minina, 2012).

Формирование института вида разрешенного использования (историко-правовой аспект)

Институт видов разрешенного использования земельных участков в его современном понимании является относительно молодым правовым образованием, возникшим в российской правовой системе лишь в конце 1990-х годов. Однако функциональные аналоги данного института – правовые механизмы, определяющие допустимые способы использования земель, – существовали на протяжении всей истории российского государства.

Переломным моментом стало принятие Градостроительного кодекса Российской Федерации от 7 мая 1998 г. № 73-ФЗ. Именно в данном законодательном акте впервые в российском праве появился термин «разрешенное использование» земельного участка. Кодекс ввел в правовой оборот понятия градостроительного регламента, территориального зонирования, правил землепользования и застройки. Тем самым было положено начало формированию системы градостроительного зонирования как механизма определения допустимых способов использования земельных участков.

⁷ Крассов О.И. Земельное право: учебник. 5-е изд., перераб. Москва : Юридическое издательство «Норма», 2026. С. 127–128.

⁸ Боголюбов С.А. Земельное право: учебник для бакалавров. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023. С. 89–91.

Принципиальное значение имело то, что институт разрешенного использования возник в рамках градостроительного, а не земельного законодательства. Это определило специфику данного института: он изначально был ориентирован на регулирование застройки территорий. Градостроительное зонирование распространялось прежде всего на территории населенных пунктов, где осуществляется застройка, в то время как земли сельскохозяйственного назначения, лесного и водного фонда оставались за пределами действия данного механизма.

Следует подчеркнуть, что в переходный период институт разрешенного использования находился в стадии формирования и характеризовался значительной правовой неопределенностью. Отсутствовала единая классификация видов разрешенного использования, не были четко разграничены сферы применения категорий земель и видов разрешенного использования, не определен порядок установления и изменения.

Формирование института испытывало значительное влияние зарубежного опыта, прежде всего американской модели зонирования (zoning) и немецкой системы градостроительного планирования (bauleitplanung). Рецепция зарубежных институтов осуществлялась в условиях сохранения советской системы категорий земель, что предопределило дуалистический характер современного российского правового регулирования.

ГрК РФ 2001 г. существенно развил институт территориального зонирования и ВРИ. Кодекс детально урегулировал порядок подготовки, утверждения и применения правил землепользования и застройки, определил содержание градостроительного регламента, установил классификацию ВРИ на три группы: основные виды разрешенного использования, условно разрешенные виды использования и вспомогательные виды разрешенного использования.

Существенное значение для систематизации ВРИ имело принятие Классификатора видов разрешенного использования земельных участков. Первый Классификатор был утвержден Приказом Минэкономразвития России от 1 сентября 2014 г. № 540. Классификатор установил единый перечень ВРИ, подлежащих применению на всей территории РФ, и унифицировал терминологию.

Современный этап характеризуется продолжающимися дискуссиями о целесообразности отмены института категорий земель. Законопроект, внесенный в Государственную Думу в 2014 г., предусматривал замену семи категорий земель на восемнадцать территориальных зон с одновременным распространением механизма градостроительного зонирования на все земли. Данный законопроект не был принят (Gavriluyuk, 2019). Однако как отмечает Г.Л. Землякова, для того, чтобы такой закон был принят, существующий институт градостроительного зонирования должен быть идеально выверен (Zemlyakova, 2021).

Двойственность системы правового регулирования создает ряд практических проблем. Для земельных участков, на которые не распространяется действие градостроительных регламентов (земли лесного фонда, водного фонда, сельскохозяйственные угодья и другие), ВРИ определяется исключительно на основе целевого назначения, что не обеспечивает достаточной конкретизации правового режима. Вопросы соотношения категорий земель и видов разрешенного использования остаются предметом научных дискуссий и судебных споров.

Признаки вида разрешенного использования земельных участков

Анализ доктринальных определений позволяет выделить несколько концептуальных подходов: (1) ВРИ как форма конкретизации целевого назначения; (2) ВРИ как правовое средство ограничения правомочий собственника; (3) ВРИ как результат градостроительного зонирования; (4) ВРИ как самостоятельная правовая категория.

Выявление существенных признаков ВРИ имеет важное теоретическое и практическое значение, позволяя отграничить данное понятие от смежных категорий.

ВРИ устанавливаются применительно к территориальным зонам, а не к отдельным земельным участкам. Все участки в пределах одной территориальной зоны имеют одинаковый перечень допустимых ВРИ, что подтверждено Обзором практики Верховного суда РФ от 14.11.2018⁹.

Первым признаком выступает множественность ВРИ. Законодательство допускает установление для одного земельного участка нескольких ВРИ – основных, условно разрешенных и вспомогательных, при этом правообладатель вправе самостоятельно выбирать вид использования из числа установленных градостроительным регламентом.

Вторым признаком является влияние на содержание права собственности. ВРИ определяет пределы осуществления правомочия пользования земельным участком. Конституционный Суд РФ подчеркивал, что ограничения права собственности через установление ВРИ должны быть соразмерны конституционно значимым целям¹⁰.

Третьим признаком выступает изменяемость ВРИ. В отличие от категории земель, ВРИ может быть изменен правообладателем самостоятельно путем выбора иного вида из числа предусмотренных градостроительным регламентом или в результате внесения изменений в правила землепользования и застройки (далее – ПЗЗ).

Четвертым признаком является публичность ВРИ. Сведения о ВРИ подлежат внесению в ЕГРН в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹¹, что обеспечивает публичную достоверность соответствующих сведений.

Пятым признаком является связь с кадастровой стоимостью. ВРИ является основным ценообразующим фактором при кадастровой оценке земель, что влияет на размер земельного налога и арендной платы.

Шестым признаком является императивность ВРИ. Использование земельного участка не в соответствии с установленным ВРИ влечет применение мер юридической ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ. При этом Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16.10.2020 № 42-П¹² признал данную статью частично не соответствующей Конституции РФ в части неопределенности правового регулирования ответственности за нарушение вспомогательного ВРИ.

Для полного понимания правовой характеристики ВРИ необходимо рассмотреть его соотношение со смежными понятиями.

⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г.) // СПС «Консультант плюс».

¹⁰ Постановление Конституционного суда РФ от 13.10.2022 № 43-П // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7431.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

¹² Собрание законодательства РФ. 2020. № 43. Ст. 6844.

Целевое назначение определяется принадлежностью участка к одной из семи категорий земель, установленных ст. 7 ЗК РФ. Целевое назначение представляет наиболее общий уровень определения правового режима земель, а ВРИ конкретизирует целевое назначение применительно к конкретной территориальной зоне и земельному участку. Таким образом, целевое назначение и ВРИ соотносятся как общее и особенное. ВРИ не может противоречить целевому назначению земельного участка, что подтверждается судебной практикой¹³.

Функциональное зонирование осуществляется в генеральных планах в соответствии со ст. ст. 18–23 ГрК РФ и определяет функциональные зоны территории, носит перспективный характер. В отличие от него, территориальное зонирование осуществляется в ПЗЗ в соответствии со ст. ст. 30–35 ГрК РФ и устанавливает ВРИ, имеет нормативный характер и непосредственно определяет правовой режим земельных участков¹⁴.

Правовой режим земельного участка представляет собой многоуровневую систему. Первый уровень образует принадлежность земельного участка к категории земель, определяющая наиболее общие требования к использованию. Второй уровень формируется территориальным зонированием и градостроительными регламентами, включающими ВРИ.

Соотношение ВРИ с иными элементами правового режима может быть охарактеризовано следующим образом: категория земель и ВРИ соотносятся как общее и особенное; ограничения прав и ВРИ действуют параллельно и могут взаимно усиливать друг друга.

Вопрос о правовой природе института ВРИ является дискуссионным. Основная дискуссия разворачивается вокруг соотношения публично-правовых и частноправовых элементов.

Публично-правовая природа института проявляется в следующих аспектах. Во-первых, ВРИ устанавливаются нормативным правовым актом – ПЗЗ, принимаемыми органами местного самоуправления (ст. 32 ГрК РФ), являющимися актом общего действия. Во-вторых, установление ВРИ осуществляется в публичных интересах – для обеспечения устойчивого развития территорий, развития инфраструктур (ст. 2 ГрК РФ). В-третьих, соблюдение ВРИ обеспечивается механизмом государственного принуждения (ст. 8.8 КоАП РФ, ст. 222 ГК РФ). В-четвертых, процедура изменения ВРИ имеет публично-правовой характер, требуя проведения публичных слушаний (ст. 39 ГрК РФ).

Частноправовые элементы также присутствуют. Правообладатель вправе самостоятельно выбирать ВРИ из числа основных и вспомогательных видов (ч. 4 ст. 37 ГрК РФ). ВРИ влияет на гражданско-правовые отношения, связанные с оборотом земельных участков, является существенной характеристикой при совершении сделок.

Публично-правовая природа имеет важные практические последствия: процедуры установления и изменения ВРИ должны обеспечивать учет и согласование различных публичных интересов, а также гарантии прав частных лиц в соответствии со ст. ст. 35 и 55 Конституции РФ.

¹³ Определение Верховного суда РФ от 13.10.2023 № 305-ЭС23-10880 // СПС «Консультант плюс».

¹⁴ Боголюбов С.А. Правовое регулирование градостроительства и планировки территорий : учебник / С. А. Боголюбов, М. Н. Гаврилюк, Н. В. Кичигин. Москва : КноРус, 2024. 208 с.

ВРИ влияют на правомочие пользования двояким образом: с одной стороны, ограничивают его, устанавливая запрет на использование для целей, не предусмотренных градостроительным регламентом; с другой стороны, конкретизируют правомочие, определяя содержание допустимых видов использования.

Проблемы правоприменения

Правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ оказывают определяющее влияние на правоприменение и нередко восполняют пробелы законодательного регулирования.

Особое значение имеет Постановление Конституционного суда РФ от 14.11.2019 № 35-П¹⁵, в котором Конституционный Суд подтвердил конституционную обоснованность принципа деления земель по целевому назначению и указал на необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов. Постановление Конституционного РФ от 16.10.2020 № 42-П признало не соответствующими Конституции положения КоАП РФ, позволявшие привлекать к ответственности за невнесение в ЕГРН сведений о вспомогательном виде. Данное постановление выявило существенный пробел и послужило основанием для внесения изменений в ЗК РФ.

Комплексный анализ системы источников и компетенции органов публичной власти позволяет выявить ряд системных проблем правоприменения. Первая группа проблем связана с несогласованностью норм ЗК РФ и ГрК РФ. Кодексы используют различную терминологию и содержат нормы, допускающие различное толкование. ЗК РФ использует понятие «разрешенное использование», тогда как ГрК РФ оперирует понятием «виды разрешенного использования». Данные терминологические и концептуальные расхождения создают трудности в правоприменении.

Вторая группа проблем связана с недостаточной определенностью правовой природы Классификатора ВРИ. С одной стороны, Классификатор является обязательным нормативным актом. С другой стороны, содержащиеся в нем описания не всегда позволяют однозначно определить, относится ли конкретная деятельность к данному виду. Кроме того, Классификатор не учитывает всего многообразия видов использования, что порождает проблему квалификации нетипичных видов.

Третья группа проблем связана с процедурами изменения вида разрешенного использования. Действующее законодательство предусматривает несколько процедур, при этом критерии выбора процедуры не всегда очевидны, а процедура внесения изменений в ПЗЗ характеризуется значительной длительностью и сложностью. Это создает предпосылки для административного произвола и коррупционных рисков.

Четвертая группа проблем связана с разграничением полномочий между органами публичной власти. Нечеткость критериев разграничения создает правовую неопределенность. Дублирование функций между федеральными органами затрудняет координацию. Различия в объеме полномочий муниципальных образований и городов федерального значения порождают неравенство правовых условий.

---

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2019 № 35-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки О.В. Гламоздиновой» // СПС «Консультант плюс».

Пятая группа проблем связана с качеством муниципальных ПЗЗ. Многие ПЗЗ содержат дефекты: несоответствие генеральным планам; использование видов, не соответствующих Классификатору; недостаточную детализацию градостроительных регламентов; отсутствие четких критериев отнесения видов к основным, условно разрешенным или вспомогательным. Данные дефекты обусловлены как недостаточной квалификацией муниципальных служащих, так и отсутствием федеральных методических рекомендаций.

Таким образом, действующее правовое регулирование характеризуется сложностью, многоуровневостью и наличием ряда нерешенных проблем. Выявленные проблемы оказывают непосредственное влияние на эффективность процедур установления и изменения видов разрешенного использования. Результаты исследования создают необходимую методологическую основу для последующего анализа конкретных правовых механизмов и формулирования предложений по совершенствованию законодательства.

Процедурные аспекты установления и изменения видов разрешенного использования земельных участков составляют центральное звено правового механизма регулирования земельных отношений в Российской Федерации. Эффективность реализации права собственности и иных вещных прав на земельные участки в значительной степени определяется качеством нормативного регулирования соответствующих административных процедур, их доступностью для правообладателей и обеспечением надлежащего баланса частных и публичных интересов при принятии решений об изменении правового режима земельных участков.

Как справедливо отмечает О.И. Крассов, разрешенное использование определяется на основе территориального зонирования, и при отсутствии зонирования и градостроительных регламентов говорить об установлении вида разрешенного использования нет достаточных правовых оснований (Krassov, 2012). Данное положение имеет принципиальное значение для понимания процедурных механизмов установления и изменения видов разрешенного использования, поскольку определяет зависимость указанных процедур от наличия утвержденной градостроительной документации.

Как отмечает Л.Е. Бандорин в диссертационном исследовании, посвященном разрешенному использованию земельных участков, данный принцип выступает одной из гарантий прав правообладателей при образовании земельных участков (Bandorin, 2011:89).

Как справедливо отмечает Е.А. Галиновская, данная норма обеспечивает соответствие предоставляемых земельных участков требованиям градостроительной документации и является одним из элементов системы территориального планирования (Galinovskaya, 2012).

Как отмечают А.П. Анисимов и Н.Н. Мельников: «право самостоятельного выбора вида разрешенного использования является одним из проявлений правомочий собственника по распоряжению земельным участком, реализуемых с учетом публичных ограничений, установленных градостроительным законодательством» (Anisimov & Melnikov, 2013).

Правовое регулирование порядка проведения публичных слушаний и общественных обсуждений осуществляется статьей 5.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации. Данная статья устанавливает унифицированные требования к организации и проведению публичных слушаний и общественных обсуждений по

проектам решений о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства. При этом выбор формы участия общественности (публичные слушания или общественные обсуждения) определяется уставом муниципального образования и (или) нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования.

Правовое значение результатов публичных слушаний в процедуре изменения вида разрешенного использования является дискуссионным вопросом в юридической науке и практике. Как отмечает А.Я. Рыженков, публичные слушания представляют собой форму согласования интересов отдельных лиц с интересами общества и государства, однако их результаты носят рекомендательный характер для органа, принимающего решение (Ryzhenkov, 2018).

Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2020 № 574-О¹⁶ разъяснено, что плата за изменение вида разрешенного использования земельного участка, установленная в ряде субъектов Российской Федерации, является парафискалитетом, существенные элементы которого должны быть закреплены в законе. Плата устанавливается на основе разницы кадастровой стоимости двух видов разрешенного использования.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить ряд системных проблем процедурного регулирования установления и изменения видов разрешенного использования земельных участков, требующих законодательного разрешения.

Первой проблемой является отсутствие единого федерального стандарта административной процедуры изменения вида разрешенного использования. Действующее законодательство делегирует полномочия по установлению порядка изменения видов разрешенного использования органам местного самоуправления, что приводит к существенной дифференциации административных регламентов в различных муниципальных образованиях. Как показывает сравнительный анализ административных регламентов, сроки рассмотрения заявлений варьируются от 15 рабочих дней в Москве до 90 дней в Краснодаре, существенно различаются требования к составу документов, основания для отказа и иные процедурные элементы.

Второй проблемой является неопределенность правового значения регистрации измененного вида разрешенного использования в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН). Согласно пункту 2 статьи 7 ЗК РФ, основной вид разрешенного использования считается выбранным со дня внесения сведений в ЕГРН. Однако данная норма не определяет правовые последствия использования земельного участка в период между принятием решения об изменении вида разрешенного использования и его регистрацией. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16.10.2020 № 42-П указал на неопределенность действующего правового регулирования в данном вопросе применительно к вспомогательным видам разрешенного использования. Суд установил, что собственники (правообладатели) земельных участков не могут быть принуждены к внесению каких-либо сведений в ЕГРН в случае, когда они в дополнение к основному виду разрешенного использования самостоятельно выбирают вспомогательный вид их разрешенного использования¹⁷.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 574-О // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.10.2020 № 42-П // СЗ РФ. 2020. № 43. Ст. 6863.

Третьей проблемой является формализм процедуры публичных слушаний и недостаточная эффективность общественного участия в принятии решений об изменении видов разрешенного использования. Анализ практики проведения публичных слушаний свидетельствует о низкой активности населения, недостаточной информированности заинтересованных лиц о проводимых слушаниях, а также о декларативном характере учета.

Четвертой проблемой является отсутствие эффективного механизма защиты прав правообладателей земельных участков при изменении градостроительной документации по инициативе органов публичной власти. Несмотря на наличие правила о сохранении права использования по прежнему виду разрешенного использования,

Пятой проблемой является недостаточная регламентация процедуры изменения нескольких видов разрешенного использования одновременно. Действующее законодательство допускает установление для земельного участка нескольких основных ВРИ, однако не определяет процедуру их одновременного изменения, что создает практические затруднения при комплексном изменении правового режима земельного участка.

Шестой проблемой является неурегулированность процедуры отзыва заявления об изменении вида разрешенного использования. В случае если правообладатель изменил свое намерение в процессе рассмотрения заявления (например, после получения информации о результатах публичных слушаний), законодательство не определяет порядок и последствия отзыва заявления, что может повлечь необоснованные расходы и потерю времени.

Процедурное регулирование установления и изменения видов разрешенного использования земельных участков характеризуется дуализмом правовых источников, обусловленным параллельным регулированием данных отношений нормами ЗК РФ и ГрК РФ. Несмотря на кажущееся противоречие между нормами указанных кодексов, системное толкование позволяет выявить их взаимодополняющий характер: ЗК РФ устанавливает общий принцип самостоятельного выбора вида разрешенного использования, а ГрК РФ конкретизирует процедуры для различных видов использования.

Сравнительный анализ административных регламентов различных муниципальных образований выявляет существенные различия в сроках рассмотрения заявлений, составе требуемых документов, основаниях для отказа и иных процедурных элементах. Отсутствие единого федерального стандарта административной процедуры создает правовую неопределенность и неравенство условий для правообладателей в различных муниципальных образованиях.

Рекомендательный характер результатов публичных слушаний, низкая активность населения и недостаточная информированность заинтересованных лиц снижают значение данного института.

С.А. Боголюбов отмечает, что коллизии между различными отраслями законодательства, регулирующими использование природных ресурсов, являются одной из наиболее острых проблем современного российского права. Автор подчеркивает необходимость гармонизации земельного, градостроительного, экологического и гражданского законодательства как условия эффективного правового регулирования земельных отношений¹⁸.

¹⁸ Боголюбов С.А. Земельное право : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2024. С. 89–94.

Подводя итог анализу межотраслевых коллизий, следует констатировать, что попытка законодателя урегулировать институт видов разрешенного использования одновременно двумя кодексами без должной согласованности понятийного аппарата, процедурных механизмов и разграничения полномочий создала системную правовую неопределенность. Это затрудняет как установление, так и изменение видов разрешенного использования, порождает противоречивую судебную практику и нарушает законные интересы правообладателей земельных участков.

Особенно острой является проблема противоречий между муниципальными ПЗЗ и и федеральным законодательством. Сравнительный анализ ПЗЗ крупных городов Российской Федерации (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбурга, Новосибирска) позволяет выявить следующие типичные противоречия с федеральным законодательством:

Компетенционные споры между органами государственной власти и органами местного самоуправления являются частым предметом судебного рассмотрения. Судебная практика свидетельствует о том, что прокуроры и органы Росреестра нередко оспаривают муниципальные ПЗЗ как противоречащие федеральному законодательству. При этом суды не всегда занимают единообразную позицию по вопросу о пределах муниципального нормотворчества в сфере установления и изменения видов разрешенного использования.

Н.Н. Мельников отмечает, что «категорию „вид разрешенного использования земельного участка“ необходимо рассматривать как неотъемлемую часть правового режима земель, содержание которого состоит в определении способов и пределов эксплуатации земельного участка, что предполагает установление видов хозяйственной и иной деятельности, в том числе допустимое размещение тех или иных объектов на земельном участке» (Melnikov, 2014).

Это наблюдение в полной мере относится к институту видов разрешенного использования, где коллизии между ЗК РФ и ГрК РФ, неопределенность процедурных норм и различия в региональной практике создают потребность в судебном толковании.

Заключение

Проведенное научное исследование правового регулирования установления и изменения видов разрешенного использования земельных участков в Российской Федерации позволяет констатировать достижение поставленной цели и решение всех сформулированных задач. Актуальность избранной темы подтверждена проведенным анализом нормативного правового регулирования, научной доктрины и правоприменительной практики. Институт видов разрешенного использования занимает центральное место в системе правового режима земельных участков, определяя границы правомочий правообладателей и формируя механизм публичного контроля за использованием земельных ресурсов. Вместе с тем данный институт характеризуется значительным количеством коллизий и пробелов, которые носят системный характер и препятствуют эффективной реализации прав участников земельных отношений.

Установлено, что межотраслевые коллизии между земельным и градостроительным законодательством являются главным источником проблем правоприменения. Попытка законодателя урегулировать институт видов разрешенного использования одновременно двумя кодексами без должной согласованности понятийного

аппарата и процедурных механизмов создала системную правовую неопределенность. Множественность и несогласованность федеральных актов, регулирующих различные аспекты института видов разрешенного использования, создает «нормативный хаос», затрудняющий определение применимых норм в конкретных ситуациях. Многоуровневый характер правового регулирования при отсутствии единых федеральных стандартов и требований к муниципальным ПЗЗ создает неравенство правообладателей земельных участков в зависимости от места нахождения участка.

Выявлено, что пробелы в правовом регулировании вынуждают правоприменителя восполнять законодательные лакуны самостоятельно, что создает правовую неопределенность и условия для злоупотреблений. Причины возникновения коллизий и пробелов носят как объективный характер (динамичность общественных отношений, сложность регулирования, федеративное устройство), так и субъективный (несогласованность органов власти, низкое качество юридической техники, недостаточный учет практики и науки). Последствия коллизий и пробелов проявляются в правовой неопределенности, произвольном правоприменении, коррупционных рисках, противоречивой судебной практике, затруднении реализации прав правообладателей, снижении оборотоспособности земельных участков и торможении градостроительного развития.

References / Список литературы

- Anisimov, A.P. (2006) Permitted Use of Land Plots: Theoretical Issues. *Civil Law*. (4), 32–35. (In Russian). EDN: KVEDKL.
Анисимов А.П. Разрешенное использование земельных участков: вопросы теории // Гражданское право. 2006. № 4. С. 32–35. EDN: KVEDKL.
- Anisimov, A.P. & Melnikov, N.N. (2013) System-Structural Analysis of the Categories “Purpose” and “Permitted Use” in Natural Resource Branches of Law. *Journal of Russian Law*. (11 (203)), 27–35. (In Russian).
Анисимов А.П., Мельников Н.Н. Системноструктурный анализ категорий «Целевое назначение» и «Разрешенное использование» в природоресурсных отраслях права // Журнал российского права. 2013. № 11 (203). С. 27–35.
- Bandorin, L.E. (2011) *Permitted Use of Land Plots*. Dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
Бандорин Л.Е. Разрешенное использование земельных участков : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011. 227 с.
- Galinovskaya, E.A. (2012) On the Directions of Improving the Establishment of Land Categories and Permissible Use. *Property Relations in the Russian Federation*. (10 (133)), 78–81. (In Russian). EDN: PDFEDT.
Галиновская Е.А. О направлениях совершенствования установления категорий и разрешенного использования земель // Имущественные отношения в РФ. 2012. № 10 (133). С. 78–81. EDN: PDFEDT.
- Gavrilyuk, M.N. (2019) Land Categories: A Barrier in the Development of Legislation. *Agrarian and Land Law*. (5 (173)), 4–8. (In Russian). EDN: ZCCCAX.
Гаврилюк М.Н. Категории земель: барьер в развитии законодательства // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 4–8. EDN: ZCCCAX.
- Krassov, O.I. (2012) Permitted Use and Specific Purpose of a Land Plot. *Environmental Law*. (2), 16–20. (In Russian). EDN: PRTVCZ.
Крассов О.И. Разрешенное использование и конкретное целевое назначение земельного участка // Экологическое право. 2012. № 2. С. 16–20. EDN: PRTVCZ.

- Mayboroda, V.A. & Mayboroda, E.T. (2021) Problems of Legal Regulation of Conditionally Permitted Kind of Use of Land Plots and Capital Construction Objects. *Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. (4 (53)), 49–54. (In Russian). EDN: BJTXQR.
Майборода В.А., Майборода Э.Т. Проблемы правового регулирования условно разрешенного вида использования земельных участков и объектов капитального строительства // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2021. № 4 (53). С. 49–54. EDN: BJTXQR.
- Melnikov, N.N. (2014) Administrative and legal regimes for the use of land plots. *Economy and Law*. (6 (449)), 107–114. EDN: UFETEN.
Мельников Н.Н. Категория «вид разрешенного использования земельного участка» в доктрине и судебной практике // Хозяйство и право. 2014. № 6 (449). С. 107–114. EDN: UFETEN.
- Minina, E.L. (2012) Permitted Use of Land Plots: Issues of Establishment and Change. *Journal of Russian Law*. (1 (181)), 62–67. (In Russian). EDN: OPVNXN.
Минина Е.Л. Разрешенное использование земельных участков: вопросы установления и изменения // Журнал российского права. 2012. № 1 (181). С. 62–67. EDN: OPVNXN.
- Ryzhenkov, A.Ya. (2018) The Principle of Participation of Citizens and Their Associations in Urban Planning: Theory and Practice. *Humanities and Law Research*. (4), 55–61. (In Russian). EDN: UTSTDK.
Рыженков А.Я. Принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности: теория и практика // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 55–61. EDN: UTSTDK.
- Volkov, G.A. (2019) On Improving the Definition of Permissible Land Use. *Environmental Law*. (1), 11–17. (In Russian). EDN: YUNGDR.
Волков Г.А. О совершенствовании определения видов разрешенного использования земельных участков // Экологическое право. 2019. № 1. С. 11–17. EDN: YUNGDR.
- Zemlyakova, G.L. (2021) Problems of Legal Regulation of Changes in Permitted Land Use Types in the Context of the Abolition of Land Categories. *Environmental Law*. (1), 28–34. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2021-1-28-34> EDN: KVRHXB. (In Russian).
Землякова Г.Л. Проблемы правового регулирования изменения видов разрешенного использования земельных участков в условиях отмены деления земель на категории // Экологическое право. 2021. № 1. С. 28–34. <https://doi.org/10.18572/1812-3775-2021-1-28-34> EDN: KVRHXB.

Сведения об авторе:

Гаврилюк Мария Никитична – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права, Государственный университет по землеустройству; Российская Федерация, 105064, г. Москва, ул. Казакова, 15

ORCID: 0009-0001-9243-1363; SPIN-код: 3625-5630

e-mail: gavrilyukmn@guz.ru

About the author:

Maria N. Gavrilyuk – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law, State University of Land Use Planning; 15 Kazakova Street, Moscow, 105064, Russian Federation

ORCID: 0009-0001-9243-1363; SPIN-code: 3625-5630

e-mail: gavrilyukmn@guz.ru

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-631-648>
EDN: POMYVI

Научная статья / Research Article

Инспекторат внутренней безопасности как субъект реализации пенитенциарной политики Республики Польша: опыт правовой трансформации

Г.С. Шкабин^{1,2}, А.А. Чистяков^{3,4}, Л.Р. Клебанов³

¹Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

³Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

⁴Московский институт электронной техники, г. Москва, Российская Федерация
sgsryaz@ya.ru

Аннотация. Противодействие правонарушениям в местах лишения свободы требует научно обоснованного баланса между режимными мероприятиями и оперативно-разыскной деятельностью (ОРД). Опыт реформ в Республике Польша (2010–2026 гг.), приведший к созданию и последующей экстренной ликвидации Инспектората внутренней безопасности, выступает примером кризиса ведомственной изоляции оперативных аппаратов в пенитенциарной системе. Цель исследования – на основе сравнительно-правового анализа выявить системные дефекты автономной модели оперативных служб в уголовно-исполнительном ведомстве Польши и определить границы допустимого расширения оперативно-разыскных полномочий ФСИН России. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты, статистические данные и научные публикации двух стран. В работе использованы формально-догматический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также системный анализ эмпирических данных. Установлено, что наделение польской пенитенциарной службы правами спецслужбы без предоставления статуса органа дознания привело к отклонению материалов в судах. Финансовое поощрение агентов вызвало рост ложных доносов. Обособление Инспектората внутренней безопасности спровоцировало конфликт с полицией, а также смещение приоритетов на фиксацию мелких проступков. Безопасность в исправительных учреждениях должна строиться на интеграции пенитенциарного ведомства в общую правоохранительную систему государства. Российская модель, основанная на

© Шкабин Г.С., Чистяков А.А., Клебанов Л.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

межведомственной координации в едином правовом поле и научной экспертизе реформ, демонстрирует высокую устойчивость к системным кризисам.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, исполнение наказаний, Пенитенциарная служба Польши, ФСИН России, уголовно-исполнительная система, сравнительное правоведение

Вклад авторов: Клебанов Л.Р. – сбор и обработка материалов, написание текста; Чистяков А.А. – концепция и дизайн исследования, написание текста; Шкабин Г.С. – концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в статью.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 06 апреля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Шкабин Г.С., Чистяков А.А., Клебанов Л.Р. Инспекторат внутренней безопасности как субъект реализации пенитенциарной политики Республики Польша: опыт правовой трансформации // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 631–648. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-631-648> EDN: POMYVI

The Internal Security Inspectorate and Penitentiary Policy in Poland: Lessons from Legal Transformation

Gennadiy S. Shkabin^{1,2}, Alexey A. Chistyakov^{3,4}, Lev R. Klebanov³

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

⁴National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russian Federation

sgsryaz@ya.ru

Abstract. Combating offenses in prisons requires a scientifically grounded balance between security measures and operational-investigative activities (OIA). The reforms in the Republic of Poland (2010–2026), which culminated in the creation and subsequent emergency liquidation of the Internal Security Inspectorate, illustrate the crisis that can arise from departmental isolation of operational units within the penitentiary system. *Objective:* using a comparative legal analysis, this study identifies systemic shortcomings of the autonomous model of operational-investigative services in the Polish penitentiary service and determines the limits of the permissible expansion of the operational-investigative powers of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Materials* include regulatory legal acts, statistical data, and scientific literature from both countries. *Methods* combine formal-dogmatic, historical-legal, and comparative legal approaches with systemic analysis of empirical data. *Findings:* it was found that granting the Polish Prison Service secret-service powers without without granting it the status of a body of inquiry resulted in the rejection of its materials by the courts; financial incentives for agents led to an increase in false reports; and the separation of the Internal Security Inspectorate provoked conflict with the police and shifted priorities toward recording minor offenses. *Conclusion:* security in correctional facilities should rely on integration of the penitentiary service into the broader national law-enforcement system. The Russian model, based on interagency coordination within a unified legal

framework and informed by scientific review of reforms, demonstrates a high degree of resilience to systemic crises.

Keywords: operational-search activity, execution of punishments, Polish Prison Service, Federal Penitentiary Service of Russia, penal system, comparative law

Authors' Contribution: L.R. Klebanov – collection and processing of materials; drafting of the text; A.A. Chistyakov – conceptualization and project design; drafting of the text; G.S. Shkabin – conceptualization and project design; analysis of the data obtained, drafting of the text. All authors reviewed and approved the final manuscript.

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the article.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Received: April 6, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Shkabin, G.S., Chistyakov, A.A., Klebanov, L.R. (2026) The Internal Security Inspectorate and Penitentiary Policy in Poland: Lessons from Legal Transformation. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 631–648. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-631-648> EDN: POMYVI

Введение

Противодействие преступности в сфере исполнения уголовных наказаний в большинстве государств традиционно находится в состоянии проблемных организационных конфликтов. С одной стороны, органы, исполняющие назначенное судом наказание (в частности – администрация учреждений, обеспечивающих исполнение наказания в виде лишения свободы), обязаны обеспечивать изоляцию и последующую ресоциализацию лиц, отбывающих либо отбывших наказание. С другой – должны обладать действенным инструментарием для выявления и противодействия преступным процессам, которые препятствуют исполнению наказания, ставят под угрозу жизнь, здоровье и должное функционирование учреждений: от незаконной передачи запрещенных предметов (наркотиков, предметов, используемых в качестве оружия) и до коррупции собственного персонала.

В Республике Польша этот конфликт в последнее десятилетие получил отражение в законодательной практике. Польский опыт уникален тем, что законодатель в предельно сжатые сроки (2010–2026 гг.) прошел путь от полного отрицания оперативно-разыскных полномочий ведомства по исполнению наказания до создания мощной внутриведомственной спецслужбы, а затем к признанию этой модели ошибочной.

Традиционно Пенитенциарная служба Польши (Służbie Więziennej (SW)) воспринималась исключительно как орган исполнения наказаний, лишенный права на самостоятельную оперативно-разыскную работу. Функции выявления преступлений внутри учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, целиком возлагались на полицию. Однако рост организованной преступности в местах лишения свободы и появление новых угроз потребовали пересмотра такого подхода. Как справедливо отмечает М. Левандовски, современная служба исполнения уголовных наказаний уже не может ограничиваться пассивной охраной; она трансформируется в один из ключевых институтов внутренней безопасности государства, что неизбежно требует расширения её компетенций (Lewandowski, 2019). Теоретическое обоснование и первые попытки системного внедрения элементов данной концепции в польскую уголовно-исполнительную практику были обобщены в ведомственных научных

исследованиях периода начала реформы, где авторы рассматривали баланс между пассивной, процедурной и динамической безопасностью (Lewandowski & Strzelec, 2022).

Переломным моментом стала реформа 2022 года, закрепившая создание Инспектората внутренней безопасности Пенитенциарной службы (Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej – IWSW). Этот орган получил беспрецедентные для этой системы полномочия, включая право на проведение оперативного контроля (прослушивание переговоров, контроль корреспонденции) и использование специальных технических средств (Bojanowski, 2023). Фактически была предпринята попытка создать «полицию внутри тюрьмы».

Однако с течением времени данная модель продемонстрировала свою несостоятельность. Уже в 2024 году Совет Министров Польши инициировал процедуру ликвидации IWSW. В обосновании законопроекта прямо указывается на дублирование функций с другими спецслужбами и правоохранительными органами, а также на низкую эффективность новой структуры при непропорционально высоких бюджетных затратах¹. Сложилась парадоксальная ситуация: нормативная база для осуществления тайных операций была максимально расширена, но практическая реализация этих норм привела к управленческому коллапсу.

Для понимания глубинных причин кризиса, постигшего польскую уголовно-исполнительную систему в 2024 году, необходимо обратиться к истокам формирования политики государства в области осуществления оперативно-разыскной деятельности в системе исполнения наказаний. Долгое время в польском праве господствовал подход, согласно которому Пенитенциарная служба является исключительно органом исполнения наказаний, чья функция сводится к изоляции осужденного и обеспечению его быта. Полномочия по выявлению и пресечению преступлений традиционно делегировались полиции. Эта модель была унаследована со времен эпохи действия Варшавского договора. Она базировалась на неоднозначной идее о том, что место содержания осужденных – это статичная среда, где преступная деятельность прекращается самим фактом изоляции.

Однако реальность оказалась иной. Как справедливо указывают в своих исследованиях М. Котовска и Б. Зайонц, пенитенциарные учреждения превратились в хабы для продолжения криминальной деятельности: от дистанционного мошенничества до управления наркотрафиком (Kotowska & Zajac, 2023). В этих условиях режимные средства (обыски, досмотры, видеонаблюдение) оказались нерезультативными. Подобные методы, как правило, направлены на работу по факту, фиксируя уже совершенное нарушение, тогда как оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) при исполнении наказания имеет основной целью предупреждение противоправных деяний. В польской доктрине в этот период активно доказывалась необходимость смещения фокуса со статических мер надзора на криминалистическое и психологическое распознавание атмосферы, настроений и латентных намерений внутри криминальных субкультур, что определялось как приоритет профилактической работы (Nowacki, 2022).

Подобная дихотомия не является уникальной польской проблемой, а носит трансграничный характер. В российской правовой науке на это справедливо указывает В.Ю. Жандров, отмечая наличие исторически обусловленного конфликта

¹ Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow> (дата обращения: 21.01.2026).

между задачами обеспечения режима содержания и целями оперативно-разыскной деятельности (Zhandrov, 2025). Как и в польской практике до 2022 года, попытка возложить на один субъект (администрацию учреждения) взаимоисключающие функции – гласный надзор, требующий прозрачности, и негласную сыскную деятельность, требующую конспирации, неизбежно порождает внутренние конфликты и противоречия. Польский опыт лишь подтверждает тезис В.Ю. Жандрова о том, что без четкого нормативного разграничения этих сфер (а не простого их смешения в рамках одного ведомства) система безопасности теряет управляемость.

Именно этот диссонанс между ответственностью за безопасность и отсутствием инструментов для её обеспечения вынудил польского законодателя начать разработки проектов нормативных актов, направленных на милитаризацию функций SW. Мы полагаем, что такой процесс правильно было бы назвать не эволюционным, а революционным. Государство пыталось «латать дыры» в сфере безопасности исправительных учреждений, наделяя их сотрудников полномочиями, свойственными спецслужбам.

Цель исследования – на основе сравнительно-правового анализа выявить системные проблемы модели обособления оперативных аппаратов в пенитенциарной системе Республики Польша и определить границы допустимого оперативно-разыскных полномочий в органах и учреждениях, исполняющих наказание в Российской Федерации.

Методы исследования. Использованы формально-догматический, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также анализ эмпирических данных и нормативных актов.

Генезис нормативно-правового регулирования оперативно-разыскной деятельности в Пенитенциарной службе Польши (2010–2020 гг.)

Фундаментальным этапом, заложившим нормативную базу для последующих трансформаций, стало принятие Закона от 9 апреля 2010 г. «О Пенитенциарной службе»². Этот акт впервые на законодательном уровне закрепил за ведомством право на осуществление оперативно-разыскной деятельности (*czynności operacyjno-rozpoznawcze*).

Однако анализ текста закона в редакции до 2022 г. позволяет нам охарактеризовать этот этап как «период оперативной неполноценности». Законодатель, сказав «А», побоялся сказать «Б». В частности, статья 2 Закона определила, что SW осуществляет ОРД лишь в строго ограниченном объеме. Компетенция службы была сужена до выявления преступлений, совершаемых лицами, лишёнными свободы, либо сотрудниками самой службы (так называемая «собственная безопасность»).

Подобная половинчатость в определении задач ОРД характерна и для этапов становления российского законодательства. А.В. Агарков отмечает, что нормативно-правовая регламентация задач ОРД в сфере исполнения уголовных наказаний часто отстает от современной практики, создавая правовые коллизии (Agarkov, 2015). Ситуация «усеченной компетенции», в которой оказалась польская Пенитенциарная служба, коррелирует с проблемами правового статуса оперативных подразделений ФСИН России, выявленными Л.Е. Щетневым. В своем исследовании он акцентирует

² Ustawa z dnia 9 kwietnia 2010 r. o Służbie Więziennej [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2010. № 79. Poz. 523. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.aspx?id=WDU20100790523> (дата обращения: 12.02.2026).

внимание на том, что неопределенность норм Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» создает правовые коллизии, затрудняющие борьбу с преступностью (Schetnev, 2025). Однако если польский правотворец попытался решить эту проблему радикально, через создание «супер-службы» IWSW, то российский подход стремится к гармонизации существующих норм, а не к созданию новых существей.

Тем не менее в 2022 г. в Польше был проигнорирован этот взвешенный эволюционный путь, и был выбран сценарий радикальных преобразований. Характеризуя обстановку, предшествующую правовой реформе системы исполнения наказания, польский исследователь Т. Бояновски в статье «Оперативно-разыскные действия Пенитенциарной службы» обращает внимание на коллизию того периода: служба получила право вербовать агентуру (получать информацию негласным путем), но была лишена ключевого элемента современного сыска – права на самостоятельное проведение оперативно-разыскных мероприятий (прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и др.) (Bojanowski, 2023).

Сложилась парадоксальная правовая конструкция. Сотрудник безопасности исправительного учреждения, получив от агента информацию о готовящемся побеге или доставке крупной партии наркотиков, не мог самостоятельно инициировать технический контроль подозреваемого. Он был обязан передать материалы в Полицию или Центральное антикоррупционное бюро. А те, в свою очередь, действуя в рамках своих приоритетов, часто игнорировали сигналы из исправительных учреждений, считая их малозначительными.

М. Левандовски характеризует этот период как время поиска новой идентичности Пенитенциарной службы. Он подчеркивает, что рассматриваемая структура «перестала быть просто охраной, она стала институтом государственной безопасности, но с инструментарием сторожа» (Lewandowski, 2019). Это противоречие создавало почву для профессиональной ограниченности сотрудников, влияло на их психическое состояние и, как следствие, снижало эффективность борьбы с организованными преступными группами, действующими внутри мест изоляции от общества.

Рассматривая тактику осуществления ОРД в указанный период, необходимо четко разграничивать понятия «оперативно-разыскная деятельность» и «режимный контроль». До создания IWSW (Инспектората внутренней безопасности) арсенал оперативника был ограничен следующими методами:

- Разведывательный опрос (Wywiad operacyjny). Представлял собой сбор информации и, как правило, осуществлялся без раскрытия истинной цели беседы.
- Наблюдение (Obserwacja). В отличие от процессуального наблюдения, оперативное наблюдение не требовало судебной санкции, если проводилось в общедоступных местах (внутри колонии – везде, кроме туалетов и душевых).
- Работа с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие (Osobowe źródła informacji). Это наиболее скрытая и деликатная сфера. Закон 2010 г. легализовал институт конфиденциального содействия, однако, в отличие от Закона о полиции, не предоставил четких гарантий безопасности для информаторов-осужденных. Такое положение фактически сформировало этико-правовую проблему. Она состояла в том, что сотрудники учреждений склоняли осужденных к негласному сотрудничеству, но при этом они не могли обеспечить их безопасность ввиду отсутствия необходимого правового механизма.

Отдельно следует остановиться на проблеме взаимодействия с другими службами. Статья 14 Закона о Центральном антикоррупционном бюро (СВА)³ предоставляет агентам СВА достаточно широкие права, включая возможность задержания и прослушивания. Пенитенциарная служба Польши не имела таких полномочий и поэтому была вынуждена фактически выступать в роли «младшего брата», являющегося источником начальной информации. Подобный механизм, при котором происходило делегирование полномочий в сфере оперативно-разыскной деятельности, демонстрировал свою непродуктивность. Получалось, что пока информация проходила бюрократические этапы между ведомствами, она переставала быть актуальной. Кроме того, нередкими были случаи утечки информации, которые, как правило, происходили именно на стыке ведомств. В итоге внешняя реализация материалов ОРД становилась невозможной. Именно осознание этого факта привело к идее создания «собственной полиции» внутри исправительных учреждений (IWSW)⁴.

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что сдержанность польского законодателя в вопросе расширения полномочий SW в 2010–2020 гг. была обусловлена не только отношением к сфере исполнения наказания, но и жесткой позицией европейских правозащитных структур. В отчетах Европейского комитета по предупреждению пыток (СРТ) и Хельсинкского фонда по правам человека неоднократно подчеркивался тезис о недопустимости превращения исправительного учреждения в «полицейский участок строгого режима» (Kłodoczny & Wolny, 2013). Эксперты указывали на риск злоупотреблений. Это объяснялось тем, что в закрытом учреждении, где власть администрации над человеком тотальна, наделение этой же администрации правом на негласный сбор информации (без надлежащего судебного контроля) создает предпосылки для произвола.

Сходные позиции высказывались в научных публикациях еще в начале дискуссии о реформировании оперативно-разыскной деятельности в пенитенциарной системе. В частности, А. Цемпура, констатируя допустимость проведения негласных мероприятий в местах изоляции ввиду отсутствия прямого территориального запрета в законодательстве, одновременно отмечал необходимость введения жестких нормативных ограничений ОРД в уголовно-исполнительной сфере (Cempura, 2011). Автор подчеркивала, что осуществление тайных операций в условиях дефицита внешнего надзора и широкого ведомственного усмотрения неизбежно повлечет угрозу ограничения конституционных прав граждан, ошибки в доказывании и возникновение конфликтов между сотрудниками (Cempura, 2011).

Примером такого конфликта служит практика перлюстрации корреспонденции. Формально, согласно Уголовно-исполнительному кодексу (Kodeks karny wykonawczy)⁵, цензура переписки является мерой режима. Однако когда она используется не для поиска запрещенных предметов, а для сбора сведений о связях осужденного, она трансформируется в оперативно-разыскное мероприятие. Граница здесь достаточно тонкая. Польские суды неоднократно вставали на сторону

³ Ustawa z dnia 9 czerwca 2006 r. o Centralnym Biurze Antykorupcyjnym [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2025. Poz. 712. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20250000712> (дата обращения: 12.02.2026).

⁴ Нас, Р. Utworzenie Inspektoratu Wewnętrznego Służby Więziennej – próba oceny]. Instytut Bezpieczeństwa i Rozwoju Międzynarodowego. 2022. URL: <https://instytutbirm.pl/w-cieniu-ostatnich-wydarzen/> (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Kodeks karny wykonawczy : ustawa z 6.06.1997 r. // Dziennik Ustaw. 1997. № 90. poz. 557. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970900557/U/D19970557Lj.pdf> (дата обращения: 11.01.2026).

осужденных, признавая немотивированную цензуру нарушением ст. 8 Европейской конвенции, однако оперативная практика шла своим путем, используя режимные нормы как прикрытие для оперативно-разыскной деятельности (Kłodoczny & Wolny, 2013).

Таким образом, к началу 2020-х гг. в системе исполнения уголовных наказаний Польши сложилась критическая ситуация. Нормативная модель ОРД, заложенная в 2010 г., исчерпала свой ресурс. Пенитенциарная служба обладала статусом субъекта безопасности (Lewandowski, 2019), но не имела достаточных прав на применение технических средств для тайного получения информации (Bojanowski, 2023).

Этот дисбаланс был положен в основу запроса на радикальные решения. Аргументация «реформаторов» строилась на тезисе: «Чтобы бороться с мафией, мы должны стать как мафия – быстрыми, закрытыми и технически оснащенными»⁶. Именно эта логика легла в основу проекта Закона 2022 г. о модернизации, который привел к созданию IWSW. Следовательно, создание этого подразделения в системе исполнения наказания было не случайным стечением обстоятельств, а закономерным итогом десятилетия отсутствия надлежащего правового регулирования рассматриваемой сферы. Однако предпринятые действия были попыткой движения в противоположную сторону – от недостатка полномочий к их избыточности. Что, в итоге, как показывает анализ событий 2024–2025 гг., оказалось серьезной ошибкой законодателя.

Правовая природа полномочий и кризис Инспектората внутренней безопасности (IWSW)

Период «оперативной неполноценности» польской системы исполнения уголовных наказаний, описанный нами выше, завершился резким сломом существующего правового регулирования. Принятие Закона от 22 июля 2022 г. «О внесении изменений в Закон о Пенитенциарной службе»⁷ стало чрезвычайным шагом новой уголовной политики. Законодатель, руководствуясь логикой о том, что исправительные учреждения являются «осажденными крепостями», пошел по пути создания внутри ведомства автономной, жестко централизованной структуры Инспектората внутренней безопасности Пенитенциарной службы (Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej – IWSW). В польской юридической науке этот шаг изначально расценивался как реализация криминалистической стратегии, направленной на системное подавление преступности непосредственно внутри пенитенциарного системы (Rosiak, 2023).

Принципиальная новизна конструкции заключалась в разрыве иерархических связей. Если ранее оперативные сотрудники подчинялись руководителям конкретных исправительных учреждений (что делало невозможной разработку коррумпированного начальства), то IWSW был выстроен как вертикаль, подчиняющаяся лично Генеральному Директору Пенитенциарной службы и, в ключевых вопросах, выходящая на Министра юстиции. Т. Бояновски в своем анализе справедливо называет это «выходом за пределы логики исполнения наказаний» (Bojanowski, 2023). IWSW

⁶ Нас, Р. [Utworzenie Inspektoratu Wewnętrznego Służby Więziennej – próba oceny]. Instytut Bezpieczeństwa i Rozwoju Międzynarodowego. 2022. URL: <https://instytutbirm.pl/w-cieniu-ostatnich-wydarzen/> (дата обращения: 12.02.2026).

⁷ Ustawa z dnia 22 lipca 2022 r. o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2022. Poz. 1933. URL: <https://eli.gov.pl/eli/DU/2022/1933/ogl> (дата обращения: 11.01.2026).

получил статус, де-факто равный статусу полиции или Агентства внутренней безопасности, что создало уникальный для европейской практики прецедент: ведомство исполнения наказаний перестало быть «клиентом» полиции и стало ее конкурентом.

Центральным элементом реформы стало наделение IWSW правом на осуществление оперативного контроля. Для польского права, где тайна переписки охраняется ст. 49 Конституции с особой щепетильностью, это были существенные изменения. Анализ новой редакции ст. 23 Закона о Пенитенциарной службе и корреспондирующего Распоряжения Министра юстиции⁸ показывает, что законодатель скопировал полномочия из ст. 19 Закона о Полиции⁹, не сделав скидку на специфику закрытого учреждения. Арсенал IWSW включил в себя:

- технический контроль коммуникаций, состоящий в прослушивании телефонных переговоров и перехвате данных в телекоммуникационных сетях;
- перлюстрацию корреспонденции. Это тайный контроль почтовых отправок (отличный от цензуры, так как осужденный о нем не уведомляется);
- специальный мониторинг, включающий в себя скрытую аудио- и видеофиксацию в помещениях.

Особую тревогу правозащитников, в том числе Хельсинкского фонда по правам человека¹⁰, вызвала процедура санкционирования так называемых «неотложных случаев» (*tryb niescierpiący zwłoki*). Руководитель IWSW был наделен полномочиями с согласия Прокурора начинать прослушивание еще до получения санкции суда. Это стало возможным при условии, что промедление может повлечь утрату доказательств. О таких действиях в последующем необходимо было уведомить суд в течение 5 дней. В условиях изоляции и скопления лиц, совершивших преступления, такие условия существовали почти всегда. Поэтому эта норма наделяла соответствующих субъектов чрезвычайными полномочиями. Получалось, что судебный контроль имел лишь второстепенное значение и только постфактум фиксировал уже свершившееся ограничение прав. Если провести анализ образцов процессуальных документов, утвержденных Постановлением Министра юстиции от 7 марта 2024 г., вносящим изменения в постановление об оперативной проверке, проводимой IWSW (например, «Внесудебное согласие Генерального Прокурора»), то можно сделать вывод, что такой механизм становился фактически повседневным инструментом работы¹¹.

⁸ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 7 marca 2024 r. Zmieniające rozporządzenie w sprawie kontroli operacyjnej prowadzonej przez Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2024. Poz. 406. URL: <https://eli.gov.pl/eli/DU/2024/406/ogl> (дата обращения: 21.01.2026).

⁹ Ustawa z dnia 6 kwietnia 1990 r. o Policji [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2025. Poz. 636. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20250000636> (дата обращения: 11.01.2026).

¹⁰ Kulas R. Human rights in places of detention. How Poland is implementing into practice the recommendations of the international bodies for the prevention of torture (CPT and SPT): Thematic report of the National Mechanism for the Prevention of Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment. 2021. Warsaw, Office of the Commissioner of Human Rights. URL: <https://bip.brpo.gov.pl/en/content/human-rights-places-detention-how-poland-implementing-practice-recommendations> (дата обращения: 21.01.2026).

¹¹ Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości z dnia 7 marca 2024 r. Zmieniające rozporządzenie w sprawie kontroli operacyjnej prowadzonej przez Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 2024. Poz. 406. URL: <https://eli.gov.pl/eli/DU/2024/406/ogl> (дата обращения: 21.01.2026).

Также представляет интерес для исследования финансовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности в учреждениях, исполняющих наказание. В результате реформы 2022 года был создан Оперативный фонд (Fundusz Operacyjny) IWSW. Это позволило перевести работу с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, на коммерческую основу.

Если ранее вербовка осужденных строилась преимущественно на компромете или обещании режимных послаблений, то IWSW получил право выплачивать агентам денежное вознаграждение за ценную информацию. В теории это должно было повысить качество агентурной работы. На практике же, как следует из материалов, сопровождавших законопроект о ликвидации службы¹², это привело к росту ложных доносов. Осужденные, быстро поняв правила игры, начали фабриковать информацию о готовящихся бунтах или каналах наркотрафика, чтобы получить денежные выплаты. Отсутствие действенного внешнего контроля расходования средств Оперативного фонда (в силу его секретности) лишь усугубило коррупционные риски внутри самой службы.

В отличие от польского опыта коммерциализации тайного сотрудничества, приведшего к дестабилизации контроля, в российском научном дискурсе акцент смещен на использование нематериальных, но юридически значимых стимулов. Как отмечается на межведомственном уровне, ключевым мотивом для осужденных-конфидентов остается перспектива условно-досрочного освобождения. При этом особенность их правового положения требует соразмерных мер поощрения, главным критерием для которых выступает жесткая конспирация, исключающая риски компрометации лиц, оказывающих негласное содействие (Rumyantsev & Shkabin, 2025).

Игнорирование принципов конспирации и отдание предпочтения финансовым рычагам закономерно вернуло польский эксперимент к внутренним противоречиям. Специфика закрытых пенитенциарных учреждений такова, что создание автономных контролирующих структур без адекватных внешних сдержек часто провоцирует новые девиации, включая феномен «малых шагов» во взаимодействии оперативников с лидерами преступной среды и деформацию служебной этики (Mielnik, 2022).

Описанные внутриведомственные проблемы не носили частный характер, они явились следствием более масштабной доктринальной ошибки реформы – её первоначальной организационной замкнутости. Самой глубокой ошибкой реформы оперативно-разыскной деятельности в исправительных учреждениях стала ставка на изоляционизм. Создатели IWSW исходили из презумпции недоверия к внешней полиции. Аргумент звучал так: «Полиция не понимает субкультуры, а СВА (Антикоррупционное бюро) слишком неповоротливо»¹³. Однако вместо конструктивного взаимодействия возник эффект ведомственной изоляции.

IWSW начал дублировать функции Центрального следственного бюро полиции (CBŚP). Возникали коллизии, когда две службы одновременно разрабатывали одну и ту же преступную группу (одна – с воли, другая – изнутри), не зная о действиях друг друга. Это приводило к «расшифровке» мероприятий. В документе,

¹² Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow> (дата обращения: 21.01.2026).

¹³ Нас, Р. Utworzenie Inspektoratu Wewnętrznej Służby Więziennej – próba oceny]. Instytut Bezpieczeństwa i Rozwoju Międzynarodowego. 2022. URL: <https://instytutbirm.pl/w-cieniu-ostatnich-wydarzen/> (дата обращения: 12.02.2026).

обосновывающем ликвидацию IWSW, правительство прямо указало: «Создание отдельной спецслужбы привело к размыванию ответственности и конкуренции за показатели, а не к реальной борьбе с преступностью»¹⁴.

Таким образом, IWSW в период 2022–2023 гг. представляла собой пример службы, наделенной избыточными полномочиями. Законодатель дал Пенитенциарному ведомству «меч» (оперативный контроль) и «щит» (секретность), но не обеспечил это все надлежащей системой сдержек и контроля. Вместо того чтобы точно выявлять подготавливаемые преступления и лиц, их подготавливающих, сотрудники IWSW систематически злоупотребляли своими полномочиями, использование которых в тесном пространстве мест изоляции от общества наносило вред всей правоохранительной системе. Этот короткий, но яркий период «всеомощества» оперативников Пенитенциарной службы стал поводом для прекращения функционирования новой структуры.

Фундаментальная причина краха Инспектората внутренней безопасности (IWSW) кроется не в политической плоскости, а в грубейшей ошибке правотворчества. Создавая службу в 2022 г., реформаторы заявляли, что она станет «железным кулаком» против мафии, управляющей преступностью из-за решетки. Однако анализ деятельности IWSW за 2023–2024 гг., представленный в обосновании к закону о его ликвидации, продемонстрировал совершенно иную картину¹⁵.

Вместо разработки транснациональных наркокартелей или коррупционных схем высокого уровня (уровень директоров округов) мощнейший инструментальный ОРД (прослушка, наружное наблюдение, работа агентуры) был направлен на выявление мелкой дисциплинарной преступности. Оперативный контроль (*kontrola operacyjna*) применялся для фиксации фактов проноса алкоголя, сим-карт или незначительных доз наркотиков. Подобная практика понижения уровня выполняемых задач коррелирует с выводами исследований специфики коррупции в польской пенитенциарной среде. В них обращается внимание на необходимость смещения акцента с тотальных негласных проверок на превентивно-организационные меры (Rosiak, 2024).

Изменения в организации службы повлекли осложнение социально-психологической обстановки в ведомстве. Как показывают эмпирические исследования, для сотрудников польской уголовно-исполнительной системы этого периода характерен критически низкий уровень восприятия собственного профессионального престижа и лишь умеренное чувство безопасности при сохранении высокой организационной вовлеченности (Sarzała, Piestrzyński & Piestrzyński, 2025).

Сложившаяся на 2024 г. ситуация может быть охарактеризована как «бюрократическое замещение». Оно состояло в том, что служба, не способная справиться со сложными задачами (разработка руководителей регионального уровня), начинает имитировать бурную деятельность, массово «штампует» показатели на рядовых нарушениях. Как справедливо отмечается, «IWSW превратился в дорогую игрушку,

¹⁴ Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow> (дата обращения: 21.01.2026).

¹⁵ Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow> (дата обращения: 21.01.2026).

которая используется для внутренней травли неугодных сотрудников, а не для борьбы с мафией»¹⁶.

На тот момент польское законодательство не предусматривало единого координационного центра по осуществлению оперативно-разыскной деятельности в системе исполнения наказания. Это, в свою очередь, повлияло на возникновение противоречий внутри правоохранительной системы, которые были положены в основу формирования причин ликвидации. Основные из них можно дифференцировать на две группы, которые условно обозначим как технологический и оперативный конфликты с Полицией и спецслужбами.

Оперативный аспект состоял в том, что появились негативные прецеденты. Примером могут служить ситуации, когда агент, завербованный Полицией для разработки крупной банды, попадал в разработку IWSW за мелкое нарушение режима. Оперативные сотрудники исправительных учреждений, не зная о его статусе, проводили собственную оперативную разработку по привлечению его к ответственности, чем, естественно, срывали длительную операцию полиции.

Технический конфликт был обусловлен условиями ограниченного пространства пенитенциарного учреждения (камеры, переговорные комнаты), одновременная установка специальных технических средств разными службами приводила к техническим накладкам. Более того, IWSW, стремясь к автономии, закупил собственные программно-аппаратные комплексы для перехвата (биллинга), несовместимые с полицейскими базами данных. Это создало информационный вакуум, состоящий в том, что данные, полученные оперативниками системы исполнения уголовных наказаний, часто не могли быть проверены через полицейские картотеки¹⁷.

Именно эти обстоятельства, судя по всему, были положены в основу обоснования проекта закона о ликвидации. Они указывали на то, что модель автономной спецслужбы привела к изоляции пенитенциарного ведомства от системы государственной безопасности, а не к её интеграции.

Еще один аспект, который повлиял на решение об упразднении службы, это качество материалов, полученных в результате осуществления ОРД. Офицеры IWSW, набранные преимущественно из бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, обладали специфическим опытом «режимной работы», но не имели навыков документирования преступлений, что затрудняло или вовсе исключало использование получаемой информации в уголовном процессе в качестве доказательств.

В отличие от сотрудников полиции, понимающих требования прокуратуры и суда, оперативники Пенитенциарной службы часто допускали грубые ошибки при оформлении результатов оперативно-разыскной деятельности (нарушение порядка оформления изъятия и сохранности вещественных доказательств, ошибки в протоколах расшифровки аудиозаписи разговоров). Это приводило к тому, что уголовные дела, инициированные IWSW, не выдерживали критики в суде на стадии предварительного слушания и прекращались на этом этапе.

Сложившееся положение процессуальной беспомощности пенитенциарной спецслужбы находит свое теоретическое объяснение в трудах С.И. Гирько.

¹⁶ Piojda K. Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej do likwidacji. „Nie spełnił oczekiwań” [Электронный ресурс] // Strefa Obrony. 2025. 30 stycznia. URL: <https://strefaobrony.pl/inspektorat-wewnetrzny-sluzby-wieziennej-do-likwidacji-nie-speelnił-oczekiwań/ar/c1p2-27219067> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁷ Piojda K. Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej do likwidacji. „Nie spełnił oczekiwań” [Электронный ресурс] // Strefa Obrony. 2025. 30 stycznia. URL: <https://strefaobrony.pl/inspektorat-wewnetrzny-sluzby-wieziennej-do-likwidacji-nie-speelnił-oczekiwań/ar/c1p2-27219067> (дата обращения: 15.01.2026).

Анализируя отечественную практику, он ввел понятие «синхронизма» правовой регламентации, указывая на дисбаланс, состоящий в наличии у пенитенциарной системы оперативно-разыскных полномочий при явной усеченности ее уголовно-процессуальных функций (Girko, 2018). Польский опыт 2022–2024 гг. стал, по сути, экспериментом, подтвердившим опасения автора, которые состоят в том, что даже если наделить уголовно-исполнительное ведомство мощнейшим оперативным инструментарием (как это было с IWSW), но не синхронизировать его с полноценным статусом органа дознания/следствия, система будет неполноценной, а ее работа не принесет желаемого результата.

К сожалению, данный теоретический прогноз полностью оправдался на практике. Эмпирическим подтверждением «процессуальной несостоятельности» новой службы служат объективные показатели ее деятельности. Статистика, приводимая в средствах массовой информации, выглядит критично. Коэффициент полезного действия IWSW оказался кратно ниже, чем у аналогичных подразделений полиции. Эффективность работы была признана незначительной. Так, в 2023 г. сотрудники IWSW участвовали в задержании всего 9 человек. С начала существования инспекции было заведено всего 37 оперативных дел. При этом затраты на её содержание были несоразмерно высокими (около 13,86 млн злотых в 2024 г.). Правительство фактически признало, что создание внутри системы исполнения наказания отдельной «спецслужбы» с огромными оперативными полномочиями (которой, по словам руководителей министерства, «не имеет ни одна спецслужба») не оправдало ожиданий¹⁸.

Кроме того, создание IWSW породило глубокий социальный конфликт внутри самой службы. Сотрудники Инспектората получали существенно более высокие оклады и надбавки, чем офицеры отделов охраны и режима, выполняющие не менее важную работу. Это привело к саботажу со стороны коллег из смежных подразделений. Коллеги перестали делиться информацией с «элитой». Без опоры на низовое звено (охранников, воспитателей) оперативники перестали владеть значимой информацией.

Правовой механизм упразднения IWSW и компаративистский анализ

Приведенные обстоятельства повлияли на инициирование процесса упразднения IWSW, запущенного в 2024 г. Он представляет собой сложную юридическую операцию. Реформа предусматривает не просто роспуск Инспектората, а перераспределение полномочий и ответственности¹⁹. Соответствующие изменения были реализованы в Законе от 9 мая 2025 г. «О внесении изменений в Закон о пенитенциарной

¹⁸ Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow> (дата обращения: 21.01.2026); Sejm uchwalił likwidację Inspektoratu Wewnętrznej Służby Więziennej [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 9 maja. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/sejm-uchwalil-likwidacje-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej> (дата обращения: 21.01.2026).

¹⁹ Projekt ustawy o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw (uzasadnienie) [Электронный ресурс] // Ministerstwo Sprawiedliwości. 2025. 29 stycznia. URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/projekt-likwidacji-inspektoratu-wewnetrznego-sluzby-wieziennej-zatwierdzony-przez-rade-ministrow> (дата обращения: 21.01.2026).

службе и некоторые другие законодательные акты»²⁰. Фактически оперативно-разыскная деятельность в сфере исполнения наказаний была возвращена к модели передачи полномочий по борьбе с преступностью внешним органам, прежде всего полиции.

Пенитенциарная служба была лишена права на самостоятельное ведение «острых» ОРМ. Теперь при выявлении признаков преступления начальник учреждения обязан немедленно информировать полицию. Одним из самых острых вопросов стала передача дел оперативного учета. Законодатель столкнулся с дилеммой: передать их в полицию, что создавало риск расшифровки агентов, не дававших на это согласия, или уничтожить. Последний вариант повлек бы потерю ценной информации. Было выбрано компромиссное решение. Оно состояло в том, что архивирование секретных материалов осуществлялось под контролем Уполномоченного по защите секретной информации с возможностью доступа прокуроров по запросу.

История становления и прекращения существования IWSW стала показателем того, что попытка польской системы исполнения наказания стать спецслужбой была обречена на провал. Попытка решить проблему коррупции и преступности путем создания «супероргана» без учета истории существования пенитенциарной системы, изменения общей культуры службы и без налаживания межведомственного взаимодействия с полицией привела лишь к бюрократическому раздуванию и конфликтам со смежными структурами.

Мы полагаем, что причины кризиса лежат не в плоскости исполнительской дисциплины, а в недостатках планирования реформы и её ненадлежащего правового обеспечения. Попытка наделить уголовно-исполнительное ведомство функциями спецслужбы без создания адекватной системы внешнего контроля неизбежно породило риски злоупотреблений и коррупции, что подтверждается данными эмпирических исследований (Kotowska, & Zajac, 2023). Анализ польского «отката реформы» имеет фундаментальное значение для российской уголовно-правовой науки. Он позволяет оценить границы допустимого расширения оперативных полномочий отечественной службы исполнения наказания.

Подводя итог исследованию трансформации оперативно-разыскной деятельности в пенитенциарной системе Польши (2010–2025 гг.), необходимо отметить, что попытка радикального пересмотра системы безопасности в исправительных учреждениях через создание автономной «спецслужбы» (IWSW) завершилась провалом. Польский законодатель, проигнорировав принцип системности, создал громоздкую структуру, которая за два года прошла путь от «безграничных полномочий» до полной ликвидации.

В этом контексте опыт Российской Федерации представляет интерес как пример консервативного развития уголовно-исполнительной политики. В отличие от польской практики радикальных структурных преобразований (2010–2025 гг.), российская система сохраняет преемственность, избегая резких изменений правового статуса оперативных подразделений. Российская модель, базирующаяся на Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», избежала соблазна создания «внутренней полиции». Она ориентирована на гармонизацию полномочий, а не на создание искусственных надстроек, конкурирующих с ФСБ и МВД. Стабильность правового статуса оперативных подразделений ФСИН позволяет им выполнять

²⁰ Ustawa z dnia 9 maja 2025 r. o zmianie ustawy o Służbie Więziennej oraz niektórych innych ustaw [Электронный ресурс] // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 2025. Poz. 820. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20250000820> (дата обращения: 21.12.2025).

задачи, не вступая в конфликт юрисдикций, который привел к ликвидации польской IWSW.

Развивая этот тезис, следует указать на вторую фундаментальную ошибку польского законодателя. Речь идет об игнорировании процессуальной составляющей. Описанный нами эксперимент подтвердил, что наделение пенитенциарного ведомства такими специальными полномочиями, как прослушивание, агентурная работа и т.п., без надлежащей подготовки кадров с большой вероятностью приведет к невозможности результативно реализовывать свои функции. В России ситуация сложилась иная. В нашей стране пошли по пути четкого разграничения полномочий. Взаимодействие между субъектами оперативно-разыскной деятельности разных министерств и ведомств регламентирована целой системой совместных нормативных актов.

Нельзя не обратить внимание и на отсутствие в польской правовой доктрине глубокой научной обусловленности рассмотренной законодательной инициативы. Пример ликвидации IWSW продемонстрировал, что игнорирование научного обоснования и рекомендаций может привести к отрицательному результату. В этой связи можно только констатировать, что опыт России, который основывается на научно-экспертном потенциале профильных научно-исследовательских учреждений (в частности НИИ ФСИН России) (Pleshakov & Shkabin, 2025), демонстрирует более стабильный подход. Заключение ученых, специалистов в узких сферах, позволяют минимизировать риски внедрения неэффективных правовых и организационных механизмов.

Заключение

Сравнительный анализ реформ в Польше и России позволяет сделать определенные выводы. Опыт создания и быстрой ликвидации Инспектората внутренней безопасности (IWSW) показал, к каким отрицательным последствиям приводит появление изолированной спецслужбы внутри уголовно-исполнительной системы. Основными выводами нашего исследования можно считать следующее:

1) наделение ведомства мощными инструментами негласного наблюдения и контроля при отсутствии опыта предоставления результатов в следственные органы и суды лишает работу практического смысла. Сотрудники IWSW не имели навыков правильного документирования преступлений, из-за чего собранные ими материалы массово признавались судами недопустимыми доказательствами;

2) попытка полностью закрыться от других правоохранительных органов привела к спорам и путанице. Новая структура начала конкурировать с полицией за показатели и ненамеренно срывала её операции, а покупка несовместимых баз данных создала информационный вакуум;

3) вместо противодействия организованной преступности и системной коррупции, инспекторат стал тратить огромный бюджет на привлечение к ответственности за мелкие нарушения;

4) переход на прямую оплату информации деньгами из секретного фонда привел к тому, что заключенные начали массово выдумывать ложные доносы ради заработка. Это полностью разрушило контроль над реальной обстановкой в колониях.

Польский провал подтверждает правильность и устойчивость российского подхода к организации оперативно-разыскной деятельности. Отечественная система избегает подобных кризисов благодаря конкретным обстоятельствам.

Во-первых, то, что оперативные подразделения органов и учреждений ФСИН России не соперничают с МВД и ФСБ, а работают с ними в едином правовом поле на основе совместных нормативных актов.

Во-вторых, работа с лицами, оказывающими конфиденциальное содействие, строится на понятных и законных стимулах, что снижает риски оговоров и лжи.

В-третьих, большинство изменений проходят ведомственную научную экспертизу (в частности, НИИ ФСИН России), что защищает систему от непроработанных реформ.

В результате можно констатировать, что безопасность в местах лишения свободы нельзя построить с помощью изолированных «суперслужб». Она должна опираться на интеграцию ведомства в общую правоохранительную систему государства.

References / Список литературы

- Agarkov, A.V. (2015) The objectives of investigative operations performed by the operational subunits of Russia's penitentiary system. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. (5-6), 160–164. (In Russian). EDN: VNTPIX.
- Азарков А.В. Задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5-6. С. 160–164. EDN: VNTPIX.
- Bojanowski, T. (2023) Operational and reconnaissance activities of the Prison Service. [Czynności operacyjno-rozpoznawcze Służby Więziennej]. *Legislative Review [Przegląd Legislacyjny]*. (3), 49–56. (In Polish).
- Cempura, A. (2011) Operational reconnaissance conducted in detention wards and penal institutions. [Czynności operacyjno-rozpoznawcze prowadzone w aresztach śledczych i zakładach karnych]. *Law and Justice [Prokuratura i Prawo]*. (10), 123–133. (In Polish).
- Girko, S.I. (2018) Synchronism and adequacy of legal regulation of the criminal procedure and operational search activities of the penal system. *Penal system: law, economics, management*. (2), 4–5. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2018-2-4-8> EDN: YQFBCW.
- Гирько С.И. Синхронизм и адекватность правовой регламентации уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 2. С. 4–5. <https://doi.org/10.18572/2072-4438-2018-2-4-8> EDN: YQFBCW.
- Kładoczny, P. & Wolny, M. (2013) *Prison conditions in Poland*. Rome, Antigone Edizioni Publ.
- Kotowska, M. & Zajac, B. (2023) The issue of corruption in the conditions of detention according to officers of the Penitentiary Administration. [Problematyka korupcji w warunkach penitencjarnych w opinii funkcjonariuszy Służby Więziennej]. *The Prison Systems Review*. (118), 43–70. (In Polish).
- Lewandowski, M. (2019) Tasks of the Prison Service for state security – directions of changes [Zadania Służby Więziennej na rzecz bezpieczeństwa państwa – kierunki zmian]. *Defence Knowledge [Wiedza Obronna]*. 117–131. (In Polish). <https://doi.org/10.34752/vvhk-gh04>
- Lewandowski, M. & Strzelec, M. (2022) Implementation of the assumptions of dynamic security to the Polish penitentiary system. [Implementacja założeń ochrony dynamicznej do polskiego systemu penitencjarnego]. In: Kuryłowicz, M. & Strzelec, M. (eds.) *Law and Public Order [Prawo i porządek publiczny]*. Warszawa, SWWS Publ., pp. 9–32. (In Polish).
- Mielnik, D. (2022) Corruption in isolation – legal and preventive aspects. [Korupcja w warunkach izolacyjnych – aspekty prawne i profilaktyczne]. In: Kuryłowicz, M. & Strzelec, M. (eds.) *Law and Public Order [Prawo i porządek publiczny]*. Warszawa, SWWS Publ., pp. 139–163. (In Polish).
- Nowacki, Z. (2022) The legitimacy of applying preventive measures in penitentiary units. [Zasadność stosowania czynności profilaktycznych w jednostkach penitencjarnych]. In:

- Kuryłowicz, M. & Strzelec, M. (eds.) *Law and Public Order [Prawo i porządek publiczny]*. Warszawa, SWWS Publ., pp. 75–105. (In Polish).
- Pleshakov, A.M. & Shkabin, G.S. (2025) Problems with the execution of legislation in the field of activity of the Federal Penitentiary Service. *State and Law*. (5), 185–189. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S1026945225050171> EDN: LQEMFZ.
- Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Проблемы с исполнением законодательства в сфере деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Государство и право. 2025. № 5. С. 185–189. <https://doi.org/10.31857/S1026945225050171> EDN: LQEMFZ.
- Rosiak, M. (2023) Internal Inspectorate of the Prison Service as an expression of the implementation of the postulates of a forensic strategy aimed at effectively combating crime in the prison sector [Inspektorat Wewnętrzny Służby Więziennej jako wyraz realizacji postulatów strategii kryminalistycznej ukierunkowanej na skuteczne zwalczanie przestępczości w sektorze więziennictwa]. In: Kwiatkowska-Wójcikiewicz, V., Krawczyk, R., & Wilk, D. (eds.) *The Beauty of Forensics, Jubilee Book of Professor Józef Wójcikiewicz [Piękno kryminalistyki, Księga Jubileuszowa Profesora Józefa Wójcikiewicza]*. Toruń. (In Polish).
- Rosiak, M. (2024) Diagnosis of corruption factors in the service environment and at work in the Prison Service [Diagnoza czynników korupcyjnych w środowisku służby i w pracy w Służbie Więziennej]. *Law.Education.Security*. (1). (In Polish).
- Rumyantsev, N.V. & Shkabin, G.S. (2025) Scientific discourse in the field of operational-investigative activities: Review of reports of the Interdepartmental scientific-practical conference at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Scientific Crime and Punishment Research Journal*. (2), 63–74. (In Russian). EDN: ASIEAW.
- Румянцев Н.В., Шкабин Г.С. Научный дискурс в сфере оперативно-разыскной деятельности: обзор докладов Межведомственной научно-практической конференции в НИИ ФСИН России // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2. С. 63–74. EDN: ASIEAW.
- Sarzała, D.M., Piestrzyński, W. & Piestrzyński, F. (2025) Involvement of Prison Service officers in the organization – selected aspects in the light of empirical research [Zaangażowanie funkcjonariuszy Służby Więziennej w organizację – wybrane aspekty w świetle badań empirycznych]. *Journal of Modern Science [Journal of Modern Science]*. 63 (3), 875–900. (In Polish). <https://doi.org/10.13166/jms/211647>
- Schetnev, L.E. (2025) Legal status of operational units of institutions and bodies of the penal system. *Scientific Crime and Punishment Research Journal*. (2), 49–56. (In Russian). EDN: ROZDOD.
- Щетнев Л.Е. Правовой статус оперативных подразделений учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 2. С. 49–56. EDN: ROZDOD.
- Zhandrov, V.Yu. (2025) Historical background of the conflict between the tasks of operational-investigative activities and ensuring the regime of detention in the institutions of the penal system. *Scientific Crime and Punishment Research Journal*. (1), 31–36. (In Russian). EDN: ELOOVM.
- Жандров В.Ю. Исторические предпосылки конфликта задач оперативно-разыскной деятельности и обеспечения режима содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Научные исследования преступления и наказания. 2025. № 1. С. 31–36. EDN: ELOOVM.

Сведения об авторах:

Шкабин Геннадий Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, Главный научный сотрудник Центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 125130, г. Москва ул. Нарвская д.15а, стр. 1; профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка, институт права и национальной безопасности, Российская академия народного

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1

ORCID: 0000-0002-1908-668X; SPIN-код: 4402-5316

e-mail: sgsryaz@ya.ru

Чистяков Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор, институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Московский институт электронной техники; Российская Федерация, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1

ORCID: 0000-0003-4266-2515; SPIN-код: 7449-1627

e-mail: alex62-60@yandex.ru

Клебанов Лев Романович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-код: 8500-6094

e-mail: klebanov-lv@rudn.ru

About the authors:

Gennadiy S. Shkabin – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Chief Researcher, Center for the Study of Security Problems in Penitentiary Institutions, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 15a Narvskaya st., building 1, Moscow, 125130, Russian Federation; Full Professor, Department of Legal Support for National Security, Law and Order, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82 Vernadsky Ave, building 1, Moscow, 119571, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1908-668X; SPIN-code: 4402-5316

e-mail: sgsryaz@ya.ru

Alexey A. Chistyakov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; Full Professor, Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology; 1 Shokina Pl., Moscow, Zelenograd, 124498, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4266-2515; SPIN-code: 7449-1627

e-mail: alex62-60@yandex.ru

Lev R. Klebanov – Doctor of Legal Sciences, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Forensic Science, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1452-9568; SPIN-code: 8500-6094

e-mail: klebanov-lv@rudn.ru

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ. РЕЦЕНЗИИ

SCIENTIFIC FORUMS. REVIEWS

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-649-664>
EDN: PQBRXT

Информационная статья / Information Article

Ведущему российскому теоретику права – 85 лет: к юбилею Владимира Михайловича Сырых

Н.А. Власенко¹ , В.Ю. Панченко^{2,3,4,5,6}

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Российская Федерация

³Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва,
Российская Федерация

⁴Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк,
Российская Федерация

⁵Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Москва, Российская Федерация

⁶Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
panchenkovlad@mail.ru

Поступила в редакцию: 17 июня 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Власенко Н.А., Панченко В.Ю. Ведущему российскому теоретику права – 85 лет:
к юбилею Владимира Михайловича Сырых // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3.
С. 649–664. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-649-664> EDN: PQBRXT

A Leading Russian Legal Theorist Turns 85: On the Anniversary of Vladimir M. Syrykh

Nikolai A. Vlasenko¹, Vladislav Yu. Panchenko^{2,3,4,5,6}✉

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

³Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

⁴Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

⁵Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian Federation

⁶Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

✉panchenkovlad@mail.ru

Received: June 17, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Vlasenko, N. A., Panchenko, V. Yu. (2026) A Leading Russian Legal Theorist Turns 85: On the Anniversary of Vladimir M. Syrykh. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 649–664. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-649-664> EDN: PQBRXT

В истории отечественного правоведения есть ученые, чье творчество не просто отражает развитие науки, но и задает его магистральные направления на десятилетия вперед. Владимир Михайлович Сырых – д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия – принадлежит к этой славной плеяде. 2026 г. ознаменован его 85-летним Юбилеем. Это событие дает повод не только поздравить ведущего теоретика, но и акцентировать внимание на достижениях его многогранной научной деятельности, особенно в предшествующие пять лет (2021–2026 гг.), которые оказались необычайно плодотворными. Предмет научных исследований В.М. Сырых всегда отличался широтой: это методология правовой науки, теория и социология права, образовательное право, история права и правовой науки, судоустройство и правосудие. Всего им опубликовано 42 монографии, учебника и учебного пособия, а также почти полторы тысячи статей. Только за 2021–2025 гг. юбиляр издал четыре монографии и тридцать статей, каждая из которых стала заметным событием в научном мире. Творчество В.М. Сырых связано с последовательным развитием материалистической теории права как альтернативы ортодоксальному позитивизму, с одной стороны, и модным постмодернистским веяниям – с другой. Всеобщие принципы права, механизм перевода объективного права из возможности в действительность, роль интуиции в научном познании, критика постмодернистской и герменевтической методологии, проблема превращенных форм научной новизны (плагиат, фальсификация, научное батрачество), гражданская позиция ученого-правоведа, историко-правовые труды, посвященные становлению советского суда и сталинскому террору, объединены в творчестве В.М. Сырых стержневой идеей: право есть не произвольное веление государства, а объективная форма экономических отношений, и задача ученого – познать эту объективность, а не прислуживать власти.

Материалистическая теория права В.М. Сырых: объективное право как система всеобщих принципов. Ключевая идея, проходящая «красной нитью» через работы

В.М. Сырых, состоит в различении объективного права (как системы познанных закономерностей, закрепленных в принципах права) и позитивного права (как воли законодателя, облеченной в форму законов и иных формальных источников).

В.М. Сырых выделяет четыре фундаментальных положения:

– право не выступает и не может выступать в роли регулятора общественных отношений;

– сущность объективного права составляют всеобщие принципы равенства, свободы, взаимодействия (взаимозависимости), эквивалентности и общеобязательности (юридической ответственности);

– взаимосвязь объективного и публичного права отличается от аналогичной взаимосвязи объективного и частного права;

– позитивное, индивидуальное право (право индивида) и конкретное право (договор, соглашение) выступают равноценными формами права, необходимо отрицающими друг друга в процессе перехода объективного права из возможности в действительность»¹.

В.М. Сырых решительно развенчивает господствовавшее в советской доктрине (навязанное А.Я. Вышинским в конце 1930-х гг.) сведение марксистского понимания права к «воле господствующего класса, возведенной в закон». «По мнению О.Э. Лейста, К. Маркс отказался от гегелевского понимания права, которое он разделял в молодости, и разработал „иную концепцию права, согласно которой право и выражающее его законодательство определяются не естественным законом свободы, а волей экономически и политически господствующего класса“. Свою позицию О.Э. Лейст основывает... на двух положениях (!) из „Немецкой идеологии“ и „Манифеста коммунистической партии“. Между тем ни использованные автором цитаты, ни дух марксизма не дают никаких оснований для сведения права к воле господствующего класса»².

Особое внимание В.М. Сырых уделяет происхождению всеобщих принципов права. Анализируя отношение обмена, К. Маркс, по мнению юбиляра, выделил четыре принципа: взаимозависимость, равенство, свободу воли и эквивалентность. «Взаимозависимость, согласно К. Марксу, характеризуется тем, что каждый субъект менового отношения имеет определенные права и одновременно несет какие-либо обязанности. При этом лицо, осуществившее некие действия в пользу другого лица в силу закона или договора, тем самым реализует и собственный интерес»³. «Принцип взаимозависимости является необходимым признаком права, определенного формой обмена, и как его существенный признак позволяет провести достаточно четкий „водораздел“ между действительным и „кулачным“ правом, правом и произволом»⁴. Равенство участников обмена выражается в том, что они являются равными собственниками товаров, имеющих равную меновую стоимость, а все прочие индивидуальные различия не имеют значения. Свобода воли проявляется в возможности

¹ Сырых В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сб. статей к 100-летию со дня рождения проф. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 230–259; Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Объективное право и формы его выражения : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 564 с.

² Сырых В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сб. статей к 100-летию со дня рождения проф. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 230–259.

³ Там же.

⁴ Там же.

самостоятельно, по своему усмотрению определять юридическую природу вещи, принимать решение о вступлении в правоотношение и определять условия договора. «Продажа, произведенная несобственником, по Законам Ману подлежала признанию недействительной в судебном порядке. К вопросу о продажах товара несобственниками более строго подошел Хаммурапи, установивший смертную казнь за покупку товара не у владельца, а у его сына или его раба»⁵. Эквивалентность предстает необходимым элементом формы обмена: «каждый участник обмена не должен приобретать товар, имеющий меньшую потребительную стоимость, нежели товар, переданный им другому участнику»⁶. Для измерения эквивалентности человечество выработало денежную форму. Позднее, в ходе борьбы с обманом и насилием, добавились принципы общеобязательности и юридической ответственности. «Созданные на заре истории цивилизации всеобщие принципы права – равенство, свобода воли, взаимозависимость, эквивалентность, общеобязательность и юридическая ответственность – действуют по настоящее время в качестве ядра, нормативной основы современного позитивного права»⁷. Совокупность этих принципов, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и последующих международных пактах, а также в конституциях современных государств, и есть объективное право – то самое «естественное право», которое позволяет отличать правовой закон от законодательного произвола. «Именно общепризнанные принципы и нормы международного права официально в конституциях ряда стран, в том числе и в Конституции РФ, наделяются приоритетом перед законами внутринационального права»⁸.

В.М. Сырых подчеркивает, что законодатель далеко не всегда способен адекватно отразить объективное право в позитивном праве. «Полнота и уровень отражения экономического развития в законодательстве ставятся в прямую зависимость от способности гражданского общества вести активную борьбу за свои права и желания законодателя учитывать новые экономические реалии»⁹. «Вследствие вышеназванных и других причин законодательство оказывается чаще всего неспособным адекватно отразить, санкционировать наличные экономические отношения. Вместо того чтобы придать общеобязательное значение общим требованиям, вытекающим из экономических отношений, законодатель проектирует собственные оригинальные нормы, которые плохо согласуются или вовсе не согласуются с этими отношениями»¹⁰. Однако даже если закон противоречит объективному праву, экономические отношения не исчезают. «Объективное право, не санкционированное государством, реализуется в правовых отношениях помимо его воли. Притягательная способность правоотношений удовлетворять потребности индивидуумов способом более легким или более рачительным, нежели предусмотренным законом, нередко одерживает верх над законом». «Законы „неизбежно изменяются вместе с изменяющимися условиями жизни, из старых отношений они возникли, вместе с ними должны

⁵ Сырых В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сб. статей к 100-летию со дня рождения проф. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. С. 230–259.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

и погибнуть“»¹¹. В качестве исторической иллюстрации В.М. Сырых приводит борьбу рабочего класса за свои права: «Тот широкий спектр прав и свобод, которыми ныне обладают трудящиеся развитых капиталистических стран, не был дарован им свыше, а вырван ими у своих работодателей. Под угрозой утраты своего политического и экономического господства в ходе социалистической революции, реальность которой показали рабочий класс России и образованное им советское государство, собственники средств производства и их государство вынуждены были поделиться своей частью доходов и тем самым привести свое законодательство в более полное соответствие с объективным правом производственного отношения»¹².

Тезис о том, что «право не выступает и не может выступать в роли регулятора общественных отношений», В.М. Сырых аргументирует на стыке юриспруденции, кибернетики и теории управления, показывая, что понятия «регулятор» и «регулирование», которые являются родовыми по отношению к понятиям «правовое регулирование», «правовые регуляторы» заимствованы из технических наук. Регулятор – это компонент саморегулируемой системы, который в режиме реального времени отслеживает параметры работы устройства и при необходимости корректирует их: «регулятор в режиме реального времени отслеживает работу системы и обеспечивает поддержание ее параметров в заданных пределах»¹³. Нормативные же предписания, закрепленные в законах и иных формальных источниках права, представляют собой «разновидность проектной, конструкторской документации», они «могут выступать лишь носителями информации о воле законодателя», «законодательство само по себе не содержит средств, способных обеспечить перевод норм права на уровень конкретных отношений, представляет собой нечто вроде “телеги без колес”»¹⁴. Отсюда следует, что именование норм права «регулятором» – методологическая ошибка, которая порождает мифологизированное представление о всемогуществе закона и неспособность объяснить, почему многие правовые нормы остаются нереализованными.

В.М. Сырых с этих позиций, в частности, подвергает критике представления, господствующие в отечественной юриспруденции о регулятивных функциях права, в которых, по его мнению, есть противоречия, а «регулятор оказывается таковым по преимуществу в сознании идеологов позитивистской доктрины»¹⁵. «Регуляторная статическая функция права, – цитирует В.М. Сырых С.С. Алексеева, – выражается в том, что оно „утверждает, возводит в разряд ‘неприкосновенных’ господствующие общественные отношения”»¹⁶. Но, возражает В.М. Сырых, закрепление существующих отношений и их регулирование – качественно разные явления. «Констатация в праве реально сущего и регулирование правом представляют собой качественно различные явления»¹⁷. Более того, С.С. Алексеев, по мнению В.М. Сырых, «значительно и неоправданно упрощает многоаспектное содержание законов, сведя

¹¹ Сырых В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сб. статей к 100-летию со дня рождения проф. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. С. 230–259.

¹² Там же.

¹³ Сырых В.М. О регуляторах в правовом регулировании // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12). С. 1–21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

его к трем компонентам: позитивному обязыванию, дозволению и запретам»¹⁸. При таком подходе игнорируются процессуальные нормы, механизмы реализации, система юридических фактов – все то, что как раз и составляет реальный механизм перевода права в действительность.

Реальный регулятор, по убеждению В.М. Сырых, – это «специальный механизм правореализации», компонентами которого в частном праве выступают сами субъекты права (индивиды, организации), а в публичном – правоприменительные органы. «В частном праве таким регулятором выступает индивид, иные субъекты права, а в публичном праве – правоприменительные органы». Нормы же права, не востребованные субъектами, находятся «в жалком состоянии предписаний, т.е. фактически утративших силу и действующих лишь формально»¹⁹. Правотворчество при таком подходе предстает не как создание «регуляторов», а как «разновидность социально-правовой инженерии» – творческая деятельность по проектированию моделей поведения. «Критерием качества норм права является не их „истинность“, а эффективность, практическая результативность и способность обеспечивать устойчивое развитие общества»²⁰. Вывод материалистической теории права о том, что норма права сама по себе не регулирует общественные отношения, а регулирование – это всегда деятельность живых субъектов, опирающихся на правовую информацию, но не сводящихся к ней, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, объясняя, почему законы, противоречащие объективным принципам права и не подкрепленные работающим механизмом реализации, остаются мертвыми, ориентирует законодателя на необходимость проектировать не просто нормы, но и действенные механизмы их воплощения в конкретные и фактические общественные отношения.

В монографии «Основы материалистической теории права. Объективное право и формы его выражения» (М., 2022), разворачивая идею о механизме перевода объективного права из возможности в действительность, В.М. Сырых предлагает выделять четыре стадии такого движения: позитивное право, индивидуальное право, конкретное право и фактические отношения, которые позволяют раскрыть диалектику воплощения позитивного права в фактических правоотношениях. На первой стадии – позитивное право – государство принимает нормы, которые должны соответствовать объективным принципам, но на практике часто им противоречат. Вторая стадия – индивидуальное право: «Индивид, отчужденный от общества и государства и оставленный наедине с самим собой и своими потребностями, вынужден самостоятельно, своими силами формировать собственное индивидуальное право. ... Государство надеется на то, что благодарный индивид не выйдет за пределы установленного, будет неизменно придерживаться канонов, установленных законами, и уступает ему дорогу на стадии реализации частного позитивного права. Однако индивид к нормативным положениям государства относится предосудительно и испытывает готовность их исполнять в той мере, в какой они позволяют удовлетворить его потребности и интересы»²¹.

В.М. Сырых подчеркивает, что эта стадия игнорируется позитивизмом, но она необходима, потому что позитивное право не может воплотиться в правоотношении,

¹⁸ Сырых В.М. О регуляторах в правовом регулировании // IP: теория и практика. 2025. № 4 (12). С. 1–21.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Объективное право и формы его выражения : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 564 с.

если оно не будет известно и одобряемо индивидом. «Частный собственник не желает находиться в смиренной рубашке позитивного права. В пределах свободы, предоставленной политическим режимом, либо вступая с ним в конфликт, индивид весьма успешно находит пути реализации своих экономических интересов в обход государства, используя в этих целях обычаи, деловые обыкновения, иные социальные нормы либо создавая собственные оригинальные нормы права. Образно говоря, правотворческая деятельность индивидов, выброшенная государством за дверь, неизменно возвращается через окно»²².

Третья стадия – конкретное право (договор или правоприменительный акт): «Конкретное право призвано воплотить в себе объективное право и перевести его на уровень предписаний индивидуального договора»²³.

И, наконец, четвертая стадия – фактические отношения, где право становится реальностью. «Регулятором общественных отношений выступает не позитивное право, а субъекты права – в частном праве индивид, в публичном – правоприменительные органы. Нормативные предписания законов ... представляют собой лишь информацию о воле правотворческого органа, каким должно быть правомерное поведение»²⁴.

В.М. Сырых различает действие этого механизма в частном и публичном праве. «Публичному праву чужда цель частного права, ориентированного на закрепление меры свободы воли индивида в сфере частной собственности, приобретаемой на возмездной основе на основании договора иной сделки. Публичное право преследует прямо противоположную цель – удовлетворение материальных и духовных потребностей индивидов и иных членов общества на бесплатной основе за счет общего блага»²⁵. В публичном праве позитивное право, как правило, представляет собой превращенную форму, поскольку не соответствует принципам равенства и свободы воли. «Получается парадоксальная вещь: буржуазное право, в котором, например, либертарная теория права видит вершину правового развития и образец подлинного права, на деле оказывается его превращенной формой, неправом»²⁶. Тем не менее, публичное право необходимо для существования государства, и здесь действуют свои объективные принципы: народовластия, разделения властей, истинности, юридической правильности, обоснованности. «Признание позитивного публичного права в качестве превращенной формы, не способной удовлетворять всеобщим принципам объективного права, не умаляет значения общих принципов публичного объективного права... в деле оценки и совершенствования действующих норм права»²⁷.

Механизм перевода в публичном праве также включает отмеченные четыре стадии, но ведущую роль играют правоприменительные акты, принимаемые властными органами. «Правоприменительным решением завершается процесс перевода абстрактного публичного права в действительность»²⁸. Если индивид не удовлетворен нормами публичного права, он может участвовать в политической борьбе – легальной (через партии, СМИ, митинги) или, в крайних случаях, революционной.

²² Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Объективное право и формы его выражения : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 564 с.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

«Принципы объективного публичного права являются действенными критериями, позволяющими дать правильную теоретическую и политическую оценку протестным действиям против существующей власти. Действия могут быть признаны правомерными, если они преследуют цели, соответствующие всеобщим и общим принципам публичного права, направлены на борьбу с превращенной формой публичного права, за расширение демократических начал управления делами общества»²⁹.

В монографии «Основы материалистической теории права. Технология теоретико-правовых исследований» (М., 2023) В.М. Сырых переходит от онтологии права к его гносеологии. Здесь он предлагает пятистадийную структуру теоретического исследования: аналитическая стадия – критический анализ научных публикаций предшественников; индуктивная стадия – изучение и обобщение юридической практики, эмпирическая проверка теоретических гипотез; синтетическая стадия – выявление сущности, содержания и внутренней структуры исследуемого объекта, а также его внешних связей; дедуктивная стадия – обоснование новизны, доказательство достоверности полученных результатов, проверка их на соответствие критериям истинности; написание научной работы – завершающая стадия, на которой результаты объективируются в тексте. «Предшествующий опыт научного познания образует надежную теоретико-методологическую основу дальнейшего научного анализа и перечень проблем, изученных недостаточно глубоко», а «синтез является ведущей стадией теоретического познания»³⁰.

При этом В.М. Сырых предостерегает от двух крайностей: от некритического заимствования чужих идей (плагиата) и от изоляционизма, когда исследователь игнорирует уже накопленное знание. «Чем активней и полнее исследователь использует достижения других авторов, тем плодотворней будет его личный вклад в решение исследуемых проблем»³¹. Юбиляр также критикует практику, когда диссертанты ограничиваются простым обзором литературы без выработки собственной позиции: «Обзор юридической литературы ... ни при каких условиях не может породить нового теоретического знания. В лучшем случае он может быть отнесен к прикладным научным исследованиям»³².

Особый интерес в этой монографии вызывает авторская интерпретация интуиции как формы научного мышления. В.М. Сырых посвящает интуиции отдельную главу, где последовательно развенчивает как мистические, так и редукционистские трактовки этого феномена. Он исходит из того, что «интуиция не появляется сама собой, ее действие является совокупным результатом, как минимум, трех слагаемых». Во-первых, необходим обширный эмпирический и теоретический материал по теме исследования, собранный познающим субъектом лично и критически оцененный им на научную достоверность и плодотворность. Во-вторых, исследователь должен освоить и лично творчески применить современные методы научного познания в ходе анализа и систематизации изученного научного материала. В-третьих, цели

²⁹ Сырых В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сб. статей к 100-летию со дня рождения проф. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2022. С. 230–259.

³⁰ Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Технология теоретико-правовых исследований : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 576 с.

³¹ Там же.

³² Там же.

решения исследуемой проблемы должны доминировать в качестве основного, ведущего направления деятельности исследователя, составлять суть и смысл его бытия в период решения соответствующей научной проблемы. «Интуиция становится верной подругой и надежным помощником исследователя, как минимум, имеющего: 1) высокие способности к усвоению знаний по предмету соответствующей отрасли науки и интерес к максимально полному усвоению этих знаний; 2) глубокие профессиональные знания по предмету научной и практической деятельности; 3) навыки творческого применения методологии научного познания; 4) системные и последовательные занятия научной деятельностью в сфере той или иной отрасли научного знания; 5) проблемы, которые дискурсивная форма мышления решить не может; 6) умения отличать действительное достоверное научное знание от иллюзорного, мифологического, выбирать оптимальный по простоте и ясности вариант объяснения своего видения проблемы и убедительно обосновывать его достоверность»³³. При этом В.М. Сырых подчеркивает, что интуиция – это не бессознательное, а неосознаваемое, то есть результат работы сознания, которое временно выводит информацию из активной обработки, но продолжает ее перерабатывать на «втором уровне». Он ссылается на исследования В.Р. Ириной и А.А. Новикова, которые отличают «неосознанное» от «бессознательного»: бессознательное находится ниже порога сознания и не контролируется им, тогда как интуиция как неосознаваемое есть необходимый момент интенциональной деятельности сознания³⁴. Для иллюстрации В.М. Сырых приводит примеры из физики: П. Дирак признавался, что его знаменитое уравнение пришло к нему во сне, но этому предшествовали годы напряженной работы. А. Эйнштейн подчеркивал, что «не существует логического пути открытия этих элементарных законов. Единственным способом их постижения является интуиция, которая помогает увидеть порядок, кроющийся за внешними проявлениями различных процессов»³⁵. «Сознание в режиме интуитивного мышления работает самостоятельно и независимо от воли индивида, но с теми знаниями, которые им непосредственно выявлены и изучены»³⁶. В.М. Сырых убежден, что эвристический потенциал интуиции в правоведении до сих пор недоиспользован из-за господства позитивистской доктрины: «как только в повестку дня станет вопрос о переходе российских правоведов на подлинно научную теорию правоведения, каковой, по нашему мнению, является материалистическая теория права ... интуиция займет в правоведении подобающее ей место лидера подлинно творческих и продуктивных средств научного познания»³⁷. Однако ученый предупреждает: «знания, полученные интуитивным путем, являясь гипотетическими и нуждаются в основательной проверке на достоверность»³⁸.

Не менее ярко в монографии представлена критика постмодернистской теории права и герменевтики. Глава 14 носит характерное название: «Герменевтическое вчувствование и предпонимание как оправдание субъективизма и непонимания». В.М. Сырых анализирует работы Г. Гадамера, В. Дильтея, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, а также российских адептов юридической герменевтики (А.И. Овчинникова и

³³ Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Технология теоретико-правовых исследований : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 576 с.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

др.) и показывает, что герменевтика, возводя понимание в ранг основного метода, фактически отказывается от поиска объективных закономерностей и заменяет его множеством частных интерпретаций, зависящих от «жизненного опыта и здравого смысла» исследователя. «Понимание, интерпретация, истолкование – вот основные процедуры правового мышления. Объяснение же выполняет дополнительную, техническую, работу по систематизации правовой материи и является на самом деле квази-объяснением», – цитирует В.М. Сырых своего оппонента и тут же возражает: «Если бы дело обстояло таким образом, как его трактует герменевтика, то правовая наука уже давно бы канула в Лету вместе с алхимией и другими науками, неспособными верно объяснять окружающий мир»³⁹. Особо резкой критике подвергается тезис о примате «живого права» и обыденного правосознания над профессиональным юридическим знанием. «Ученые-юристы и издатели, не знакомые с основами герменевтики, видимо, пока что не знают о действительном соотношении профессиональных и обыденных знаний в праве и самонадеянно предлагают населению опыт своего собственного “вчувствования”, понимания права»⁴⁰. В.М. Сырых доказывает, что население понимает законы не потому, что обладает каким-то особым «предпониманием», а потому, что законодатель сознательно упрощает язык нормативных актов, использует легальные определения и избегает многозначности. Однако для разрешения пробелов, коллизий и иных сложных ситуаций необходимы именно профессиональные знания, системное владение методами толкования. «Правовая наука, как и любая иная отрасль научного знания, является наукой постольку, поскольку она отвечает критериям объективности, адекватности, истинности, пытается обеспечить себе зону автономии и быть нейтральной по отношению к идеологическим и политическим приоритетам. То, ради чего армии ученых тратят свои жизни и кладут свои головы, есть истина, она превыше всего, она есть конституирующий науку элемент, основная ценность науки»⁴¹. Постмодернистская теория права, по убеждению В.М. Сырых, бесперспективна: «Постмодернистская теория права является бесперспективной и не пойдет далее абстрактных описаний ее широких возможностей в познании права»⁴². Он иронизирует над попытками применить синергетику, аксиологию и феноменологию к праву, называя это «методологическим трюкачеством». «Пока что не создано ни одной фундаментальной работы в области обществоведения и природоведения, подготовленных по методологическим рецептам герменевтики или феноменологии»⁴³. Главный недостаток постмодернизма, по его мнению, – отказ от поиска причинно-следственных связей и замена их свободной игрой интерпретаций. «Сколько людей, столько и мнений. Соответственно, от правовой науки как системы знаний ничего не останется, каждый понимает и интерпретирует ее по-своему»⁴⁴.

Еще одной важной темой, которую разрабатывает В.М. Сырых, является проблема превращенных форм научной новизны – таких патологии научного творчества, как плагиат, фальсификация результатов и «научное батрачество». Термин «превращенная форма» автор заимствует из марксистской философии, где он

³⁹ Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Технология теоретико-правовых исследований : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 576 с.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

обозначает явление, выступающее в несвойственной ему оболочке, искажающей его сущность. «Научная новизна – это свойство, характерное научным знаниям, впервые введенным в научный оборот посредством публикации с указанием фамилии лица, их получившего, в качестве автора публикации»⁴⁵. Однако далеко не все, что выдается за новое, таковым является. В.М. Сырых выделяет три формы плагиата: 1) заимствование мыслей и/или текста других авторов без ссылок; 2) соавторство без участия в исследовании (когда начальник или должностное лицо требует указать себя в качестве соавтора); 3) научное батрачество – подготовка научной работы (диссертации, монографии) за плату для другого лица. «Научное батрачество ... позволяет лицу, далекому от науки, получить незаслуженную ученую степень. ... У лица, оплатившего труд „научного раба“, не возникает авторского права на новые научные положения, даже в случае присуждения ему ВАКом ученой степени»⁴⁶. Отдельно рассматриваются фальсификации эмпирического материала: «Наиболее благоприятные условия для фальсификации результатов исследования создаются на стадии сбора эмпирических фактов. Данный антинаучный прием сводится к описанию никогда не существовавших в действительности явлений, либо распространению выводов, полученных в процессе наблюдения незначительного числа фактов, на всю генеральную совокупность, либо одностороннему, предвзятому подбору фактов»⁴⁷. В качестве примера он приводит Зеленогорскую рукопись (подделку, выполненную чешским филологом Ганкой, которая якобы содержала древние славянские законы). Другой пример – фальсификация данных в социальных опросах, когда анкеты заполняются не респондентами, а самими организаторами. «Как показывает история науки, подобных действий не чужаются даже известные ученые с мировым именем. В частности, американский ученый Ю. Маллоу приводит бесспорные свидетельства тому, что знаменитая теория австрийского ученого Фрейда о бессознательном в жизни человека не получила достаточной экспериментальной проверки и строится, мягко говоря, на домыслах и догадках. Из шести пациентов, психику которых якобы Фрейд изучал самым тщательным образом, двое никогда у него не были, а один посещал клинику лишь два раза»⁴⁸. Все эти превращенные формы научной новизны, по мнению В.М. Сырых, являются следствием низкой правовой культуры исследователей, карьеризма и утраты нравственных ориентиров. Он призывает научное сообщество активнее использовать систему «Антиплагиат» и другие средства контроля, но подчеркивает, что никакие технические средства не заменят личной добросовестности ученого. «Только личное успешное творение науки, получение новизны собственными действиями позволяет индивиду находить подлинное удовлетворение от научной деятельности и иметь заслуженный авторитет среди коллег и широкой читательской аудитории»⁴⁹.

Проблема личности ученого, его профессиональной этики и гражданственности становится центральной в статье «Личность исследователя: высокий профессионализм и активность гражданской позиции» (2022). Здесь В.М. Сырых обращается к образам: кудесник из «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина, который не боится

⁴⁵ Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Технология теоретико-правовых исследований : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 576 с.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

могучих владык и не принимает княжеского дара, потому что «правдив и свободен их вещей язык». «Морально-этические принципы, сформулированные А.С. Пушкиным, не утратили своей актуальности по сей день. Современному российскому правоведу надлежит, прежде всего, свято соблюдать первую заповедь – быть честным и правдивым»⁵⁰. В статье дается резкая оценка сервиллизма советских правоведов, в особенности А.Я. Вышинского, который «свел марксистскую теорию права к юридическому позитивизму, признав И.В. Сталина „величайшим марксистом, величайшим ленинцем, гениальным продолжателем творческого марксизма“»⁵¹. Однако В.М. Сырых не ограничивается критикой прошлого; он указывает на то, что и современные российские правоведы зачастую «жалю своей критики охотно направляют в сторону „ужасов“ советского права и за версту обходят недостатки действующего права»⁵². «Правовед, успешно занимающийся лакировкой политико-правовой практики, неизменно делает себе карьеру. Такой автор может быть замечен и облакан государством, материально обеспечен, много раз награжден и с большими почестями похоронен. Но есть еще суд истории, который неизбежно все и всех ставит на свои места, воздает каждому по его действительным заслугам»⁵³. «Ученый не должен, во-первых, принимать участие в разработке мер, наносящих вред обществу, природе, правопорядку; во-вторых, способствовать проведению этих мер в качестве государственного служащего или должностного лица; в-третьих, участвовать в любых формах публичной поддержки и прославления антинародной, антисоциальной политики государства»⁵⁴. В.М. Сырых призывает к воспитанию гражданственности у студентов-правоведов, но с оговоркой, что мораль не может быть выше экономического строя: «попытки формировать моральные стандарты у обучающихся выше реально сущей действительности и фактических порядков являются несостоятельными, о чем свидетельствует весь опыт истории советского государства по воспитанию будущих активных строителей социализма и коммунизма»⁵⁵.

Высокая гражданственность самого Юбилера ярко проявилась в его историко-правовых исследованиях, в которых В.М. Сырых выступил не только соавтором, но и вдохновителем, и организатором авторского коллектива. В 6-м томе «Истории суда и правосудия в России» – «Судоустройство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы)» на обширном фактическом материале показано, как большевики, следуя классовому принципу, разрушили старую судебную систему, но не смогли создать полноценного правосудия. «Освободив советский суд от обязанности соблюдать процедуры, ориентированные на установление истины по делу и соблюдение гарантий защиты прав подсудимого, партия и правительство тем самым уничтожили действительную суть правосудия, превратив его в карательную репрессивную силу, не способную отличить правого от виноватого»⁵⁶, как ликвидация адвокатуры, прокуратуры и предварительного следствия привела к тому,

⁵⁰ Сырых В.М. Личность исследователя: высокий профессионализм и активность гражданской позиции // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 6–20.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Сырых В.М., Краковский К.П., Соломко З.В. История суда и правосудия в России : в 9 томах. Т. 6: Судоустройство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы). Москва : ИОП РГУП, НОРМА, 2022. 664 с.

что суд превратился в придаток чрезвычайных комиссий. Особое внимание уделено революционным трибуналам, которые руководствовались «революционным правосознанием», а не законом, хотя даже в условиях Гражданской войны можно было сохранить элементарные процессуальные гарантии, но большевистское руководство сознательно пошло на их упразднение, полагая, что цель – победа социализма – оправдывает любые средства.

7-й том «Истории суда и правосудия в России» назван «Судоустройство и судопроизводство периодов НЭПа и построения основ социализма (1921–1956 годы)», и здесь В.М. Сырых представил основанную на исторических документах версию генезиса сталинизма и массового террора, резко контрастирующую как с апологетическими (П.Г. Балаев и др.), так и с либерально-обличительными (А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов) оценками.

«И.В. Сталин представлен в новой роли – организатора „микропутча“, лишившего высший орган государственной власти – Верховный Совет СССР – законодательных полномочий в части организации и проведения террора в период с 1930 по 1953 г. с передачей этих полномочий Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР»⁵⁷. Питательную почву для террора составили три фактора: субъективное представление Сталина об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма; отсутствие в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве демократических норм и институтов, способных защитить человека от незаконных посягательств; низкий профессионализм судебно-следственных работников и сотрудников НКВД, которые не умели вести настоящую агентурную работу и потому перешли к «выбиванию» признательных показаний пытками. «Характерная особенность приказов Н.И. Ежова состояла в том, что репрессии надлежало применять в упрощенном и внесудебном порядке»⁵⁸. Приведены шокирующие цифры производительности «двойки»: 10 января 1938 года рассмотрены списки на 1667 человек, 14 января – на 1569, 15 января – на 1884, 16 января – на 1286, 21 января – на 2164 человека. «По состоянию на 10 сентября 1938 г. было рассмотрено дел на 227 986 человек, в том числе осуждено к расстрелу 172 830 человек»⁵⁹.

В статье «Отрицание сталинского террора 1937–1938 гг. вызывает большие сомнения» (2024) В.М. Сырых дает ответ современным ревизионистам, которые пытаются представить Большой террор как «миф», созданный либералами в 1990-е гг. Главным объектом критики выступает книга П.Г. Балаева «Миф о Большом терроре. Наглая антисталинская провокация», где утверждается, что приказ НКВД № 00447 – фальшивка, троек НКВД не существовало, а вся статистика репрессий получена путем приписывания уголовных дел к политическим. В.М. Сырых приводит доказательства из Доклада комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, от 9 февраля 1956 года. «Комиссия работала с подлинными архивными материалами и пришла практически к тем же выводам, что и российские либералы в конце прошлого и в начале XXI в.»⁶⁰. В докладе,

⁵⁷ Сырых В.М., Краковский К.П., Соломко З.В. История суда и правосудия в России : в 9 томах. Т. 7: Судоустройство и судопроизводство периодов нэпа и построения основ социализма (1921–1956 годы). Москва : ИОП РГУП, НОРМА, 2021. 688 с.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Сырых В.М. Отрицание сталинского террора 1937–1938 гг. вызывает большие сомнения // Российская юстиция. 2024. № 6. С. 36–43.

в частности, зафиксировано: «арестовано по политическим преступлениям 1 548 366 человек и из них 681 692 приговорены к высшей мере наказания», «при этом допускались такие грубейшие нарушения законности, как физическое насилие, пытка, фальсификация материалов уголовного дела, рассмотрение дела внесудебными органами (тройками НКВД) в упрощенном порядке, без вызова на процесс подсудимых и права обжалования вынесенного приговора»⁶¹. В.М. Сырых цитирует также шифротелеграмму Сталина от 10 января 1939 г., в которой говорится: «применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»⁶². Опровергая аргументы П.Г. Балаева (молчание перебежчика Люшкова, отсутствие упоминаний у Солженицына и Шаламова, мнимые ошибки в документах и т.д.), В.М. Сырых показывает, что все эти доводы являются косвенными и не могут перевесить прямых свидетельств архивных материалов: «косвенные доказательства, какими бы убедительными они ни казались на первый взгляд, придать истинность названной версии не могут, о чем бесспорно свидетельствуют материалы Доклада комиссии ЦК партии»⁶³. Более того, В.М. Сырых предлагает провести техническую экспертизу подлинности архивных документов (почерковедческую, давности изготовления, оттисков печатей) и «только в этом случае появятся основания признать достоверным его утверждение о фальсификации архивных данных»⁶⁴.

В фокусе научного внимания В.М. Сырых находятся и великие предшественники. Его статья «М.М. Сперанский – выдающийся государственный деятель, основоположник российской правовой науки и юридического образования» (2022) – это дань уважения реформатору, чьи заслуги, по убеждению юбиляра, недооценены. «Его основные заслуги ... чаще всего связываются с подготовкой и изданием Свода законов Российской империи, тогда как он в действительности является основоположником юридической науки и юридического образования, а также ведущим реформатором государственной власти»⁶⁵. Сравнивая методологию М.М. Сперанского и современных постмодернистов, В.М. Сырых отмечает, что первый опирался на системный анализ и практические нужды управления, тогда как вторые уходят в абстрактные рассуждения о «тексте» и «дискурсе». В.М. Сырых призывает вернуться к материалистической теории права, которая «не отвергает позитивных результатов других доктрин, а берет от позитивизма – данные о законотворчестве, от естественного права – учение об объективном праве, от психологической школы – индивидуальное право, от социологии – фактические отношения», «наиболее перспективной предстает разработка механизма перевода объективного права из возможности в действительность. Подобные исследования позволяют, во-первых, освободиться от замшелых догматов позитивистской доктрины права, не способной преодолеть младенческий эмпирический, описательный уровень знаний, во-вторых, дать системное видение закономерностей функционирования, воплощения современного права в

⁶¹ Сырых В.М. Отрицание сталинского террора 1937–1938 гг. вызывает большие сомнения // Российская юстиция. 2024. № 6. С. 36–43.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Сырых В.М. М.М. Сперанский – выдающийся государственный деятель, основоположник российской правовой науки и юридического образования // Российская юстиция. 2022. № 4. С. 24–31.

конкретных отношениях, в-третьих, вооружить студентов подлинно научной, прогрессивной теорией о праве и, в-четвертых, снабдить юридическую практику научно обоснованными предложениями о путях совершенствования законодательства и практики его применения»⁶⁶.

Так, научное творчество Владимира Михайловича Сырых представляет собой редкий пример единства методологии, теории, истории и этики, его труды – пример служения науке без страха и угодничества. По верному замечанию Юбилера «правовая наука не может быть лучше и талантливее развивающих ее ученых. Поэтому каждому, кто имеет честолюбивые планы в науке, следует быть не только способным, талантливым, но и, прежде всего, правдивым, не называть белое черным, если даже об этом вас очень просят и даже обещают „золотые горы и реки, полные вина“»⁶⁷. В эпоху, когда постмодернистская риторика «множественности истин» проникла и в правоведение, позиция В.М. Сырых звучит и как призыв вернуться к классическим идеалам научной рациональности, трудному открытию объективных закономерностей, поиску конкретных истин.

Материалистическая теория права В.М. Сырых предлагает работающую модель, схватывающую объективные закономерности действия права, которые ускользали от внимания либо не в полной мере учитывались в других доктринах правоведения прошлого и современности, которая объясняет, почему одни законы действуют, а другие остаются мертвыми, выделение стадий индивидуального и конкретного права, обоснование того, что нормы права являются не регуляторами, а официальной информационной основой для деятельности субъектов – эти и другие положения представляют собой не умозрительные гипотезы, а верифицируемые утверждения.

Дискутировать с положениями, выдвигаемыми автором, можно, а для развития науки и нужно, но исключительно на том же высоком уровне, на котором сам автор обоснованно, системно и последовательно приводит свою аргументацию – поверхностная критика, отсылки к «общепринятым» догмам или попытки опереться на авторитеты здесь не работают.

Так, положение о том, что позитивное право, его нормы – это не регулятор, а проектная документация, а реальный регулятор – это всегда субъект, действующий на основе нормативной правовой информации, может быть оспорено путем обоснования альтернативной, не менее согласованной модели правового регулирования, либо через доказывание того, что технические регуляторы и правовые нормы не подпадают под общее родовое понятие. Включение этой идеи в теоретические построения способно дать развитие правоведению в направлении ее проверки на соответствие реальной правовой практике и выведения обобщений из эмпирических фактов, что и есть подлинная наука.

В.М. Сырых не боится называть вещи своими именами: террор – террором, фальсификаторов – фальсификаторами, а плагиаторов – плагиаторами. Такая гражданская смелость, подкрепленная глубочайшей эрудицией, делает его не только

⁶⁶ Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Объективное право и формы его выражения : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 564 с.; Сырых В.М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сб. статей к 100-летию со дня рождения проф. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. С. 230–259.

⁶⁷ Сырых В.М. Личность исследователя: высокий профессионализм и активность гражданской позиции // Правовая культура. 2022. № 4 (51). С. 6–20.

крупным теоретиком, но и нравственным авторитетом для молодого поколения правоведов. Его работы по методологии должны стать настольными для каждого аспиранта и докторанта, а исследования по истории права – предостережением от повторения тоталитарных практик.

Пожелаем Владимиру Михайловичу крепкого здоровья, новых творческих успехов и дальнейшего развития созданной им школы материалистического правового понимания. Прогрессивное развитие российского государства нуждается в такой честной, глубокой и патриотичной юридической науке, которую олицетворяет профессор Владимир Михайлович Сырых!

Сведения об авторах:

Власенко Николай Александрович – доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-9548-3396; SPIN-код: 7031-6978

e-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

Панченко Владислав Юрьевич – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); Российская Федерация, 117638, г. Москва, ул. Азовская д. 2, корп. 1; профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности; Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А; профессор, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 654066, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49; главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Российская Федерация, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1; главный научный сотрудник, Сибирский федеральный университет; Российская Федерация, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

ORCID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-код: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

About the authors:

Nikolai A. Vlasenko – Doctor of Legal Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Professor, Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9548-3396; SPIN-code: 7031-6978

e-mail: nikolai_vlasenko@mail.ru

Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Theory, History of State and Law, All-Russian State University of Justice; Bld. 1, 2 Azovskaya str., Moscow, 117638, Russian Federation; Full Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property; 55A Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117279, Russian Federation; Full Professor, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia; 49 Oktyabrsky Ave., Novokuznetsk, 654066, Russian Federation; Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service; Bld. 1, 15a Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation; Chief Researcher, Siberian Federal University; 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3303-2941; SPIN-code: 5096-0428

e-mail: panchenkovlad@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-665-672>
EDN: PVOHSC

Информационная статья / Information Article

**Актуальные проблемы и тенденции развития
административного и административно-процессуального права
в России и зарубежных странах: обзор Всероссийской
научно-практической конференции, посвященной 75-летию
юбилею доктора юридических наук, профессора А.Б. Зеленцова,
Москва, 11 февраля 2026 г.**

О.А. Ястребов^{ID}, Е.В. Муратова^{ID}, З.В. Макаrchук^{ID}✉

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
✉makarchuk-zv@rudn.ru

Поступила в редакцию: 28 марта 2026 г.

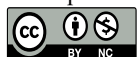
Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Ястребов О.А., Муратова Е.В., Макаrchук З.В. Актуальные проблемы и тенденции развития административного и административно-процессуального права в России и зарубежных странах: обзор Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А.Б. Зеленцова, Москва, 11 февраля 2026 г. // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 665–672. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-665-672> EDN: PVOHSC

© Ястребов О.А., Муратова Е.В., Макаrchук З.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**Current Issues and Trends in Administrative
and Administrative-Procedural Law in Russia and Abroad:
Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference
Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Legal Sciences,
Professor A.B. Zelentsov, Moscow, February 11, 2026**

Oleg A. Yastrebov^{ib}, Elena V. Muratova^{ib}, Zlata V. Makarchuk^{ib}✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉makarchuk-zv@rudn.ru

Received: March 28, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Yastrebov, O.A., Muratova, E.V., Makarchuk, Z.V. (2026) Current Issues and Trends in Administrative and Administrative-Procedural Law in Russia and Abroad: Review of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Legal Sciences, Professor A.B. Zelentsov, Moscow, February 11, 2026. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 665–672. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-665-672> EDN: PVOHSC

11 февраля 2026 г. в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН) состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы и тенденции развития административного и административно-процессуального права в России и зарубежных странах», посвященная 75-летию юбилею д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации, профессора-консультанта кафедры административного и финансового права РУДН Александра Борисовича Зеленцова.

Работа конференции прошла в рамках приветственно-поздравительной и пленарной частей, а также двух тематических секций, которыми руководили модераторы – представители кафедры административного и финансового права РУДН.

В конференции приняли участие более 150 ученых из России и зарубежных государств, в том числе представители руководства и профессорско-преподавательского состава Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, представители МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Института государства и права Российской академии наук, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Финансового университета при Правительстве РФ, Академии управления МВД России, Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Сибирского федерального университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Воронежского государственного университета,

Новосибирского государственного университета экономики и управления, Сибирского юридического университета, Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, Ташкентского государственного юридического университета.

Конференцию с поздравительной речью в адрес *Александра Борисовича Зеленцова* и приветствием к ее участникам открыл президент Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, д-р физ.-мат. наук, профессор, академик Российской академии образования *Владимир Михайлович Филиппов*. В своей речи Владимир Михайлович отметил вклад профессора *А.Б. Зеленцова* в развитие юридической науки и образования, вручив *А.Б. Зеленцову* награду – медаль *Владимира Францевича Станиса*, выдающегося ученого-экономиста, ректора Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы 1970–1993 гг., которая вручается, в частности, преподавателям или сотрудникам университета, внесшим значительный вклад в его развитие.

Приветственное слово к собравшимся и слова поздравления прозвучали также от первого проректора – проректора по научной работе РУДН, д-ра мед. наук, профессора, члена-корреспондента РАН, заслуженного работника здравоохранения Российской Федерации *Андрея Александровича Костина*.

Со словами огромной признательности и благодарности профессору *А.Б. Зеленцову* обратился в своем видеопоздравлении ректор Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, заведующий кафедрой административного и финансового права РУДН, д-р юрид. наук, д-р экон. наук, профессор *Олег Александрович Ястребов*. Он отметил, что *А.Б. Зеленцов* сыграл особую роль в его профессиональном и научном становлении и в его судьбе. В обращении было подчеркнуто, что «профессиональная биография Александра Борисовича на протяжении десятилетий неразрывно связана с развитием отечественной школы публичного права и юридического образования. Еще в 90-е гг. *Александр Борисович Зеленцов* в РУДН заложил основы научной школы административной юстиции, создав прочный фундамент подготовки юристов в сфере государственного управления, административного и финансового права. Кафедра стала центром публично-правового образования в нашем университете. Его научные исследования посвящены ключевым вопросам функционирования публичной власти: административному процессу, государственному контролю и надзору, публичной службе, финансово-бюджетному регулированию, механизмам ответственности государства перед гражданином. Под научным руководством *Александра Борисовича* подготовлены десятки кандидатов и докторов юридических наук, а его ученики сегодня работают в ведущих университетах, органах государственной власти, судебной системе, экспертных и международных структурах».

«Для меня, – отметил *О.А. Ястребов*, – Александр Борисович – Учитель в самом высоком и масштабном смысле этого слова. Под его научным руководством я прошел путь от студента бакалавриата до докторской диссертации. Его научная требовательность, стратегическое научное видение, уважение к самостоятельной мысли ученика сформировали целое поколение исследователей. При этом масштаб ученого в нем органично сочетается с личной интеллигентностью, доброжелательностью, внутренней культурой и тонким чувством юмора – качествами, которые создают подлинную академическую среду и традицию ученичества. Дорогой Александр Борисович! От всей души поздравляю Вас с 75-летием! Желаю крепкого здоровья,

благополучия, неиссякаемой творческой энергии, новых научных идей, талантливых учеников и дальнейших успехов на благо юридической науки!»

В ходе торжественной части конференции прозвучало еще несколько видеопоздравлений от руководства юридического института РУДН, коллег и учеников: с поздравительной речью к юбиляру обратился заведующий Центром международного права и сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, *Анатолий Яковлевич Капустин*; директор юридического института РУДН, заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, *Аслан Хусейнович Абашидзе* и другие.

В рамках торжественной части конференции поздравительную речь произнесла д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель экспертного совета ВАК России по праву, президент Международной ассоциации финансового права, объединяющей ученых шести государств, *Елена Юрьевна Грачева*.

С поздравительным словом также выступили *Виталий Владимирович Еремян*, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства РУДН; *Владимир Михайлович Платонов*, канд. юрид. наук, профессор, советник юстиции, заведующий кафедрой публичной политики и истории государства и права РУДН, президент Московской торгово-промышленной палаты.

На конференцию поступили многочисленные поздравительные адреса юбиляру от ведущих юридических образовательных организаций, научных учреждений, государственных органов, общественных объединений и редакций научных журналов России и ряда зарубежных стран, среди которых коллектив юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Воронежского государственного университета, Саратовской государственной юридической академии, юридического института Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ)), Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России, редакции научно-аналитического журнала «Публичное право сегодня», юридического факультета Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики и др.

Поздравительные адреса были оглашены заведующим кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности РУДН, канд. юрид. наук, доцентом *Евгением Юрьевичем Комлевым*, а также участниками конференции, среди них: *Нелли Ивановна Побежимова*, профессор кафедры административного, информационного и финансового права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; *Олег Николаевич Шерстобоев*, доцент кафедры административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; *Анастасия Валентиновна*

Калмыкова, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и др.

Значимым событием в рамках празднования юбилея стало также награждение профессора *А.Б. Зеленцова* медалью «Почетный ветеран ВПК МВД России», а также квалификационным знаком «Спортивная аналитика» АНО «Спортивная Арбитражная Палата» (Chamber of Arbitration for Sport).

Участниками конференции были в том числе многочисленные ученики профессора *А.Б. Зеленцова*, включая действующих аспирантов и докторантов, а также успешно защитивших под руководством Александра Борисовича кандидатские и докторские диссертации.

Докладчиками отмечался большой вклад профессора *А.Б. Зеленцова* в развитие административного и административно-процессуального права России, влияние его трудов на *формирование* современной модели российской административной юстиции (и административного судопроизводства), актуализацию в постсоветский период и разработку юридической конструкции административного иска, легитимацию и легализацию административного спора, обоснование авторской концепции судебного административного права, совершенствование понятийно-категориального аппарата теории субъектов административного права, развитие представлений о динамике и демократизации правового статуса невластных субъектов административного права и др.

В рамках конференции были обсуждены многие актуальные вопросы и проблемы административного права и процесса, в том числе становление и развитие правового института публичного управления и его формы, способы разрешения административных споров в российской правовой системе и административно-правовые способы защиты права, предмет и принципы административного судопроизводства, институционализация административного усмотрения, вопросы, связанные с пониманием административно-деликтного права, его места и функций, проблемы становления и концептуальной определенности международного административного права и др.

Пленарное заседание конференции открыл *Андрей Александрович Клишас*, д-р юрид. наук, профессор, научный руководитель юридического института РУДН, заведующий кафедрой теории права и государства РУДН, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, представитель от исполнительного органа государственной власти Красноярского края.

В качестве модератора пленарной части конференции и работы ее первой секции выступил профессор кафедры административного и финансового права РУДН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, д-р юрид. наук, доцент *Кирилл Андреевич Писенко*.

С первым докладом выступил *Старилов Юрий Николаевич*, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Воронежского государственного университета (ВГУ), заведующий кафедрой административного и административного процессуального права ВГУ, президент Национальной ассоциации административистов (НАСА) России. Предметом доклада стали вопросы **приоритета инновационности и технологического развития как безусловного вызова в системе российского административного права**.

Юрий Петрович Соловей, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук, вице-президент Евразийской академии административных наук, ректор Сибирского юридического университета осветил в своем докладе актуальные вопросы **правовой институционализации административного усмотрения**.

Выступление директора АНО «Спортивная Арбитражная Палата» Олимпийского комитета России, Генерального секретаря Национального Центра Спортивного Арбитража, председателя Экспертного совета Российского спортивного фонда, д-ра юрид. наук, профессора *Игоря Владиславовича Понкина* было посвящено **подробному описанию и комплексному оцениванию научного пути д-ра юрид. наук, профессора А.Б. Зеленцова и его научного вклада в науку административного права и процесса, в общую теорию публичного управления**. Выступающий глубоко оценил научную школу, созданную *А.Б. Зеленцовым*, научные заслуги многочисленных его учеников, ценность научного потенциала работ *А.Б. Зеленцова*.

Борис Вульфович Россинский, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Университета имени О.Е. Кутафина выступил с докладом на тему: **«Публичное управление как новый правовой институт»**.

Доклад *Александра Ивановича Стахова*, д-ра юрид. наук, профессора, заведующего кафедрой административного права и процесса им. Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ был посвящен тематике **административных споров в российской правовой системе, разрешаемых в административно-процессуальном порядке**.

Наталья Михайловна Чепурнова, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, заведующая кафедрой междисциплинарных правовых исследований Института права и национальной безопасности РАНХиГС выступила с докладом на тему: **«Вклад Александра Борисовича Зеленцова в становление и развитие судебного административного права России»**.

Сергей Михайлович Зубарев, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Университета имени О.Е. Кутафина, Председатель правления Национальной ассоциации административистов России выступил с докладом **«Влияние новых вызовов и угроз на эволюцию правовых актов управления»**¹.

В пленарной части конференции также выступили: *Алексей Алексеевич Гришковец*, д-р юрид. наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; *Ольга Сергеевна Рогачева*, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры административного и административного процессуального права, заместитель декана по научной работе и аспирантуре юридического факультета Воронежского государственного университета; *Леонид Борисович Хван* (Узбекистан), канд. юрид. наук, доцент Ташкентского государственного юридического университета; *Григорий Владимирович Мельничук*, канд. юрид. наук, президент Московской коллегии адвокатов «Концепция»; *Голибчон Бакоевич Санавварзода* (Таджикистан), д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного

¹ Доклад подготовлен в рамках исследования за счет гранта РНФ N 24-18-00764.

права Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики; *Константин Владимирович Давыдов*, д-р юрид. наук, доцент, проректор по юридическому образованию – декан юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного и административного права Сибирского университета потребительской кооперации; *Владимир Михайлович Редкоус*, д-р юрид. наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»; *Анатолий Михайлович Кононов*, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами внутренних дел, главный научный сотрудник Академии управления МВД России; *Ольга Валентиновна Кривельская*, канд. юрид. наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного и финансового права по научной работе МГИМО МИД России и многие другие.

Вторая тематическая секция мероприятия была посвящена **актуальным проблемам административного права и процесса в отдельных сферах регулирования**. В качестве модераторов выступили профессор кафедры административного и финансового права РУДН, д-р юрид. наук *Атабек Рустамович Атабеков*, а также старший преподаватель кафедры административного и финансового права РУДН, канд. юрид. наук, доцент *Залифа Мажитовна Баймуратова*.

Работу **второй секции** открыл своим выступлением *Дмитрий Максимович Лифанов*, канд. юрид. наук, доцент кафедры административного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. Был представлен доклад на тему: **«Разрешение споров публичной администрацией: межотраслевой аспект»**.

Продолжил работу секции своим выступлением канд. юрид. наук, доцент кафедры административного права и процесса им. Н.Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева *Сергей Александрович Порываев*, доклад которого был посвящен теме **развития системы разрешения судебных административных споров в Российской Федерации на современном этапе**. Суммарно в рамках второй секции были озвучены 15 докладов.

Хотелось бы еще отдельно упомянуть, что юбилей *А.Б. Зеленцова* и конференция получили широкий отклик в массмедиа и социальных сетях. Так, на основе пресс-клиппинга, подготовленного организаторами мероприятия, было найдено более двух десятков анонсов и пострелизов о конференции, размещенных на официальных сайтах, в «ВКонтакте» и Telegram-каналах образовательных организаций, например: Высшая школа правоведения Президентской академии, юридический институт Российского университета транспорта, официальный сайт РУДН, Telegram-канал юридического института РУДН, официальный сайт Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Институт государства и права РАН, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева и др.

Конференция объединила ведущих ученых, практиков, преподавателей и молодых исследователей ведущих юридических школ страны и стала ярким событием в научной жизни, позволив участникам обсудить тенденции развития отрасли, влияние геополитических процессов на законодательство и поиск новых подходов к решению правовых проблем.

Сведения об авторах:

Ястребов Олег Александрович – доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, юридический институт, ректор, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-4943-6940; SPIN-код: 7824-4837

e-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Муратова Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0003-1164-6299; SPIN-код: 7452-3212

e-mail: muratova-ev@rudn.ru

Макаrchук Злата Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-7859-1355; SPIN-код: 6728-6122

e-mail: makarchuk-zv@rudn.ru

About the authors:

Oleg A. Yastrebov – Doctor of Legal Sciences, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4943-6940; SPIN-code: 7824-4837

e-mail: yastrebov-oa@rudn.ru

Elena V. Muratova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-1164-6299; SPIN-code: 7452-3212

e-mail: muratova-ev@rudn.ru

Zlata V. Makarchuk – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7859-1355; SPIN-code: 6728-6122

e-mail: makarchuk-zv@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-673-678>
EDN: PXPFEC

Информационная статья / Information Article

Судебная власть и судоустройство: обзор III Международной научно-практической конференции, Москва, 13 марта 2026 г.

Е.Ю. Комлев^{ID}✉, Д.А. Добряков^{ID}, Ю.В. Сухоставская^{ID}

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
✉komlev-eyu@rudn.ru

Поступила в редакцию: 23 апреля 2026 г.

Принята к печати: 15 июля 2026 г.

Для цитирования:

Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., Сухоставская Ю.В. Судебная власть и судоустройство: обзор III Международной научно-практической конференции, Москва, 13 марта 2026 г. // RUDN Journal of Law. 2026. Т. 30. № 3. С. 673–678. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-673-678> EDN: PXPFEC

Judicial Power and Judicial System: Review of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 13, 2026

Evgeny Y. Komlev^{ID}✉, Denis A. Dobryakov^{ID}, Yuliia V. Sukhostavskaya^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉komlev-eyu@rudn.ru

Received: March 23, 2026

Accepted: July 15, 2026

For citation:

Komlev, E.Y., Dobryakov, D.A., Sukhostavskaya, Y.V. (2026) Judicial Power and Judicial System: Review of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 13, 2026. *RUDN Journal of Law*. 30 (3), 673–678. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-3-673-678> EDN: PXPFEC

© Комлев Е.Ю., Добряков Д.А., Сухоставская Ю.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

13 марта 2026 г. кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности юридического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы была проведена III Международная научно-практическая конференция «Судебная власть и судоустройство». В работе конференции приняли участие более ста ученых-правоведов, адвокатов, представителей органов публичной власти и гражданского общества, аспирантов и студентов. И если в прошлом году конференция стала площадкой для взаимодействия практики и теории с акцентом именно на обмене практическим опытом между судьями и работниками аппаратов судов, то теперь основное внимание было уделено доктринальному осмыслению тенденций судоустройства и осуществления судебной власти в России и зарубежных странах в современных условиях.

Это осмысление представляется возможным выделить в качестве одной из основных целей конференции – другой целью, как и прежде, стало вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность. Студенты РУДН и других высших учебных заведений, принявшие участие в работе конференции, познакомились с позициями ведущих ученых и опытом юристов-практиков, а также представили собственные суждения по вопросам организации и развития судебных систем, выступив с докладами, некоторые из которых послужили поводом для широкого обсуждения. В результате участия в конференции студенты получили навыки публичного выступления и аргументации своих позиций в ходе научной дискуссии.

В рамках конференции было проведено пленарное заседание, модератором которого выступил *Евгений Юрьевич Комлев*, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности РУДН. С приветственным словом к участникам конференции обратились: *Аслан Хусейнович Абашидзе*, д-р юрид. наук, профессор, директор юридического института РУДН, заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации; *Светлана Аркадьевна Смирнова*, д-р юрид. наук, канд. хим. наук, профессор, заведующий кафедрой судебно-экспертной деятельности РУДН, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации; *Руслан Муратбекович Мырзалимов*, д-р юрид. наук, профессор, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики.

Доклады на пленарном заседании представили *Татьяна Ивановна Отческая*, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (тема доклада: «Современное состояние защиты прокурором в судах публичных интересов»), *Елена Владимировна Бурдина*, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева (тема доклада: «Специализация судов vs единство судебной практики: подходы к судоустройству в России и странах СНГ»), *Марина Викторовна Немытина*, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (тема доклада: «История судебного реформирования в России»), *Ева Михайловна Меркачёва*, член Совета при Президенте Российской Федерации

по развитию гражданского общества и правам человека (тема доклада: «Развитие судов присяжных в рамках поручения Президента»), *Татьяна Андреевна Васильева*, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права Российской академии наук (тема доклада: «Судебная реформа 2026 года в Италии»), *Сергей Александрович Дюжиков*, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой медиации и социального инжиниринга, Южный федеральный университет (тема доклада: «Развитие медиации на Юге России») и *Олеся Витальевна Жукова*, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности, Тверской государственной университет (тема доклада: «Вопросы унификации и дифференциации процессуального законодательства»).

После пленарного заседания была организована работа трех тематических секций конференции. Первая секция «Судебная власть и публичное право» (модератор – *Денис Андреевич Ширёв*, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности РУДН) была посвящена обсуждению развития публично-правовых отраслей судопроизводства, а также анализу проблем легитимации органов конституционного контроля в системе разделения властей, определению роли суда в системе публичной власти и другим актуальным вопросам.

Во второй секции «Судебная власть и частное право» (модератор – *Андрей Александрович Терехов*, преподаватель кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности РУДН) рассматривались тенденции развития гражданского и арбитражного судопроизводства, а также других смежных непроправовых вопросов, связанных с анализом российского и зарубежного опыта.

В рамках третьей секции «Проблемы и тенденции судоустройства» (модератор – *Денис Андреевич Добряков*, канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности РУДН) основными темами для обсуждения стали вопросы развития судебных систем России и зарубежных стран на современном этапе и в исторической ретроспективе.

Одной из основных тем, к которой неоднократно возвращались участники конференции, стала цифровизация одновременно судебного процесса (это, прежде всего, полноценное признание цифровых доказательств и гипотетическое использование интеллектуальных технологий при их оценке) и судоустройства (обеспечение дистанционного участия в судебном процессе, фиксация хода судебных заседаний, внедрение технологий распознавания речи и идентификации участников судебного процесса, развитие цифровой инфраструктуры судебных учреждений и так далее).

Несмотря на признание неизбежности цифровизации жизнедеятельности современных общественных отношений, участники конференции, проанализировав российский и зарубежный опыт внедрения цифровых технологий в деятельность суда и осуществление правосудия, отметили, что любые подобные технологические решения не должны подменять человека при принятии любого юридически значимого решения или, как минимум, полностью исключать его из процесса его принятия. Возникновение функционирующей модели «цифрового юриста» и тем более – «цифрового судьи» остается отдаленной и исключительно теоретической вероятностью, для приближения к которой необходимо решить более насущные проблемы доступности цифровых технологий широким слоям населения (и речь здесь идет как о наличии у граждан технического доступа к таким технологиям, так и о получении

ими необходимых навыков их использования), защиты персональных данных, развития и обеспечения бесперебойного функционирования элементов критической информационно-инфраструктуры – и этим перечень проблем не исчерпывается.

При этом внедрение отдельных цифровых решений способствует не только оптимизации судебного процесса, но также и повышению доверия общества к институту суда и его деятельности – ярким примером здесь служит продолжающееся в настоящее время введение практики публичной трансляции судебных заседаний в Киргизской Республике.

Особого внимания заслужило использование генеративного искусственного интеллекта (так называемых «нейросетей»; далее – ИИ), который потенциально способен снизить нагрузку судей и участников судебного процесса за счет делегирования ему ряда задач, среди которых можно выделить, прежде всего, предварительный анализ материалов, обобщение значительных объемов данных и формулирование проектов документов. Однако также было отмечено, что в реальности генеративный ИИ склонен к искажению информации, а его использование сопряжено с рисками несанкционированного доступа к персональным данным или иной чувствительной информации, поскольку большинство существующих программ, предоставляющих доступ к соответствующим технологиям, функционирует на сторонних (и, как правило, зарубежных) серверах, а их использование предполагает передачу информации по обычным каналам связи, их обработку и последующее хранение в качестве элемента «обучения» ИИ.

Поэтому, несмотря на внешнюю привлекательность внедрения ИИ в судопроизводство и юридическую практику как таковую, подобный шаг требует одновременного принятия различных технических и организационных решений, включающих, помимо прочего, обучение участников процесса использованию указанных технологий и установлению ответственности за неосмотрительность или злоупотребления при их использовании¹.

Среди других фундаментальных вопросов, обсуждавшихся на конференции, было определение места судебной власти в системе публичной власти в контексте обеспечения гарантий ее независимости и реализации принципа разделения властей. Начало рассмотрению этой темы было положено в рамках пленарного заседания на примере анализа недавней попытки судебной реформы в Италии, в рамках которой исполнительная власть инициировала пересмотр конституционных основ построения итальянской судебной системы и формирования судейского корпуса. Данная реформа была воспринята крайне неоднозначно (например, отмечалась опасность формирования подотчетности суда правительству) и, как стало известно уже после проведения конференции, не увенчалась успехом². В целом, участники конференции отметили, что без подлинно независимой судебной власти невозможно построение правового государства и эффективная защита прав и законных интересов граждан.

¹ Здесь уместно упомянуть и массовое использование поддельных «доказательств» в судебном процессе, которое является самостоятельным предметом научного исследования. См., например, Linna Jr, D. W., Dalal, A., Gao, C., Grimm, P. W., Grossman, M. R., Pulice, C., ... & Tunheim, H. (2024) Deepfakes in court: How judges can proactively manage alleged AI-generated material in national security cases. Northwestern Law & Econ Research Paper, (24–18), 24–26. URL: <https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm?abstractid=4943841> (дата обращения: 24.03.2026).

² Balmer, C. & Amante, A. Italy's Meloni loses justice referendum, denting her political aura // Reuters, March 23, 2026. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/exit-polls-suggest-italys-meloni-has-narrowly-lost-justice-referendum-vote-2026-03-23/> (дата обращения: 24.03.2026).

Наконец, внимания заслуживает и обсуждение преемственности исторического опыта судостроительного развития и целесообразности учета этого опыта при дальнейшем совершенствовании судебной системы – как справедливо отмечал Василий Осипович Ключевский, «история не учительница, а надзирательница, *magistra vitae*: она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»³, что вполне относится и к истории судебной власти.

Отдельным направлением работы конференции стало проведение секции (в виде научного семинара) на испанском языке. Модератором и докладчиком в рамках указанного направления выступил *Евгений Юрьевич Комлев*, который в своем докладе отразил наиболее актуальные вопросы, касающиеся функционирования судебной системы, включая роль суда в разрешении публично-правовых споров. Докладчиками секции на испанском языке также выступили: *Эна Росио Карнеро Арройо*, выпускница РУДН, д-р юрид. наук, профессор Национального университета Трухильо (Перу) с темой «Конституционный контроль в Перу»; *Сильвио Марсело Дальера*, профессор Национального университета Тукумана (Аргентина) с темой «Правосудие как система»; *Себастьян Лопес Календино*, профессор Национального университета Ла-Плата, профессор Университета Кеннеди (Аргентина), который представил подробное сравнительно-правовое исследование регулирования мировой юстиции в России и Аргентине; *Коста Севальос Марсело Армандо*, профессор Частного технического университета Лохы (Эквадор), осветивший вопросы функционирования судебной системы Эквадора; *Александра Пералес* (Венесуэла), аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности РУДН, представившая доклад о функционировании судебной системы Венесуэлы в условиях современных вызовов. В качестве участников дискуссии также выступили представители профессорского-преподавательского состава, аспиранты и студенты Университета Сан-Карлос (Гватемала), Национального автономного университета Мехико (Мексика), Национального университета Трухильо (Перу), Частного северного университета (Перу), Национального университета Тукумана (Аргентина), Университета Кеннеди (Аргентина). В этой связи стоит отметить, что сравнительно-правовые исследования в сфере функционирования судебных систем и организации правосудия в современных государствах находятся в фокусе внимания юридического института РУДН⁴.

Полагаем цели конференции достигнутыми, а ее результаты – основой для проведения новых научно-практических мероприятий кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

³ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т., под ред. В.Л. Янина. Т 9: Материалы разных лет. Москва : Мысль, 1990. С. 393.

⁴ См., например: Судебная власть и судостроительство : тенденции и перспективы правового регулирования : монография / Д.А. Авдеев, М.Т. Аширбекова, А.К. Балдин [и др.]; под общ. ред. О.А. Ястребова, Е.Ю. Комлева. Москва : РУДН, 2024. 381 с.; Судебная власть и судостроительство : тенденции и перспективы правового регулирования : монография / И.Д. Арешкина, О.З. Блас, О.Ю. Болдырев [и др.]; под общ. ред. О.А. Ястребова, Е.Ю. Комлева. 2-е изд., перераб. Москва : РУДН, 2026. 415 с.;

Сведения об авторах:

Комлев Евгений Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-код: 4470-8099

e-mail: komlev-eyu@rudn.ru

Добряков Денис Андреевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-код: 7147-4646

e-mail: dobryakov-d@rudn.ru

Сухоставская Юлия Валерьевна – старший преподаватель кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности, юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID: 0000-0002-2398-7712; SPIN-код: 8107-1257

e-mail: sukhostavskaya-yuv@rudn.ru

About the authors:

Evgeny Y. Komlev – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Judicial Power, Civil Society and Law Enforcement, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7246-8014; SPIN-code: 4470-8099

e-mail: komlev-eyu@rudn.ru

Denis A. Dobryakov – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Judicial Power, Civil Society and Law Enforcement, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2384-8659; SPIN-code: 7147-4646

e-mail: dobryakov-d@rudn.ru

Yuliia V. Sukhostavskaya – senior lecturer, Department of Judicial Power, Civil Society and Law Enforcement, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2398-7712; SPIN-code: 8107-1257

e-mail: sukhostavskaya-yuv@rudn.ru